КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XLIX.

1895 г.

МАЙ.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.
1895.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I-й.

ОТДѢЛЪ II-й.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XLIX.

1895 г

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4-6.

1895.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 2 Мая 1895 года.

ИЗЪ МОЕГО ДАВНОПРОШЕДШАГО[1].

Пережитыя пятьдесятъ лѣтъ даютъ мнѣ нѣкоторое право оглянуться назадъ и вспомнить мое давнопрошедшее. Было бы странно писать мнѣ автобіографію, такъ какъ въ ней не нашлось бы ничего сколько нибудь интереснаго и поучительнаго. Въ моей памяти и въ моемъ портфелѣ сохранились кое-какія свѣдѣнія о прошлыхъ явленіяхъ и о сошедшихъ уже со сцены людяхъ, имѣющія историческій и бытовой интересъ. Этими то свѣдѣніями я и хотѣлъ бы подѣлиться съ моими земляками, я и хотѣлъ бы сохранить ихъ для нарождающагося поколѣнія, ожидающаго уже ваканціи на мѣста, отсиживаемыя еще пока нами—стариками.

Оканчивая въ первой половинѣ 60-хъ годовъ кіевскій университетъ, я помѣстилъ въ длинномъ рядѣ номеровъ „Кіевлянина", издававшагося покойнымъ историкомъ В. Я. Шульгинымъ, „Записки объ университетской жизни", которыя составлялись мною при участіи „незабутняго" моего друга, а затѣмъ профессора В. Б. А—ча. Когда я просматриваю эти всѣми давно забытыя записки, въ памяти моей воскресаютъ годы юности, лучшіе въ человѣческой жизни годы. Затѣмъ, въ теченіе 20 лѣтъ я исписалъ массу тетрадей, живя въ Царствѣ Польскомъ и на Кавказѣ, замѣтками о текущихъ дняхъ. Тетради эти не

[1]) Авторъ этихъ воспоминаній, Даніилъ Константиновичъ Морозъ, служившій въ послѣднее время на Кавказѣ, умеръ около года тому назадъ. Изъ напечатанныхъ имъ сочиненій, кромѣ отмѣченныхъ въ этихъ запискахъ, намъ извѣстны слѣдующія: 1) Арихметика, або щотниця. Кіевъ 1862; 2) Безталанна; оповидання (Основа, 1862, 8); 3) Бувъ кинь та зъиздывся; комедія въ 3-хъ діяхъ. Кіевъ 1864. Подпись: *Данило Костянтиновичъ*, т. е. имя и отчество автора; 4) Какъ справляли черноморцы свое новоселье на Тамани (Кіев. Стар. 1883, 1); 5) Воспоминанія о Н. И. Костомаровѣ. Подпись *Д. К. М.* (Кіев. Стар. 1891, 7).

имѣютъ никакой цѣны, такъ какъ содержаніе ихъ лишено общественнаго интереса и отличается субъективностью, могущею интересовать только составителя замѣтокъ. Единственная цѣль ихъ ограничивалась желаніемъ сохранить память о лучшихъ людяхъ и о тѣхъ явленіяхъ, которыя представляли собою, по тѣмъ или инымъ поводамъ, личный интересъ. Поэтому-то, приготовивъ одну изъ тетрадей для внесенія замѣтокъ, я и написалъ на ней такой mot d'ordre:

Оттакъ, якъ ничого робыты,
Згребаю все зъ своїй души,
До купы складую... читаты
Колысь-то прыйдется,
Якъ получу отставку чисту
Видъ дилъ громадськихъ.
Мо слёзы радощивъ
Зъ очей моихъ поллютця,
Або нудьгой охоныть душу прошле,
Що вже не вернется николы...

О всѣхъ сошедшихъ уже въ могилу лицахъ въ моемъ давнопрошедшемъ я сохраняю самую наилучшую память, а поэтому позволяю себѣ называть ихъ полными именами, или полными прозвищами (неоффиціальными именами, по-уличному). Наши старики любили прозвища и не оскорблялись ими. Одного изъ нихъ называли Базарнимъ, другого—Тараканомъ, третьяго—Бабіемъ и пр. Я не боюсь потревожить имъ заброшенныя и давно позабытыя могилы, сознавая вполнѣ, что надъ трупами ихъ, выражаясь ихъ собственнымъ языкомъ, „земля перомъ лежыть“.

Кто были мои предки—сказать я „не скажу“, а не скажу потому, что и самъ не знаю. Покойный нашъ историкъ Н. И. Костомаровъ, встрѣчая меня въ своей квартирѣ, на 11 линіи Васильевскаго острова, въ д. Корманова, всегда привѣтствовалъ словами нараспѣвъ одной народной думы, увѣряя, будто бы воспѣваемый ею народный герой является моимъ предкомъ. Мнѣ же кажется, что ни сошедшій въ могилу историкъ, ни достойнѣйшій его преемникъ А. М. Лазаревскій не смогутъ возсоздать моего родословнаго древа, хотя бы оно и могло за-

интересовать ихъ. Я живо помню изъ моего дѣтства, что у родителей моихъ сохранялась доставшаяся отъ бабушки Софіи Федоровны „скрынька“ съ „бомагами“, запиравшаяся двумя замками. Безъ сомнѣнія, въ ней были богатыя данныя для составленія никому ненужнаго нынѣ моего древа. Гдѣ дѣлась эта „скрынька“, гдѣ дѣлись изъ нея „бомаги“, одному Богу вѣдомо. Изъ нея дошли ко мнѣ и нынѣ благополучно сохраняются только четыре бумаги, т. е. какая-нибудь сотая частица.

Прадѣдъ мой Иванъ Морозъ умеръ до 1783 года въ гор. Березномъ [1]) въ чинѣ значковаго товарища, оставивъ по себѣ двухъ сыновей: Матвѣя (моего дѣда) и Ивана. Оба они были уже женаты, и жены ихъ носили имя Софіи.

Изъ сохранившейся у меня „добровольной раздѣлки“ 8-го декабря 1783 года „движимаго и недвижимаго имѣнія, оставшагося по умершому значковому товарищу Ивану Морозу“, оказывается, что таковое раздѣлено было по реестрамъ на 3 части, „по согласію всѣхъ трехъ сторонъ“, т. е. „колежскаго канцеляриста Матвѣя, жены его Софіи (Федоровны) и брата его войсковаго товарища Ивана“, именемъ котораго дѣйствовала жена его Софія.

Иванъ Морозъ и жена его не оставили послѣ смерти наслѣдниковъ, и такимъ образомъ все имущество Ивана досталось сыну его Матвѣю, моему дѣду. Изъ сохранившихся документовъ видно, что мѣстожительство его было въ городѣ Березномъ, а земли лежали при хуторахъ Рогозки и сел. Сахновкѣ, а также въ дачахъ селеній Дирчина, Локниста, Гусавки и Горици и при Домницкомъ мужскомъ монастырѣ.

Въ записной книжкѣ отца моего „о родословной Константина Мороза (его самого), жены и дѣтей его“ рукою моей покойной матери отмѣчено такъ: „Матвѣй Ивановичъ Морозъ скончался 1795 года 29 марта, отъ роду 49 лѣтъ“, т. е. 12 лѣтъ спустя послѣ раздѣла имѣнія.

Изъ сохранившагося у меня аттестата, выданнаго „въ Малой Россіи, въ городѣ Глуховѣ, октября 20-го дня 1787 года, дѣду моему, видно, что онъ, Матвѣй М—зъ, „бывшаго войска

[1]) Нынѣ м. Березно, черниговскаго уѣзда.

малороссійскаго Черниговскаго полку изъ войсковыхъ товарищей его сіятельствомъ, высоко-повелительнымъ господиномъ генераломъ-фелдмаршаломъ, сенаторомъ и разныхъ орденовъ кавалеромъ, графомъ Петромъ Александровичемъ Румянцовымъ-Задунайскимъ, по силе Всевысочайшаго Имяннаго Ея Императорскаго Величества указа 783 года іюня въ 28 день состоявшагося, отъставленъ отъ службы съ награжденіемъ порутчикомъ". За симъ 20-го іюня 1785 г. ему была выдана на пергаментѣ „грамота уѣздныхъ дворянскихъ депутатовъ". „Разсмотрѣвъ предъявленныя отъ него М—за о дворянскомъ его достоинствѣ доказательства... онъ и родъ (его) внесенъ въ дворянскую родословную черниговской губерніи книгу во вторую ея часть".

У дѣда моего было два сына—Даніилъ и Константинъ и двѣ дочери—Марія, по мужу Шендюхъ, и умершая дѣвицею 5-го ноября 1869 г. 85-ти лѣтъ отъ роду Анна.

Когда родился мой дядя, свѣдѣній у меня не имѣется, во всякомъ случаѣ раньше моего отца. Сколько помню, онъ окончилъ съ отличіемъ Харьковскій университетъ, женился въ Москвѣ на очень богатой дѣвушкѣ, отдалъ свою родовую часть моему отцу и умеръ сенаторомъ въ 1848 г. Какъ человѣкъ свѣтски-образованный и богатый, онъ вращался въ высшемъ московскомъ обществѣ и побѣждалъ сердца дамъ и дѣвицъ.

Тетка Анна, или какъ всѣ ее называли „Ганна", жила постоянно при моемъ отцѣ. Она отличалась, сколько я припомню, необыкновенною кротостью и смиреніемъ. Она жила въ „старомъ бабушкиномъ" дворѣ со своею старою служанкою-другомъ Килиною Давидихою.

1811-го года декабря 10-го дня Софія Федоровна, „имѣя у себя двухъ сыновей, находившихся на службѣ въ Санктпетербургѣ, коллежскаго совѣтника и кавалѣра Даніила, и подпорутчика Константина, отъ которыхъ чувствуя всю ихъ сыновнюю приверженность и уваженіе и желая за то вознаградить матернимъ къ нимъ благословеніемъ, и въ знакъ того, будучи въ здравомъ смыслѣ и разсудкѣ, учинила распредѣленіе въ части имѣнія, владѣемаго ею черниговскаго повѣту въ селѣ Сахновкѣ".

Списокъ крестьянъ въ этомъ завѣщаніи указываетъ ясно, что у бабушки было собственное имѣніе въ сел. Сахновкѣ, независимо отъ имѣній, перешедшихъ въ ея пользованіе отъ свекора. Какъ кажется, она сама была родомъ изъ с. Сахновки, отстоящей отъ Березнаго верстъ на 7 и отъ ближайшихъ хуторовъ въ Рогозкахъ—верстъ на 6. Если я не ошибаюсь, она была изъ роду Ячного или Ячницкаго.

Въ духовной своей она позволяетъ сыновьямъ записать крестьянъ „за собою въ сочиняемую нынѣ на 1812-й годъ ревизскую сказку и владѣть ими со всѣмъ правомъ въ хозяйственномъ распоряженіи съ тѣмъ, что отнюдь до моей (ея) смерти они не вправѣ ни продать, ни заложить“. Бабушка оставила за собою „право и перемѣнить оное“ (дух. зав.), „но когда сего не учиню“, говоритъ она, „по смерти же моей оны, сыны мои, усмотрятъ части своей одни противу другой неровною, то могутъ оны между собою обѣ сіи части уравномѣрить на законномъ основаніи такъ, чтобы одна противу другой были безъобидны“.

Похоронивъ мужа, бабушка почему то переселилась въ Рогозки, отстоящіе отъ Березнаго на 8 верстъ. Возможно предполагать, что перемѣна мѣста жительства вызвана была воспрещеніемъ „гнать горилку“ въ городахъ.

Рогозки во времена моего дѣтства, лѣтъ 40—45 тому назадъ, изображали собою „сорокопановку“ покойнаго Г. П. Данилевскаго. Они тянулись въ то время верстъ на 8—10. Въ составъ ихъ входило 12 панскихъ хуторовъ, при чемъ каждый хуторъ именовался фамиліею пана. Вокругъ панской усадьбы утопали въ „вишневыхъ садкахъ“ крестьянскія хаты, а за ними „горòды“, лѣсъ, нивы, сѣнокосы, левады, болота, а тамъ снова панскій хуторъ и опять „вышневіи садочки“, лѣсъ и пр.

Ничего подобнаго теперь не существуетъ: панскіе роды сошли со сцены, хутора исчезли, „мовъ корова языкомъ злызала“, лѣса вырублены, крестьяне скучились въ центрѣ и собираются строить свою церковь, жидовскіе шинки перемежаются съ крестьянскими хатами, нѣтъ и „вышневыхъ садковъ“.

Хуторъ моего отца былъ самый большой, самый уютный. Нѣтъ и слѣда его теперь: старый домъ съ постройками былъ нѣкогда разобранъ, а новый дворъ сгорѣлъ...

Оглядываясь на это давнопрошедшее, невольно скажешь о немъ словами Семена Палія у Т. Шевченка:

Загине все, ты й самъ загинешь
И не згадають, щобъ ты знавъ...

Бабушка моя устроила въ Рогозкахъ большой панскій дворъ. Въ глубинѣ двора она построила фасадомъ къ проѣзжей дорогѣ домъ въ 9 комнатъ съ сѣнями по срединѣ. Поодаль отъ него сбоку—пекарня, людская, стайня (конюшня), сарай, колодецъ и пр. и пр. Задняя часть дома выходила въ громадный (десятинъ въ 6) тѣнистый фруктовый и цвѣточный садъ. Лѣтъ 40 тому назадъ въ концѣ этого сада шла аллея старыхъ липовыхъ деревьевъ, и за нею тянулся дубовый лѣсъ, молодой, чистый, большой... куда ходила Килина „по губы“, т. е. за бѣлыми грибами. Сбоку сада стоялъ „амшеникъ“ для пчелъ, а поодаль его шли клуни и „кошары“ съ колодцемъ по срединѣ. Панська оселя, т. е. дворъ, садъ и горóды, окружена была съ трехъ сторонъ строевыми сосновыми, съ одной стороны, а лиственными, съ другой, лѣсами. Только къ западу, въ сторону ровчака, горизонтъ былъ открытъ, и тутъ же проглядывали „мужичи“ хатки „зъ вышняку“. Къ сторонѣ же крестьянскихъ усадьбъ, не доходя ровчака, стояла „вынныця“.

Устроивши хуторъ, бабушка жила въ немъ вдовою со своею кроткою Ганнусею, тихо, въ полномъ удовольствіи. Въ ея рукахъ находились большія имѣнія, недостатку не было ни въ чемъ. Лѣтъ сорокъ тому назадъ, и даже больше, „стара Давыдыха“, т. е. Килина, говорила мнѣ, мальчику, посадивши на свои колѣни:

— „Отто була пани, такъ пани!.. Мижъ панями була найбильша пани. Що недили запряжуть ій рыдванъ, понасидають у него ажъ зверхомъ, та й йидуть до Сахновки молытысь Богу. Батюшка й службы не починають правыть, поки мы не прыйидемо. А якъ прыйидымо, выходять зъ крестомъ назустричъ... У двохъ було скучно имъ, хочъ и челяди було богато, отъ

воны й гостей збирають коло себе. Иноди гости такъ и живуть и тыждень, и другый. Усе було свое — и мнясце, и птыця, и горилка, и рыба, и чого схочете. Добре життя було колысь за бабушку!..

А я сижу и слушаю, пока не засну на колѣняхъ у Килины, а старуха-тетка сидитъ тутъ же, молча плететъ мнѣ носки и иногда вставитъ въ разсказы Дубинихи:

— И чого жъ то згадуваты старее?..

— Иноди прыйидутъ зъ Черныгова Маша Матвіевна зъ дитьми... Такъ зъ саду й не выходють... Сусиды зберутся на беседу и бенкетують...

Нужно думать, дни шли у бабушки за днями тихо, богобоязненно, безмятежно... Но на горизонтѣ показалась туча, нависла надъ головою, грянулъ громъ, и полились... горькія слезы.

Живя вдвоемъ съ Ганнусею, бабушка постоянно переносилась мысленно то къ своему Данилку, то къ Костюку, витавшимъ гдѣ-то далеко, далеко... чуть ли не тамъ, гдѣ земля съ небомъ сходится...

Въ записной книгѣ красивымъ почеркомъ рукою моего отца написано: „Родился я 1793 года марта 6-го дня и именины мои въ тотъ же день. Отданъ во второй кадетскій корпусъ 1805-го года марта 20-го дня, выпущенъ изъ корпуса въ офицери 1811-го года августа 4-го дня въ Нижегородской пѣхотной полкъ и изъ онаго переведенъ въ Нѣжинской конно-егерской въ 1814-мъ году“. Судя по цвѣту чернилъ, необходимо допустить, что родословную отецъ завелъ только въ 1832 году, а поэтому запись его о самомъ себѣ недостаточно полная. Изъ сохраняющагося у меня, какъ святыня, аттестата объ отставкѣ отца, выданнаго ему въ Кіевѣ 23 іюля 1834 года за подписями главнокомандовавшаго 1-ю арміею князя Сакена и дежурнаго генерала, генералъ-маіора Карпова, видно, что онъ въ военную службу поступилъ „изъ кадетъ инженернаго корпуса прапорщикомъ 1810 года, августа 4 съ состояніемъ по арміи и съ оставленіемъ при томъ же корпусѣ, произведенъ въ подпоручики 1812 г. февраля 1 съ опредѣленіемъ въ Нижегородскій пѣхотный полкъ, въ коемъ поручикомъ іюня 14, штабсъ-капитаномъ

сентября 26 тогожъ года. Переведенъ въ бывшій Нѣжинскій конно-егерскій полкъ 1814 декабря 30 и въ ономъ капитаномъ 1816 іюля 22. Въ 1809 и 1810 годахъ былъ въ практическомъ походѣ во время нахожденія въ инженерномъ корпусѣ, и за оказанное въ ономъ отличіе по службѣ произведенъ въ прапорщики; тогожъ 1810 года октября 10 и 11-го—въ Сербіи въ сраженіи противъ вылазки непріятеля изъ г. Рущука подъ начальствомъ Муллы-Паши; 1812—въ Россійскихъ предѣлахъ противъ французскихъ войскъ при переправѣ чрезъ рѣку Неманъ; у г. Николаева—подъ миромъ (?); іюля 11—при с. Дашковкѣ, отколь командированъ для удержанія пункта Малороссіи въ м. Чечерскѣ, и былъ въ сраженіи: августа 4 и сентября 26 подъ м. Гайсеномъ, Пропойскомъ, Кормою и г. Рогачевымъ, гдѣ раненъ пулею въ лѣвую ногу на вылетъ и штыкомъ въ лѣвую руку; тамъ-же былъ въ стрѣлкахъ за отличіе произведенъ въ штабсъ-капитаны; потомъ въ преслѣдованіи непріятеля; въ 1813 и 1814 годахъ—за границею и тамъ при блокадѣ кр. Майнца; по переправѣ же черезъ рѣку Рейнъ—въ дѣйствительныхъ сраженіяхъ подъ г. Кейзенштейномъ, въ ночной коммуникаціи подъ г. Нанси, Бріенъ, Ле-Шато, м. Лаономъ, Дисомъ, Мо и при взятіи г. Парижа, оттуда обратно чрезъ Баварію, Саксонію, Силезію и Царство Польское въ предѣлы Россіи, а 1815 іюля съ 27 по 16-е сентября—за границею въ Царствѣ Польскомъ и Силезіи. Имѣетъ серебряныя медали: за участіе въ кампаніи 1812 года и установленную въ память вступленія арміи 19 марта 1814 года въ Парижъ. Въ отпуску былъ 1819 года августа съ 2 къ минеральнымъ водамъ для излеченія ранъ".

Мы пока остановимся на этой выпискѣ изъ аттестата, заключающей въ себѣ періодъ съ 4-го августа 1810 г. по 2 августа 1819 года.

Не трудно понять изъ этой выписки душевное состояніе бабушки. И дни, и ночи она переносилась думкою куда-то далеко, далеко, гдѣ былъ ея Костя. Данилко былъ у нея на второмъ планѣ. Какъ старшаго сына, она его цѣнила выше, нежели младшаго, но этотъ послѣдній былъ еще отрокъ, „дитя

молодее", требовалъ и большихъ заботъ, и болѣе строгаго руководства. По понятіямъ бабушки, онъ состоялъ еще „въ среднемъ родѣ", не достигъ еще полной зрѣлости. Бабушка не привыкла еще относится къ нему, какъ ко взрослому: „воно молодее ще"!

Данилка она ставила на второмъ планѣ и потому еще, что онъ пошелъ по гражданской, а Костя былъ воиномъ и при томъ находился въ пороховомъ дыму. Помимо того, Данилко, по понятіямъ бабушки, жилъ подъ счастливою звѣздою.

— „Бувало, лепечетъ мнѣ беззубая Килина со словъ „старои пани", якъ пійдемо у гай по губы, нихто не знайде й червывого, а у него повна шапка, та яки ще—хочъ самому гетьману! И усякихъ надере винъ: и сыроижокъ, и пиддубныкивъ, и маслюкивъ, и опенекъ. Щасливе у мене дитя Данилко"!..

Бабушка успокаивалась письмами отъ младшаго сына. Я отлично помню, что у матери моей въ „кованій скрыньци" сохранялась порядочная связка писемъ отца моего къ своей матери.

— Это военныя письма твоего отца, говорила мнѣ мать, когда я заглядывалъ бывало, къ ней въ отпертую скрыньку съ „бомагами". Она раскрывалась очень рѣдко, только по какому либо особому событію.

Понятно, бабушка не могла удовлетвориться только однимъ прочтеніемъ письма. Она скликала „сусидивъ" и читала имъ, они возили ихъ читать своимъ знакомымъ. Она знала каждое письмо наизусть, прочитывая ихъ сотни разъ.

Но одни письма не могли облегчить душевныя страданія. У бабушки:

„За думою дума роемъ вылитае,
Одна давыть сердце, друга роздырае,
А третяя тыхо-тыхесенько плаче
У самому серцци, щобъ нихто не бачивъ [1]).

Нужны ей были утѣшенія конкретныя, извнѣ. Лучшее утѣшеніе у нашихъ прадѣдовъ и дѣдовъ представляла „Церковъ Божа". Бабушка молилась предъ десятками образовъ въ ея

[1]) Т. Г. Шевченко, Кобзарь.

спальнѣ, угловой комнатѣ на востокъ, выходившей окнами въ садъ. Предъ семейнымъ образомъ, который я свято сохраняю у себя, теплилася неугасаемая лампада. Подъ толстою серебряною „ризою“ съ золотыми вѣнками и съ дорогими камнями нарисованы святые, у коихъ виднѣются только лики и руки. По срединѣ въ архіерейскомъ облаченіи—св. Николай (патронъ семьи), съ одной стороны—св. Матвѣй и царица Софія, а съ другой—пророкъ Даніилъ и царь Константинъ. Но одного моленія передъ образами было для нашихъ бабушекъ недостаточно: Софія Федоровна ѣздила съ Ганною до Сахновки въ церковь слушать литургію и „править молебны“. Если была ненастная погода, или нездоровилось, она посылала за батюшкою бричку.

Но.... нужно было искать еще гдѣ-нибудь облегченій. Бабушки наши угадывали будущее по явленіямъ природы: „солнце закатилось за тучи—вѣтеръ будетъ, вокругъ полнаго мѣсяца кругъ появился—одна бѣда, а на звѣздномъ небѣ „метелка“ [1]) появилась—другая бѣда, а тутъ „курка пивнемъ заспивала“—новое несчастье и т. д. Донесеніямъ не было конца, вслѣдствіе многочисленной челяди.

— „Бувало прыйде зъ Сахновки Левко (Реусъ) капоты, чи що инше, шить, та почне брехаты, то бабушка ажъ голосомъ заголосять“. А винъ бувъ такій, куды хочъ: и швець, и кравець, куды хочешь мытець. Отце почне про війну розсказувать, то и киньця не знайты: то билый царь бье чорного, то чорный билого... И чого винъ не бачывъ на своему вику: и безголовыхъ людей, и птыць зъ чоловичою мовою, и чорныхъ людей, и жовтыхъ, и усякихъ.

Безъ сомнѣнія, бабушку осаждали своими предложеніями и „ворожки“: одна ворожила днемъ, а другая въ полночь, одна—на водѣ, а другая—на огнѣ. Вѣроятно и воскъ выливали на „непочатую“ [2]) воду, и „пивня зъ сидала здыймалы и йисты ему давалы“.

---

[1]) Т. е. комета, метеоръ.

[2]) Т. е. первую съ утра вынутую изъ колодца.

Словомъ, бабушка приняла всѣ имѣвшіяся нѣкогда въ Малороссіи средства для выясненія какъ невидимаго настоящаго, такъ и будущаго. Одни средства облегчали ея душевное горе, а другія—„вылывали слезы зъ очей", гнали сонъ, тревожили и днемъ, и ночью, или, говоря современнымъ языкомъ, разстраивали нервную систему. Нервы у нашихъ бабушекъ были крѣпкіе, крѣпче даже, нежели у Тарасова Кобзаря, который

Заспивае веселои,
А на журбу зверне.

Бабушка то радовалась, то „нудылась". Но война 12-го года счастливо окончилась. „Двунадесять языковъ" разбиты, русскія войска прошли по бульварамъ Парижа и возвращались домой съ музыкою и пѣніемъ. Бабушка все время „вытырала окошечко, вызирала сына"... Конечно, сынъ пріѣхалъ живымъ, здоровымъ, хотя пуля его не минула и штыкъ кольнулъ. Онъ живъ и здоровъ, только благодаря „матерынымъ молытвамъ"!

Бабушка глядѣла на сына—не наглядывалась, радовалась имъ—не нарадывалася... О немъ уже она говорила „винъ", а не „воно", онъ уже былъ штабсъ-капитаномъ и чуть-чуть не капитаномъ!.. У меня сохранился образцово-вышитый самымъ мелкимъ бисеромъ чехолъ отъ чубука, изъ котораго мой отецъ постоянно курилъ табакъ чуть ли не единственной въ то время фирмы Василія Ивановича Жукова. За работу этого чехла дали бы 1-й призъ на любой художественной выставкѣ, это—chef-d'oeuvre!.. Безпорно, это—работа бабушки, ей было тогда 51 годъ, а это небольшіе годы для того времени, когда крѣпкіе люди зачастую доживали „свій викъ", т. е. свои 100 лѣтъ.

Подъ теплымъ крыломъ у матери отецъ мой гостилъ, нужно допустить, не мало времени, а потомъ, отслужили „напутствіе", т. е. напутственный молебенъ, она благословила „штабсъ-капитана" въ дорогу. Молебенъ служилъ батюшка изъ Сахновки, дѣдъ или отецъ батюшки „отця Васыля" Ячницкаго, который меня крестилъ. Слушать напутствіе собрана была вся челядь и скорѣе даже—„уси зъ хутора", и старые и малые. По этому случаю наканунѣ были убиты: „теличка и третячокъ [1]),

[1]) Бычокъ по второму году.

свинка и кабанчикъ". Пока пріѣхалъ изъ Сахновки батюшка, во дворѣ передъ домомъ „столъ готували", т. е. клали доски и „обаполки" [1]). Можетъ быть, старуха пригласила по этому случаю батюшекъ изъ с. Кучиновки, къ приходу церкви которой принадлежала большая часть хуторовъ, и изъ самого Березна. Конечно, „попрощатысь зъ капитаномъ" пріѣхали и сосѣди: вдовецъ Левъ Андреевичъ Спицкій, Хведоръ Пилиповичъ съ Клавдіею Миколаевною, Юрій Степановичъ зъ Наталей Прокиповной, Аристархъ" и остальные.

По благочестію своему, бабушка, конечно, своевременно ѣздила „зъ Константиномъ" „у Домницю до Божои Матери, у Городище" [2]), гдѣ икона спускается на лентѣ и вдѣлана въ середину деревяннаго орла, „до Святого Миколая у Рыхлы" и пр.

Послѣ „напутствія" пошелъ пиръ горой, „гармидеръ и у покояхъ, и на двори". Прежде нежели выпить „по чарци", батюшка благословилъ „брашно и питіе". Главный предметъ „беседи" вращался возлѣ „капитана". Молодой, 22-хъ лѣтній герой разсказывалъ своимъ многочисленнымъ слушателямъ о Варшавѣ, Дрезденѣ, Мюнхенѣ, Парижѣ и о всякихъ диковинкахъ Западной Европы. Слушатели молчали, ловили каждое слово и только болѣе почетные иногда издавали звуки удивленія. Бабушка сіяла отъ радости. Уже поѣли и малороссійскій борщъ со сметаною, и караси въ сметанѣ, и телятину. Обѣдъ длился уже два часа. Погода стояла превосходная. Обѣдающіе во дворѣ выпили уже и „другу, щобъ прогнаты тугу, выпылы пъяту за пьятныцю прокляту". Шумъ между ними усиливается больше и больше. „Молодыи" уже начали хмѣлѣть и „заводыты писень". Левко Реусъ показываетъ „якъ чорта зъ горилки выгнаты", или разсказываетъ „про жонатого чорта".

У „пански будынки" несли „заморожене". Характеръ разговора тамъ быстро смѣнялся. Капитанъ разсказывалъ о своихъ ранахъ. Фантазія его расширяла невольно предѣлы дѣйствительности.

---

[1]) Крайніе обрѣзки бревна. Изъ бревна—4 обаполка.

[2]) Сосницкаго уѣзда.

Отце, Боже мій мылый, ажъ слухаты страшно!—воскликнетъ то одна старушка, то другая.

Старый „козарлюга—сусидъ“ съ подбитыми висками охлаждаетъ слушателей разсказами „якъ винъ самъ воювавъ и якъ ему ребра поламано“. Бабушка его укрощаетъ, сдерживаетъ. Для нея нѣтъ никого и ничего кромѣ Коли.

Принесли „запиканку й варенуху“ собственнаго издѣлія бабушки. Ужасный шумъ во дворѣ сразу замолкъ.

— Подывысь, Горпынко, чого се воны такъ замовклы? спрашиваетъ бабушка у своей горничной.

— „Та се Терешко зъ бандурой прыйшовъ. Отъ воны его й годують, щобъ то заспивавъ краще...

— „Сюды Терешку, сюды его! кричитъ Филаретъ Городицкій“.

За нимъ потребовали Терешку и другіе гости. Слѣпого Терешку вводятъ и садятъ на „килымку“ [1]), лежащемъ близъ „канапки“ [2]) Онъ настраиваетъ бандуру и заводитъ думы: „про Мороза, про трохъ бративъ, про Саву Чалого и пр.“. Торжественные мотивы козацкихъ думъ замолкли. Терешку угощаютъ „и запиканкою, и варенухою“. Онъ не выдержалъ и весело запѣлъ „про чечитку, про попадью и т. д.“.

-- Ще про попадью! кричатъ ему сосѣди батюшки.

Терешко выпилъ „ще солоденькой“ и началъ:

Журилася попадя,
Шо пинъ зъ бородою:
— Видно моя головонько,
Загину зъ тобою!..

Смѣхъ, шумъ, безпорядокъ.

А время идетъ. Уже „чотыре прокукало“, нужно собираться въ дорогу. Рыдванъ, запряженный четверкою откормленныхъ лошадей, давно уже стоитъ, „биля рундука“ [3]). Молодой

[1]) Коврикѣ

[2]) Диванъ.

[3]) Крыльца.

капитанъ суетится, перечисляетъ всѣ вещи, идущія въ дорогу. Бабушка укладываетъ съѣстное, изготовленное и уложенное по плану, давно уже ею составленному.

— Мовчить, мовчить!.. кричатъ съ „рундука“ на подгулявшую компанію.

Все смолкло! Настала торжественная минута прощанія.

— Сидайте, гости мылы, щобъ усе добре у хати сидало... сказала бабушка.

Всѣ сѣли, кто на чемъ смогъ. Ганнуся прижимается къ брату. Глаза ея переполнились слезами. Первымъ всталъ батюшка и, обратясь къ повѣшеннымъ въ углу образамъ въ серебряныхъ „шатахъ“ [1]), провозгласилъ напутствіе. Всѣ усердно стали креститься, а кроткая Ганнуся положила земной поклонъ, чтобы „выщечкомъ вытерты слёзы долонею“. Костя обратился къ бабушкѣ, поцѣловалъ ей пухлую руку, обнялъ ее и сталъ цѣловать. Бабушка крестила его:

— Ограды тебе сыла честна и Твій крестъ животворный отъ усякой напасти, отъ усего злого,—сквозь слезы проговорила Софья Федоровна.

Къ капитану стали подходить для цѣлованія всѣ по очереди. Сперва бросилась ему на шею сестра, бросилась и зарыдала. Затѣмъ подошелъ батюшка и, перекрестивъ путника и трижды облобызавъ, проговорилъ:

— Не иды по пути нечестывыхъ и на сидалищѣ грѣшныхъ не сыды.

За гостьми прощалась дворня, хуторяне. На рундукѣ бабушка снова благословляла „свое молодое дитя“, снова его цѣловала и милувала. Приказчикъ Пилипъ подсадилъ панича въ рыдванъ, и четверня рванулась со двора и выѣхала на большую дорогу черезъ хуторъ, мимо крестьянскихъ хатъ, откуда всѣ вышли на улицу поклониться молодому паничу.

Бабушка долго стояла на крыльцѣ, все время осѣняя крестомъ уѣзжавшаго сына.

---

[1]) Окладахъ.

Начался разъѣздъ гостей. Въ воздухѣ стояла тишина, и пѣвчія птицы приступили допѣвать въ саду свои пѣсни. Солнце склонялось уже къ западу. У бабушки чувство гордости смѣнялось чувствомъ печали. Всѣ старались ее утѣшить, пророчествуя сыну ея въ близкомъ будущемъ генеральскій чинъ. Панскіе покои мало по малу пустѣли. А Ганнуся, проводивши брата, убѣжала въ липовую аллею „выливать слезы“.

Съ отъѣздомъ молодого воина въ полкъ жизнь въ Рогозкахъ на бабушкиномъ хуторѣ вошла въ старую колею и потекла тихо, мирно. Тревоги за жизнь любимаго сына смѣнялись гордостью и разсчетами на быстрое повышеніе его въ чинахъ.

Все описанное выше въ 3-хъ частяхъ реестра имѣніе находилось въ рукахъ бабушки. О какой-нибудь нуждѣ не могло быть и рѣчи: бабушка жила „панею на всю губу“. Не разъ къ ней пріѣзжали сваты по Ганнусю, но Ганнуся „ручалась“, она была далека отъ семейной жизни. Бабушкѣ и самой не хотѣлось оставаться одной, „на самоти, сыротыною“. Ганнуся боялась выйти изъ-подъ теплаго материнскаго крыла. Всѣ ея помыслы укладывались въ рамкахъ желаній ея матери. Она по цѣлымъ днямъ шила, вышивала, мережала, ходила по садочку, пѣла пѣсни съ Акулиною. Придетъ „свято“, работать грѣшно— она молится Богу, читаетъ церковныя книги. Бабушка не разъ замѣчала ей, что пора пришла и проходитъ уже замужъ идти, что ей уже скоро „стукне три десятка“.

— На що мени замижъ йити? Хиба мени тутъ погано, чи що? отвѣчаетъ стыдливо дочка.

— А старисть прыйде, до кого ты прыхилышься, хто тебе боронытыме видъ лыхои годыны?..

— Браты заборонять, неувѣренно отвѣчаетъ она.

— А колы золовкы грызты тебе почнуть?

— У черныци пійду... рѣшительно отвѣчаетъ Анна Матвѣевна.

Противъ такого аргумента бабушка не можетъ найти возраженія: она сама была глубоко набожная

— Уже чого-чого не робылы, говорила мнѣ-мальчугану старуха Килина, щобъ тётиньку замижъ выдать, ничого не зробылы...

— Такій вже мій таланъ несчастный, про себя замѣчаетъ тетушка, вертя спицами съ начатымъ чулкомъ.

Она была крайне молчалива, даже безразлична, сколько я могу припомнить изъ моего давнопрошедшаго.

Вѣроятно, живя съ бабушкою, она была ниже травы, тише воды, была во всемъ покорна волѣ матери. А воля у бабушки была твердая. Она привыкла, чтобы ей всѣ поклонялись, сторонились съ пути. Она чуяла и сознавала, что довела своихъ „сынивъ-соколивъ до розуму". Старшій изъ нихъ блистательно окончилъ университетъ и служилъ въ Москвѣ въ сенатѣ, а „меньшенькій буде генераломъ".

Каждый праздникъ бабушка ѣздила въ Сахновку обѣдню слушать и помолиться на могилѣ Матвѣя Ивановича. Его тѣло лежитъ подъ самою церковью, а памятникъ—большой камень съ желѣзнымъ крестомъ на немъ,—пріютился въ уголку между „бабинцемъ"[1]) и церковью. Съ нею, конечно, ѣздила всегда и Ганнуся. Въ церкви она имѣла свое мѣсто, на „килимку"[2]). Послѣ обѣдни батюшка выносилъ бабушкѣ большую просфору съ вынутыми частичками. Она стояла передъ своимъ большимъ, въ серебро оправленнымъ образомъ. Ей одной подносился священникомъ крестъ, а затѣмъ онъ становился снова въ царскихъ вратахъ. Сахновскіе и рогозинскіе паны, пани и панночки отъ креста шли привѣтствовать бабушку. Въ ненастную погоду она молилась Богу дома, при чемъ каждый разъ батюшка присылалъ ей просфору, или большею частью привозилъ самъ и оставался со своею семьею обѣдать на хуторѣ.

Какъ кажется, съ Березномъ она не имѣла особыхъ сношеній. Если тамъ и остались дальніе „родичи" мужа, то она ихъ игнорировала, вслѣдствіе ихъ невысокаго происхожденія. Въ Березно она посылала приказчика на базаръ за покупками, на

---

[1]) Сѣверное и южное крылья (пристройки) крестообразной церкви, въ которыхъ стоять бабы-старухи въ „намиткахъ".

[2]) Коврикѣ.

почту „за лыстамы"; земныя произведенія, какъ то: хлѣбъ, „худобу", кабановъ и пр. она продавала на мѣстѣ скупщикамъ.

Бабушка любила общество и была постоянно окружена приживалками. Понятно, онѣ предъ нею раболѣпствовали, разсказывали „про старовину", отгадывали сны, гадали, „звеселялы" и „разгонялы тугу". Въ праздничные дни къ ней съѣзжались сосѣди изъ хуторовъ на „бенкеты".

— Бувало, якъ зберутся гости, то нигде ихъ и розмистыты, разсказывала мнѣ „стара Давыдыха".

Жизнь шла тихо, мирно, безмятежно. Въ извѣстные сроки бабушка получала письма отъ сыновей „зъ Москвы и зъ полку". Она ихъ читала, перечитывала, прочитывала своимъ сосѣдямъ, и, вдоволь начитавшись, складывала съ ранѣе полученными, перевязывала тесьмою и запирала въ „ковану скрыньку".

Но чорная туча появлялась на ея горизонтѣ; она надвигалась ближе и ближе, угрожала и ливнемъ, и грозою... Бабушка это чуяла материнскимъ чутьемъ, инстинктомъ. У нея „за думою дума роемъ вылитала", она томилась, ночи не спала. Она испытывала такое состояніе, какое испытываютъ нервные субъекты предъ наступленіемъ грозы.

Основаніе чутья было осязательно: „немае тры мисяци лысту".

— Може й вмеръ мій голубъ сызый, говоритъ бабушка сосѣдкѣ.

— А вы отщо зробить, добродійко. Скажить батюшци, щобъ по нему панихиду одправывъ: заразъ звистка прыйде, чы винъ жывъ, чы ни.

У бабушки и сонъ пропалъ, а заснетъ—страхи снятся. Являются гадальщицы, а за ними и ворожеи. Она уже приказывала „старцивъ [1]) на обидъ склыкать". Явилось человѣкъ пятьдесятъ „старцивъ и старчихъ". Слѣпой Терешко атамановалъ за обѣдомъ, а послѣ обѣда пѣлъ „божественне: Исуса Прелюбезного, про Почаевску Божу Матирь, про Иржавецьку, що голосыла [2]), про той свитъ и др. Бабушка посылала на часточку и у Домницу, и у Городище, и у Рыхлы. А письма нѣтъ и нѣтъ.

[1]) Нищихъ.

[2]) Плакала.

Настал и 1819-й годъ. Зима была холодная, снѣжная. Въ серединѣ марта проглянуло солнышко и своими лучами немного согрѣло холодный воздухъ. Пришелъ воскресный день, и бабушка поѣхала съ Ганнусею въ Сахновку къ обѣднѣ. Изъ Сахновки она пріѣхала домой къ обѣду безъ гостей, хотя изъ Березна привезено было много свѣжей рыбы, такъ какъ шелъ великій постъ. Въ одно время съ нею возвратился съ рыбой и посланецъ ея.

— А що нема лыста?

— Немае, пани, отвѣчалъ посолъ.

Она сѣла за обѣдъ съ Ганнусею, но ничего не могла ѣсть: мрачныя думы овладѣли всѣмъ ея существомъ.

Послѣ обѣда Ганнуся ушла въ свою комнату, а бабушка сѣла раскладывать пасьянсъ—„колодезя“. Карты складывались уже къ старой и счастливой развязкѣ пасьянса, какъ къ ней стрѣлою влетѣла Килина.

— Якись руськи прыйихали зъ хурамы и богато-богато чогось прывезлы. Кажуть, що видъ Константина Матвіевича.

Бабушка смѣшала карты, велѣла позвать руськихъ, а сама стала поправлять на головѣ „очипокъ“ [1]).

Фуры въѣхали во дворъ. Ихъ сопровождало нѣсколько подводъ съ женщинами и дѣтьми. Физіономіи и костюмы пріѣхавшихъ были непривычными для бабушки. Вошли 2—3 мужика въ полушубкахъ, а съ ними и дворня бабушкина. Старшій мужикъ выступилъ впередъ, отвѣсилъ поклонъ старухѣ и проговорилъ:

— Молодой король вашъ и молодая королева челомъ бьютъ вамъ, сударыня.

Бабушка строго посматрѣла на него, выпрямившись.

— Якій тамъ король зъ королевою?

— Константинъ Матвѣевичъ, послѣдовалъ отвѣтъ.

— Се мій сынъ меньшій. Може прыйихавъ винъ?

— Никакъ нѣтъ, сударыня.

Бабушка остолбенѣла. Кровь то приливала къ ея лицу, то отливала.

[1]) Чепчикъ или правильнѣе—повязка, головной уборъ.

— Що це таке: никакнитъ?

Обѣ стороны съ трудомъ понимали другъ друга. Наконецъ выяснилось, что отецъ мой женился безъ родительскаго благословенія, женился въ воронежской губерніи и прислалъ приданое своей молодой жены съ десятками крѣпостныхъ. Такое извѣстіе возмутило бабушку до глубины души. Она бросилась въ комнату къ Ганнусѣ и вдвоемъ съ нею горько зарыдала. Ея материнская гордыня была поругана, опозорена. Ея сынъ, ея „дытына“ рѣшился жениться безъ ея „порады“, безъ ея „матерыного“ благословенія. Она рѣшилась не признавать этого брака и рѣшила твердо. Нѣжная материнская любовь у ней уступила свое мѣсто чувству негодованія, злобѣ, мести. Привезенное богатство, по приказанію бабушки, было свалено въ сарай (возовню).

— Хай воны згніють тамъ, у мене й свого добра довольно, такъ рѣшила бабушка.

Переселенцы разбрелись съ лошадьми и повозками по хутору.

Событіе это приблизительно такъ разсказывала мнѣ и покойная моя матушка, и прислуга. Въ записной книгѣ моего отца событіе это отмѣчено такъ: „женился 1819-мъ году февраля 5-го дня въ воронежской губерніи на дочери маіора Василія Елисѣевича М—ева, Прасковьѣ Васильевнѣ. Именины ея 26-го іюля“.

Материнское сердце переполнилось желчью. Громовой ударъ вызвалъ горячія слезы, которыя текли ручьями по ея морщинистому покрытому холоднымъ потомъ лицу. Она не могла объяснить себѣ поступокъ Кости, она не могла вѣрить ни пришлымъ „руськимъ“, ни привезеннымъ богатствамъ. Ей трудно было мириться съ мыслью, что всѣ ея разсчеты стерты въ одинъ мигъ. А какіе же были ея разсчеты? Она ожидала, что сынъ ея пріѣдетъ генераломъ и съ нею поѣдетъ „на поглядыны“ въ извѣстныя богатыя мѣстныя семьи, съ молодыми дѣвушками: „до Лизогубивъ, Тарновскихъ, до Скоропадскихъ, до Ханенкивъ, до Борковскихъ и пр.“ Таковы были ея мечты, ея разсчеты. Бабушка рѣшила не признавать брака; ей каза-

лось, что бракъ сына безъ разрѣшенія родителей не можетъ быть признанъ законнымъ, что это не бракъ, что жена ея Кости не жена его, а „полюбовныця“.

Всепрощающая Ганнуся мирилась съ фактомъ брака ея брата, не анализировала его, не вступала въ пререканія съ матерью. Ее интересовали другіе вопросы: „яка іи братова“? не злая ли она? не сварливая ли? „чи чорнява, чи русява? Чи высока, чи ныженька?... Словомъ, ее интересовали будущія отношенія къ ней ея новой родственницы.

Бабушка никого не принимала къ себѣ изъ сосѣдей и сосѣдокъ, ссылаясь на нездоровье. Она заключилась въ самое себя. Она приготовилась ко встрѣчѣ съ сыномъ, съ его молодою женою.

Но дни шли за днями. Снѣгъ сошелъ, деревья стали зеленѣть, покрылись бѣлымъ душистымъ цвѣтомъ. Пришла весна:

Идетъ, гудетъ зеленый шумъ,
Зеленый шумъ, весенній шумъ!..

Со всѣхъ сторонъ до бабушки доносится весенняя пѣсня:

Люби, покуда любится,
Прощай, пока прощается,
И Богъ тебѣ судья!..

Бабушка любила сына, любила больше прежняго, но не хватало у ней силъ простить ему. Она не обращала вниманія даже и на то, что за ея невѣсткою дали 60 тысячъ рублей ассигнаціями, не считая драгоцѣнностей.

Солнце уже закатывалось къ западу. Въ воздухѣ разносился ароматъ изъ сада, гдѣ цвѣли и „стокротки“, и васильки, и кануперъ, и роза, и „братки“, и „барвинокъ, и усяки-всяки квитки“. Бабушка сѣла на „рундуку одпочиваты“. Она стала поджидать „товару зъ паши“, смотрѣла, какъ таскали изъ колодца „журавлемъ“ воду въ корыта для питья скоту и овцамъ, разглядывала проходившихъ и проѣзжавшихъ по большой дорогѣ мимо двора. Вокругъ нея разливался такой благодатный

миръ, такая тишина, что старуха отрѣшилась отъ самой себя и обратилась въ частицу окружавшей ее природы, стала инертнымъ существомъ. Но она очнулась вдругъ, услышавъ доносившіеся издали голоса и завидѣвши поднявшуюся за хуторомъ пыль столбомъ. Она стала ловить голоса, начинала разбирать звуки:

— „Трогай, голубчики, трогай!..

На хуторѣ показался тяжелый большой экипажъ восьмерикомъ, съ двумя, „хвалеторами". Тяжко забилось у ней сердце, сперлось дыханіе. Она вскочила, какъ ужаленная змѣею, съ „дзыглыка" [1]) и ускользнула въ покои, когда дорожній дормезъ заворачивалъ къ ней во дворъ.

Наступила потрясающая сцена...

Я не въ силахъ передать эту сцену со словъ моей покойной матери. Изъ ея разсказа въ моей дѣтской головѣ остались одни обрывки. Нужно имѣть особый даръ воспроизвести эту сцену, имѣвшую мѣсто 72 года тому назадъ...

Бабушка не допустила къ себѣ на глаза молоденькую жену любимца сына.

— „Вона московка, я й не зрозумію іи", рѣшительно заявила она сыну.

Молодой четѣ отведены были три комнаты въ домѣ справа, зала, кабинетъ и гостинная съ выходомъ въ садъ. Мать моя рыдаетъ, бабушка рыдаетъ, Ганнуся рыдаетъ, а отецъ то утѣшаетъ и ласкаетъ молодую жену, то обнимаетъ и цѣлуетъ старуху мать.

Проходитъ день за днемъ, но все остается по старому. Бабушкинъ дворъ принялъ характеръ зачумленнаго мѣста: никто не рѣшается завернуть въ него, никто не рѣшается громко сказать въ немъ. Все въ немъ словно замерло, покрылось чернымъ саваномъ. Даже проголодавшіеся любимцы—псы бабушкины, Кундель и Лисичка, перестали лаять и бросаться на прохожихъ и проѣзжихъ.

Но съ фактомъ нужно мириться, нужно было искать выхода...

---

[1]) Стула.

Выходъ былъ найденъ. Бабушка согласилась вырубить сосновый боръ отъ кошаръ по „ривчакъ", дорогу и до самаго хутора, т. е. на площади около десяти десятинъ. Она благословила устроить „новый двиръ". Она взяла даже на себя постройку дома и службъ, а также разведеніе фруктоваго сада. Рѣшено было построить на каменномъ фундаментѣ домъ изъ 8-ми комнатъ съ двумя сѣнями, лакейскою и кладовою и съ „выходомъ" [1]) подъ домомъ; поварскую съ комнатою для повара и хозяйскою; кухню съ людскою для челяди; красную кладовую; четыре амбара въ саду съ четырьмя надъ ними комнатами (т. е. горницею); черный дворъ съ амбарами, ледникомъ, каретнымъ сараемъ, конюшнею, колодцемъ, „повитками" для телѣгъ и орудій, хлѣбнымъ магазиномъ и колодцемъ. Въ саду избрано было мѣсто для бани съ предбанникомъ. Короче сказать, бабушка не жалѣла ничего для своего сына.

Отецъ мой повелъ, секретно отъ матери, Ганнусю къ своей молодой женѣ. Ганнуся бросилась къ ней на шею, обняла ее, прижала къ своей груди, согрѣла своимъ поцѣлуями сиротку на чужой дальней сторонѣ. Мать моя, женщина 15—16-ти лѣтъ, плакала и день и ночь. Ее не могъ утѣшить любимецъ ея мужъ и отецъ будущаго ея ребенка. Она очутилась въ роли затворницы, преступнаго существа. Ее согрѣла только Ганнуся, за что она отплатила ей первою своей улыбкою въ домѣ свекрови.

Все, все разбивалось о козацкую твердую волю моей бабушки, все покорялось ея волѣ!

Жить у свекрови лишній день было не подъ силу больной молоденькой женщинѣ. Снова подъ крыльцо подъѣхалъ восьмерикъ и унесъ съ собою молодую чету. Бабушка обняла своего любимца, цѣловала его, обливала слезами, но... не хотѣла видѣть „московку".

Проводивши сына въ полкъ, бабушка взгрустнула, а затѣмъ энергически принялась рубить до самаго „ривчака" старый сосновый боръ, чтобы очистить мѣсто подъ „селитьбу" [2]),

---

[1]) Подваломъ.

[2]) Усадьбу.

т. е. подъ дворъ, и садъ. Все у ней было свое: „и майстри [1]), и деревня [2]), и цегла [3]). Пильщиковъ она выписала изъ Добрянки [4]). Пошла заготовка бревенъ, досокъ, шелевки, выкорчевка пней. Бабушка цѣлые дни проводила на новомъ дворѣ, направляла каждую работу, присутствовала во время „снидання [5]), обида и вечери" [6]) рабочихъ. Ѣда безъ чарки не обходилась: пили рабочіе за ея здоровье, за здоровье молодого пана, молодой пани. Бабушка стала примиряться мало-по-малу съ мыслью о женитьбѣ сына. Она благодарила рабочихъ за тосты, шутила.

— Побачите ще, яка буде молода пани. Може така выйде зъ неи злюща, що усихъ зъисть, шутила она. До мене прывыклы, а до неи ще прывыкать треба.

Къ работѣ были привлечены и крѣпостные матери. Имъ въ Рогозкахъ было лучше, нежели въ Россошкахъ [7]). Они сошлись съ крѣпостными бабушки. Они получили уже новыя прозвища: Голубятникова уже называли Голубомъ, молодого парня Романова—Романченкомъ и пр.

Отецъ мой ѣздилъ въ августѣ мѣсяцѣ къ минеральнымъ водамъ для излѣченія ранъ, конечно за границу. Онъ показывалъ чужія страны своей молодой женѣ. Они посѣтили европейскія столицы. Въ родословной рукою моего отца записано: „Родилась дочь Софія 1819-го года ноября 27-го дня; именины ея 17-го сентября" [8]).

Съ наступленіемъ весны 1820-го года бабушка „заходылась сыну будынки будоваты, сады садыты, городы городыты". Съ восходомъ солнца она была уже на работахъ. Она была польщена, что внучкѣ дали ея имя. Она торопилась постройками, чтобы

---

[1]) Мастера.

[2]) Лѣсной матеріалъ.

[3]) Кирпичъ.

[4]) Слоб. Добрянки, городнянскаго уѣзда, населенная старовѣрами.

[5]) Завтрака.

[6]) Ужина.

[7]) Сел. Россожки, нижне-дѣвицкаго у., воронежской губ.

[8]) Нынѣ благополучно здравствуетъ съ правнуками въ Казани вдовою Дороховой.

„осадить сына зъ унучкою“. Она рисовала въ своемъ воображеніи портретъ малютки: „русява—въ мене и втишна, якою я була маленькою. Моя у неи кривъ, мое тило, моя душа“. Бабушка тосковала за внучкою и, посылая въ церковь на часточку, писала въ заздравіи свое имя первымъ, а на концѣ писала „младенца Софіи“. Ради этого младенца, она увеличила и приношенія на церковь и вознагражденіе священнику, „щобъ краще молывся“.

Къ зимѣ постройка новаго дома со всѣми службами была окончена. Бабушка торопила сына выйти въ отставку, ссылалась въ письмахъ къ нему на лѣта, на недуги, опасалась за здоровье своей маленькой внучки, въ которой сосредоточивались всѣ ея радости и надежды, вся ея любовь, вся вѣра: Ганнуся обрекла себя на роль няньки:

— Буду сама пеленать и пестыть [1]), никому не дамъ и подывытысь на дытыну, заявляла она.

Въ аттестатѣ отца значится: „Въ штрафахъ и подъ судомъ не бывалъ. Женатъ на дочери отставнаго маіора М—ева, Прасковьѣ. Къ повышенію чиномъ аттестованъ достойнымъ.— 1821-го года генваря въ 23 день по Высочайшему приказу уволенъ отъ службы за ранами маіоромъ съ мундиромъ и пенсіономъ полнаго жалованія“.

Возможно предполагать, что отецъ мой, подавши прошеніе объ оставкѣ, тотчасъ же двинулся въ путь къ себѣ на родину съ красавицей женой и годовымъ ребенкомъ, тезкою бабушки. Путь былъ далекій изъ Россошекъ въ Рогозки, хотя и не особенно трудный—санный. Бабушка въ окошечко вызирала внучку, обставляла новый домъ мебелью, снабжала всякою утварью. Все въ домѣ бросалось въ глаза своею новизною и только въ углу въ спальнѣ, гдѣ она устроила „Божницу“ [2]), выдѣлялся старый фамильный образъ пяти святыхъ подъ серебряною ризою. Передъ нимъ и день и ночь теплилась лампадка. Только по осмотрѣ ею закрывались вьюшками печи, изъ опасенія угару.

---

[1]) Няньчить.

[2]) Мѣсто, гдѣ висятъ образа.

Домъ стоялъ въ глубинѣ двора; на срединѣ его было большое широкое крыльцо съ навѣсомъ на четырехъ столбахъ; входная дверь вела въ сѣни, направо—лакейская, а за нею—большая зала; изъ залы шла дверь въ прихожую, а изъ нея направо въ кабинетъ, а налѣво—въ гостинную. Изъ гостинной выходъ былъ въ садъ на балконъ и въ спальню; изъ спальни одна дверь вела въ угловую комнату—дѣтскую, выходящую окнами въ садъ, а другая—въ столовую, глядѣвшую во дворъ; рядомъ со столовой по фасаду и дѣтской по разрѣзу была „дивоча" [1]), а изъ нея—выходъ въ сѣни, рядомъ съ которыми находилась кладовая. Часть сѣней была отгорожена толстыми досками, закрывавшими ходъ на „гору" [2]) и тѣсный уголокъ—для нуждъ хозяевъ.

Молодая чета должна была ѣхать чрезъ Березно, гдѣ уже находился нѣсколько дней конный „вартовый" [3]), обязанный заранѣе сообщить бабушкѣ о выѣздѣ молодого пана изъ этого крайняго пункта. Челядь новаго двора была уже на своихъ мѣстахъ. Она организована была изъ крѣпостныхъ матери. Бабушка ожидала молодыхъ, или точнѣе—внучки, къ обѣду. Ее стѣсняла нѣсколько первая встрѣча съ „московкой", но въ представленіи ея „московка" была на послѣднемъ планѣ. Вартовый прискакалъ и заявилъ, что „молоди" переѣхали уже „царскій шляхъ" [4]). Бабушка вышла на крыльцо встрѣчать гостей въ дорогомъ шелковомъ „шушунѣ" и въ „капурѣ" на головѣ. Ганнуся раньше еще стояла на крыльцѣ и „млила" отъ нетерпѣнія.

День былъ тихій, морозный. Послышался на хуторѣ звонокъ, и крытый возокъ тройкою съ выносными въѣхалъ въ новый дворъ. Вся челядь выскочила на встрѣчу.

Возокъ подъѣхалъ къ крыльцу. Настали трогательныя минуты встрѣчи. Ганнуся выхватила у матери изъ возка малень-

---

[1]) Для дѣвушекъ.

[2]) Чердакъ.

[3]) Сторожъ.

[4]) Обсаженная деревьями широкая дорога на полпути между м. Березномъ и м. Рогозками.

кое существо и стремглавъ направилась съ нимъ въ покои. Бабушка цѣловала сына и съ неохотою дала поцѣловать себя моей матери. Она приняла ее сухо, не проронивъ ни звука. Когда всѣ вещи были положены на свои мѣста, старуха приказала пригласить изъ стараго двора пріѣхавшаго еще спозаранку сахновскаго священника съ причтомъ. За нимъ ввалилась въ залу вся челядь обоихъ дворовъ. Сперва совершено было освященіе дома и окропленіе его святою водою, а затѣмъ молебенъ о здравіи. Молились о здравіи „Софіи, воина Константина, Параскевы и младенца Софіи".

Послѣ молебствія сѣли всѣ за обѣдъ. Въ тоже время сѣли за импровизированный возлѣ кухни обѣдъ вся дворня и хуторяне. Распорядитель „людского обиду" былъ старый войтъ (приказчикъ) Пилипъ Евхименко.

Ганнуси не было за обѣдомъ: она возилась съ Сонею въ дѣтской, укладывала ее въ маленькой липовой кроваткѣ, сдѣланной по указанію бабушки, на каткахъ подъ ножками. Она кормила Соню манною кашкою на молокѣ. Бабушка была въ восторгѣ отъ Сони.

— Така-жъ русява, якъ и я була колысь.

Она воображала самое себя въ своемъ дѣтствѣ, она переносилась въ свое далекое прошлое, въ свое давнопрошедшее.

Обѣдъ прошелъ скоро. „Отецъ батюшка" разсказывалъ семейную хронику рода М—въ, про жизнь въ Березномъ. Одной только матери моей было не по-себѣ. Она видѣла вокругъ себя все чужое, она чувствовала крайнюю усталость. Ссылаясь на нездоровье, она ушла послѣ третьяго блюда изъ-за стола въ свою комнату.

— Ты бережы іи, сказала бабушка сыну, вона молода ще, до розуму не дошла, та ще й послидни дни ходыть.

Мать моя дѣйствительно переживала послѣдній мѣсяцъ беременности. Еще наканунѣ была приглашена по этому поводу мать войта „бабкою" [1]).

Дальность пути, тревожныя ожиданія встрѣчи, разлука съ родными въ Россошкахъ, все это тяжело отражалось на моло-

[1]) Акушеркою.

дой женщинѣ. Она слегла въ постель и запершись толковала долго вдвоемъ съ старою „войтыхою"! О Сонѣ она не безпокоилась, зная, что при ней находится новая мать—Ганнуся. Въ ночь на 1-е февраля у матери появились сильныя боли въ крестцѣ. Войтыха ни на шагъ отъ нея не отходила. Въ теченіе дня къ больной нѣсколько разъ приходила бабушка, сидѣла возлѣ нея, брала за руку, цѣловала въ голову. Отца не впускали въ спальню, „бо це бабське дило". Къ вечеру страданія усилились, больная металась, кричала. Выходя отъ нея, бабушка объявила сыну, чтобы не называть, если родится мальчикъ „Матвійкомъ", такъ какъ онъ сильно мучитъ мать свою. Она предоставила Костѣ дать имя мальчику, какое захочетъ „Параска", т. е. сама мать. Войтыха примѣняла уже многія средства, но страданія не уменьшались. Она подкурила больную „яловцемъ" [1]), разорвала у больной рубаху черезъ ноги; заставляла отца снять свою сорочку черезъ ноги; по ея требованію, отецъ пролазилъ подъ кроватью больной. Къ ночи боли усилились. Войтыха зажгла „родовныцю" [2]) передъ образами, приказала растворить всѣ двери въ домѣ, посылала за ворота узнать имя перваго „старца", чтобы дать его новорожденному. Ничего не помогало. Рано утромъ 2-го февраля была послана въ Сахновку за священникомъ „ниточанка" [3]).

Вслѣдъ за пріѣздомъ священника настали роды; минуту спустя, появился на свѣтъ Божій слабый мальчикъ. Въ родословной моего отца записано такъ: „Родился сынъ Василій 1821-го года февраля 2-го дня и умре, поживъ только 3 часа и окрещенъ".

Матушка начала скоро оправляться. Недѣли черезъ двѣ войтыха позволила ей оставить постель. Отецъ мой не отходилъ отъ нея ни на шагъ, ласкалъ свою Парашу, цѣловалъ. Съ выздоровленіемъ матери складывалась мало по малу новая жизнь въ новомъ дворѣ. Въ первыхъ числахъ марта мать моя отпра-

---

[1]) Можжевеловыя ягоды.

[2]) Вербная свѣча. Ее зажигаютъ, надѣясь, что младенецъ явится на свѣтъ такъ легко, какъ Іисусъ Христосъ вошелъ въ Іерусалимъ.

[3]) Плетеная изъ прутьевъ бричка.

вилась въ первый разъ въ старый домъ. Бабушка встрѣтила ее непривѣтливо, сухо. Весь разговоръ ихъ ограничивался отрывочными фразами. Главною темою разговора служила маленькая Соня, проводившая большую часть дня въ старомъ домѣ возлѣ Ганнуси, которая обрекла себя добровольно на роль ея няни.

Наступила ранняя, теплая украинская весна, принесшая новый запасъ силъ разслабленной матери моей. Отецъ познакомилъ жену со всѣми хуторными панами; ѣздилъ съ нею къ окрестнымъ дворянамъ, въ Черниговъ—къ замужней сестрѣ своей. Съ наступленіемъ лѣта сложилась вполнѣ жизнь обособленныхъ двухъ дворовъ, стараго и новаго. Бабушка не желала вмѣшиваться въ жизнь сына, выдѣлила ему часть пахоти, лѣса, сѣнокоса, пастбищъ. Близъ усадебъ лежали два огорода—старый и новый. На старомъ огородѣ была „сажалка“ [1]), огороженная частоколомъ; на новомъ—двѣ копанки. И тамъ, и тамъ водились въ большомъ количествѣ караси, лины, вьюны, раки и пьявки. Вокругъ сажалки росли кусты малины, были грядки съ клубникой, съ черною смородиною. Усадьбы матери и сына были отгорожены плетнемъ, черезъ который устроенъ былъ перелазъ. Чтобы попасть изъ стараго въ новый дворъ, нужно было сперва выйти на проѣзжую дорогу. Мать моя скоро сроднилась съ новою ея родиною и нисколько не тяготилась недружелюбнымъ отношеніемъ къ ней свекрови. Проходили мѣсяцы, а бабушка и ногой не ступила въ новый дворъ. Появленіе ея у сына связывалось только съ появленіемъ на свѣтъ внука или внучки. Мать мою она признавала если не вполнѣ чужою, то разбившею ея завѣтныя мечты имѣть свою невѣстку изъ важнаго малороссійскаго рода. Отецъ мой часто посѣщалъ свою мать, ходилъ къ ней за „порадою“ [2]), за разрѣшеніями. Сознавая свое первенство, она жила прежнею жизнью. Всѣ старые знакомые ее по прежнему посѣщали, пользовались ея гостепріимствомъ, ея помощью. Молодое поколѣніе тянуло больше на новый дворъ, гдѣ чувствовалась молодая жизнь, гдѣ больше было раз-

---

[1]) Прудъ.

[2]) Совѣтомъ.

влеченій, больше шуму и смѣха. На Рождество и на Пасху пріѣзжали съ поздравленіемъ сперва къ бабушкѣ, а потомъ уже къ отцу моему. Бабушка выѣзжала изъ дому очень рѣдко и, главнымъ образомъ, въ Сахновку помолиться въ церкви, или „отправить панихвиду“ на могилѣ „старого“, т. е. моего дѣдушки. Она служила панихиды на его могилѣ въ день его рожденія, въ день именинъ и въ день смерти. Ее сопровождала всегда въ поѣздкахъ Ганнуся, проводившая всѣ дни съ утра до вечера у брата возлѣ Сони. Соня росла „якъ утятко на води“, болтала, слушала „казки“.

Господь Богъ благословилъ моихъ родителей дѣтьми. Въ родословной книгѣ отцемъ написано: „Родилась дочъ Варвара [1]) 1822-го года генваря 2-го дня, именины ея 4-го декабря“. Вслѣдъ за этою записью слѣдуетъ: „Родилась дочъ Надежда [2]) 1823 го года октября 27-го дня, именины ея 17-го сентября“. Далѣе, записано: Родилась дочь Вѣра 1825-го года апрѣля 14-го дня, именины ея 17-го сентября“. За Вѣрою показано: „Родился сынъ Василій [3]) 1826 года іюня 30-го дня, именины его 12-го апрѣля“. Послѣ Василія „родился сынъ Матвѣй 1828-го года апрѣля 23-го дня; 1829-го марта умре“.

Смерть послѣдняго сына вызвала много слезъ и въ новомъ домѣ, и въ старомъ. Въ лицѣ его бабушка видѣла портретъ своего покойнаго мужа.

— Отце и батькивъ синъ, и дида, и прадида, говорила она, по словамъ моей покойной матери.

Въ лицѣ старшаго своего внука она не находила знакомыхъ и дорогихъ ей чертъ своего мужа.

— „То матчинъ сынъ“, отзывалась она о немъ. „У него уся матчина врода“.

Въ слѣдующемъ году родились двойни. Въ родословной о нихъ записано такъ: „Родилась дочь Любовь [4]) 1831-го года

---

[1]) Нынѣ вдова доктора Лучинская.

[2]) Умерла дѣвицею.

[3]) Нынѣ здравствующій.

[4]) Умерла 22 іюля 1853 года, въ замужествѣ Тищенко.

февраля 15-го; того же числа родился сынъ мертвой, коего нарекли Константиномъ".

Такимъ образомъ, въ первые двѣнадцать лѣтъ супружества у родителей моихъ было девять душъ дѣтей, а на лицо шестеро: пять дочерей и сынъ. Забота о дѣтяхъ была не подъ силу одной теткѣ; къ дѣтямъ были приставлены старуха-няня изъ хутора, изъ крѣпостныхъ сахновцевъ. Бабушка видимо стала дряхлѣть. О выѣздахъ ея не могло быть и рѣчи. Она жаловалась на боли въ ногахъ и съ трудомъ переходила изъ комнаты въ комнату. Дѣтскій шумъ раздражалъ ея нервы, почему дѣтей приводили только въ большіе праздники къ ручкѣ бабушки. Она не отпускала отъ себя Ганнусю. Такимъ образомъ, жизнь двухъ семей болѣе и болѣе обособлялась. Завѣдываніе всѣми землями, лѣсами и лугами бабушка передала въ руки сына. Хозяйственныя заботы ея ограничились одною только усадьбою.

Съ наступленіемъ новаго 1832 года боли въ ногахъ у бабушки увеличивались, при чемъ проявились признаки водяной. Изъ Березна привозили къ ней подлѣкаря, по совѣту котораго больная пила отваръ яловцю. Съ наступленіемъ великаго поста она уже не оставляла постели. Ее навѣщали старухи-сосѣдки, разсказывали ей случаи тяжкихъ заболѣваній и выздоровленій. Бабушка не вѣрила въ возможность выздоровленія и спокойно заявляла.

— Ни, вже мени не топтаты земли, це моя до мене прыйшла.

Всю ночь съ 21-го на 22-е апрѣля 1832 г. не тушили въ старомъ домѣ свѣчей; лампадки теплились уже около недѣли во всѣхъ комнатахъ передъ образами. Отецъ не отходилъ отъ постели умирающей матери. Рано утромъ 22-го апрѣля посланы были въ Сахновку экипажи за священникомъ и причтомъ. Вслѣдъ за пріѣздомъ священника она пригласила къ себѣ всѣхъ членовъ семьи для благословенія. Сперва упалъ на колѣни передъ нею мой отецъ и горько рыдалъ. Бабушка твердымъ голосомъ дала ему нѣсколько наставленій. За отцемъ стала на колѣни мать. Она завѣщала ей любить ея сына:

— Воно у мене хороша дытына и добра людына. Дывысь за нымъ, доглядай дитокъ маленькихъ, доводь ихъ до розуму.

Благословила бабушка Ганнусю, благословила внучекъ и внука, за ними прислугу, дворню. Каждому она давала наставленіе. Всѣ окружавшіе ее стояли молча, хотя у каждаго слезы лились ручьями. Прощанье съ близкими истомило бабушку, довело до обморока. Она откинула на подушку голову, закрыла глаза, изъ которыхъ выкатились двѣ крупныя капли. Обморочное состояніе продолжалось минутъ пятнадцать. Передъ семейнымъ образомъ горѣла „четвергова" [1]) свѣча. Въ комнатѣ умирающей стояла мертвая тишина, каждый затаилъ дыханіе, боялся шелохнуться. Многіе думали, что бабушка испустила уже духъ свой, но румянецъ игралъ на морщинистомъ лицѣ ея, а грудь тихо колебалась отъ медленнаго и неровнаго дыханія. Когда она очнулась, то тотчасъ выразила желаніе исповѣдаться и причаститься. Всѣ были удалены изъ спальни; остался при умирающей только священникъ. Послѣ исповѣди снова наполнилась комната близкими, въ присутствіи которыхъ бабушка причастилась. Послѣ причастія начался обрядъ соборованія. Казалось, бабушка стала свободнѣе дышать, и тусклыя глаза ея просвѣтлѣли. Но она больше не говорила и только нѣжно гладила голову стоявшему на колѣняхъ у ея изголовья отцу моему. Взоры всѣхъ присутствовавшихъ не сходили съ закрытыхъ глазъ старухи. Лицо ея было полно покоя, полно довольства; на блѣдныхъ губахъ ея выражалась улыбка. Нервно она отбросила свою руку на грудь отъ головы сына, вытянулась и тяжело вздохнула... То былъ ея послѣдній на землѣ вздохъ.

Похоронили ее въ Сахновкѣ близъ церкви, рядомъ съ могилою ея мужа. Похоронный обрядъ совершали нѣсколько священниковъ. Тѣло ея провожали всѣ рогозинскіе хутора въ нѣсколько сотъ душъ. Крестьяне и большинство сосѣдей-помѣщиковъ шли всю дорогу пѣшкомъ.

Она похоронена въ дубовомъ выдолбленномъ гробѣ, приготовленномъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Въ головахъ въ могилѣ положили съ одной стороны жбаночокъ жита, а съ другой—„сулію горилки, щобъ душечка помершой не голодна була" [2]).

---

[1]) Зажигаемая во время чтенія 12-ти евангелій.

[2]) Жито и водка найдены были 12 мая 1850 г. при копаніи могилы моему отцу.

Въ родословной рукою моей матери записано по этому поводу такъ: „Умерла Софія Федоровна М—зъ 1832 года 22-го апрѣля, имѣя отъ рожденія 69 лѣтъ".

Само собою разумѣется, оба двора, и старый и новый, были разгорожены другъ отъ друга. Въ старомъ дворѣ на доскахъ отправлялись „ховтуры" [1]), на которыхъ участвовало человѣкъ свыше двухъ сотъ. Изъ винницы была выкачена бочка водки. Въ старомъ домѣ поминальный обѣдъ совершали въ залѣ и столовой. Особенно много собралось во дворѣ со всѣхъ сторонъ „старцивъ". Для нихъ былъ приготовленъ особый столъ, за которымъ „атаманувавъ" Терешко. Передъ обѣдомъ „старци" пропѣли хоромъ „псальму". Обѣдъ продолжался до поздняго вечера. День былъ свѣтлый и теплый. „Частовали" хуторянъ и нищихъ нѣсколько человѣкъ, и женщинъ и мужчинъ. Послѣ первой „стравы" [2]), за столами во дворѣ началось пѣніе вѣчной памяти, а затѣмъ многая лѣта. Пѣніе одного и другаго тоста повторялось много разъ. Старци пѣли хоромъ „Про святу пятницу", „про царицу Софію" и др. Имя покойной бабушки занесено было священникомъ въ поминальную книжку и исключено изъ перваго ея отдѣла „за здравіе". Послѣ обѣда послѣдовало распоряженіе родителей моихъ пригласить крестьянъ „на сорокоустъ" [3]). Смерть бабушки вызвала глубокій трауръ во всемъ домѣ. Ганнуся дала завѣтъ носить все черное до самой смерти. Она заявила съ большею настойчивостью о своемъ желаніи поступить въ монастырь „у черныци". Отцу моему стоило много труда убѣдить ее отказаться отъ этого намѣренія. Ганнуся заперлась въ старомъ домѣ со своею Килиною и придала этому дому характеръ монастыря. Первое время она вовсе не выходила изъ этого монастыря: ей носили туда и „снидание" [4]), и обѣдъ, и „вечерю" [5]). Она жила мыслью о покойной матери", ее не при-

[1]) Поминальный обѣдъ.

[2]) Кушанья.

[3]) Обѣдъ поминальный на 40-й день.

[4]) Завтракъ.

[5]) Ужинъ.

тягивали уже къ себѣ ни Соня, ни другія племянницы. Смерть матери до того сильно потрясла ея духовный міръ, что она обратилась мало-по-малу въ молчальницу, прервала всѣ знакомства, сдѣлалась нелюдимою и даже психически больною въ глазахъ простыхъ людей, не способныхъ различать духовный міръ человѣка отъ физическаго.

Въ родословной книгѣ далѣе слѣдуютъ записи: „Родилась дочь Пелагея 1832-го года іюля 27-го дня", а ниже: „Родилась дочь Анна 1834-го года іюня 10-го въ 7 часовъ вечера". Къ послѣдней записи рукою моей матери сдѣлана приписка: „Померла 1835-го года августа 12-го дня". За симъ идутъ слѣдующія записи: „1835-го года октября 10-го родилася дочь Евлампія [1]) въ четвергъ въ вечеру 10 половинѣ"; „1837-го года генваря 26-го дня родился сынъ Митрофанъ [2]) по утру въ 11 съ половиною часовъ, во вторникъ"; „1838 году декабря 8 дня родилась въ четвергъ противъ пятницы ночью 3-мъ часу дочь Анна" [3]), „1840 года генваря 28 дня родилась дочь Клеопатра"; „1841 года августа 23-го дня въ 3 часа по полудни родился сынъ Даніилъ". Послѣдними дѣтьми у моихъ родителей были двѣ дочери, изъ коихъ Софія „родилась 1844 года марта 18 дня въ 10 часу вечера" и Аграфена—1847 года іюля 16 дня.

Такимъ образомъ, у моихъ родителей было 18 дѣтей, а въ томъ числѣ 6 сыновей и 12 дочерей. Мать моя заявляла постоянно, что у нея было 22-е дѣтей, изъ коихъ четверо, незаписанныхъ въ родословную книгу, были мертворожденными, появившимися на свѣтъ двойнями. Послѣ выхода замужъ старшей дочери, у матери было нѣсколько еще дѣтей, почему иногда случалось, что она кормила своимъ молокомъ внука, а старшая сестра—младшую свою сестру. Замужняя сестра моя съ мужемъ и дѣтьми переѣхала въ концѣ тридцатыхъ годовъ изъ Малороссіи въ г. Казань, т. е., по тому времени, чуть ли не на тотъ свѣтъ. При такихъ обстоятельствахъ послѣднимъ дѣ-

---

[1]) Нынѣ вдова Страховская.

[2]) Умеръ въ возрастѣ 10—12 лѣтъ.

[3]) Умерла въ замужествѣ за докторомъ Вишневскимъ.

тямъ моихъ родителей не пришлось всю жизнь видѣть своей старшей сестры. Переселеніе за три-девять земель побудило моихъ родителей назвать родившуюся затѣмъ дочь именемъ ея старшей сестры, какъ бы въ воспоминаніе о ней.

Д. Морозъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ОЧЕРКИ ИСТОРІИ ПРАВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ [1].

По J. Ролле.

(*Окончаніе*).

Что же дѣлалъ между тѣмъ народъ, не благородный шляхетско-польскій, католическій народъ, а тотъ украинскій гминъ, закостенѣло-упрямый въ преданности къ своему хлопскому языку и своей хлопской вѣрѣ? Конечно, онъ былъ лишь подстилкой подъ шляхетскими ногами, той сѣрою почвой, которая предназначена была свыше питать и взращивать радужный цвѣтъ шляхетской культуры. Но—увы! онъ слишкомъ часто принималъ въ глазахъ шляхты и ея легко воспламеняющемся воображеніи образъ огненнаго дракона, рыкающаго льва... Гербовные, правда, безпечно ѣздили на этомъ чудовищѣ; но лишь только дикій звѣрь показывалъ зубы,—что случалось время отъ времени—паническій ужасъ смѣнялъ вчерашнюю веселую беззаботность.

О правовомъ положеніи украинскаго народа не можетъ быть серьезной и рѣчи: удѣломъ его было полное безправіе, граничащее съ безправіемъ раба въ любомъ варварскомъ обществѣ. „Крестьяне едва смѣютъ дышать безъ воли своихъ пановъ, они не имѣютъ никакого права, они не могутъ никоимъ способомъ уклониться отъ притѣсненій или жестокости, уже не говоря о несправедливостяхъ, которыя они терпятъ постоянно“.. Такъ пишетъ изъ Украины Костюшко, этотъ великій патріотъ, недосягаемо высоко поднимавшій свою благородную голову надъ

[1]) См. „Кіев. Стар.“ 1895 г., № 4.

шляхетскою массой. Польское право во всемъ отказывало украинскому хлопу; но жизнь вырывала у этого права нѣкоторыя смягченія и уступки, правда, ограниченныя мѣстомъ и временемъ: въ общемъ, конечно, фактическое положеніе тяготѣло къ правовому, какъ къ своему естественному предѣлу.

Главнѣйшія данныя для характеристики фактическаго, собственно экономическаго, положенія украинскаго народа уже даны выше, при описаніи новаго заселенія Украины. Только въ началѣ второй половины столѣтія истекли послѣдніе сроки слободъ; слѣдовательно, до тѣхъ поръ были подданные—правда, во все убывающемъ по направленію съ сѣверозапада на юговостокъ количествѣ—которые пользовались почти полной свободой отъ экономическихъ обязательствъ. Затѣмъ, конечно, тяготы панщины наступали не вдругъ: паны имѣли осторожность наблюдать нѣкоторую постепенность. Такимъ образомъ, въ каждый данный моментъ можно было наблюдать на территоріи Украины много различій въ экономическомъ положеніи населенія: въ то время, какъ на отдаленныхъ юго-восточныхъ окраинахъ богатые крестьяне Щенснаго-Потоцкаго благоденствовали, на Подольи и Волыни мы встрѣчаемъ такія степени обремененія, которыя заставляютъ уже задумываться о физическихъ предѣлахъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, что кромѣ грубыхъ мотивовъ разсчета и страха могло удерживать заурядняго шляхтича въ его стремленіи выжимать изъ подданныхъ возможно больше средствъ, такъ необходимыхъ ему на удовлетвореніе его все возрастающихъ жизненныхъ потребностей? Общій шляхетскій взглядъ на подданнаго находилъ себѣ на Украинѣ поддержку и какъ бы оправданіе въ той обоюдной враждебности, которую воспитала недавняя кровавая исторія, въ взаимной ненависти „кателыка“ и „схизматика“, постоянно поддерживаемой политикой прозелитизма, враждой темнаго духовенства. Не мудрено поэтому, что масса шляхты, особенно темной шляхты первой половины вѣка, искренно не могла видѣть въ украинскомъ хлопѣ человѣка, точно такъ, какъ не видѣлъ его американскій плантаторъ въ негрѣ.

„Инвентари имѣній“ даютъ намъ очень вѣрныя, точныя описанія и очень краснорѣчивыя въ своей сухой безыскусствен-

ности свѣдѣнія объ экономическомъ положеніи украинскаго подданнаго. Подданные дѣлились на очиншованныхъ и неочиншованныхъ, т. е. оброчныхъ и барщинныхъ, по русской терминологіи; всѣ, кромѣ того, по размѣру живаго инвентаря, подраздѣлялись на паровыхъ, поединковъ и пѣшихъ.

Вотъ какъ рисуетъ одинъ инвентарь 1760 г. положеніе чиншеваго крестьянина подъ Каменцомъ Подольскимъ. Паровой крестьянинъ вносилъ, вмѣсто повинностей работой и натурой, въ панскую казну 46 злотыхъ 68 грошей; кромѣ того десятину отъ пасѣки, 2 куръ, 20 яицъ, 20 пасомъ прядива. Въ переводѣ на рабочіе дни, по тогдашнимъ цѣнамъ рабочаго дня, принятаго инвентаремъ, это составляетъ 218 годовыхъ дней. Положеніе нечиншеваго крестьянина такъ опредѣляется инвентаремъ того же времени и той же Подольской территоріи, а именно одного имѣнія около Шаргорода: паровой крестьянинъ отрабатывалъ ежегодно 104 дня панщины, давалъ, сверхъ того, одного каплуна, 2 куръ, 12 яицъ, мотокъ пряжи, что все въ совокупности составляло 111 дней. А сверхъ всего шли всѣ эти безчисленные „заорки, объорки, закоски, обкоски, зажинки, обжинки, заграбки, ограбки, завозки, обвозки“—отдѣльные рабочіе дни, яко-бы въ силу экстренной необходимости вырываемые панской властью у хлопской беззащитности. Въ маленькихъ имѣніяхъ, гдѣ владѣльческій контроль, а, слѣдовательно, и вымогательство были легче, владѣльцы заставляли хлопа платить за всякую мелочь: четвертый кошъ грибовъ, третью кварту земляники, орѣховъ и т. д.

Это были середнія цифры для такой середней территоріи, какой было Подольское воеводство, и для половины столѣтія, серединнаго пункта описываемой эпохи. Отсюда видно, какими гигантскими шагами шелъ процессъ обращенія крестьянъ въ рабочее „быдло“: еще на кіевской Украинѣ не выжиты были окончательно сроки слободъ, какъ на Подольѣ уже экономическое отягощеніе приближалось къ своимъ крайнимъ предѣламъ.

Но было еще одно условіе, которое чрезвычайно ухудшало матеріальное положеніе украинскаго народа: это посредничество евреевъ.

Какое-то естественное сродство, какъ-бы законъ роковой внутренней необходимости, дѣлалъ для польскаго шляхтича вообще, для украинскаго въ частности, помощь еврея совершенно неизбѣжной. И евреи тянулись на Украину упорно, постоянно забывая, что они всегда дѣлались первыми жертвами народной ненависти. Они заполняли мѣстечка, захватывали въ свои руки всю мелкую торговлю, развозили спиртные напитки, спаивая народъ, часто на свою собственную гибель. Неутолимая страсть къ наживѣ дѣлала изъ трусливаго еврея отчаянную голову, которая не отступала даже передъ ножемъ. Въ описываемую эпоху евреи затянули всю Украину сплошной сѣтью арендъ. Дѣло въ томъ, что всюду на Украинѣ былъ обычай отдавать въ аренду извѣстные виды доходовъ съ имѣнія. Къ такимъ по обычаю арендуемымъ доходамъ принадлежали продажа водки, „мита“, т. е. пошлина отъ проѣзда или провоза товаровъ, помолъ, разные виды попаса. Никто, кромѣ еврея, не могъ и не умѣлъ пользоваться этими арендами, извлекая изъ нихъ большіе доходы для пана, еще большіе для себя. Но для народа эти аренды являлись самымъ тяжелымъ и несноснымъ обдирательствомъ. Назойливый еврей совалъ свой носъ въ каждый возъ, въѣзжающій въ городъ, считалъ каждую штуку скота, выведеннаго на продажу, разбрасывалъ сухую рыбу, сторожилъ при вѣсахъ, чтобы ни одинъ гарнецъ хлѣба не проскользнулъ безъ оплаты; а притѣсненія при помолѣ? Всякое выраженіе неудовольствія еврей зажималъ угрозой пожаловаться въ замокъ; а наготовѣ всегда былъ и доносъ о бунтѣ: онъ не стѣснялся извлекать доходы и изъ политики.

Больше всего выгоды для пана и еврея, больше всего разоренія и всяческаго зла для подданнаго вытекало, конечно, изъ питейной аренды. Жидовская корчма, ненавистная и вмѣстѣ съ тѣмъ неотразимо привлекательная, была самымъ яркимъ и типическимъ явленіемъ, выражающимъ собою весь ужасъ положенія, созданнаго исторіей для несчастнаго украинскаго народа. Евреи и панскій дворъ обнаруживали самую трогательную солидарность въ извлеченіи доходовъ изъ спаиванія народа. Всѣ взаимныя отношенія по этому предмету оговаривались и обу-

словливались. Разумѣется, всякое стремленіе крестьянина какъ-нибудь обойти своего арендатора преслѣдовалось очень жестоко. Если у крестьянина не было денегъ на-пропой, опять-таки арендаторъ не долженъ былъ страдать отъ этого: онъ могъ смѣло давать пить въ долгъ, дворъ гарантировалъ ему уплату до извѣстной цифры, напр. отъ 16 злотыхъ для пароваго до 4 злотыхъ для пѣшаго. Но это не значило, что дворъ уплачивалъ уговоренную сумму за должниковъ, беря на себя разсчетъ съ нами; это значило только, что дворъ обязывался назначить „экзекуцію для выплаты долговъ". „Экзекуціей же называлось слѣдующее: дворъ высылалъ на неисправныхъ должниковъ своихъ слугъ, которые должны были жить на счетъ этихъ должниковъ до уплаты долга, при чемъ допускались разные вымыслы", по выраженію документовъ, т. е. вымогательства. Въ силу аренднаго договора арендаторъ не имѣлъ права брать въ уплату долга скотъ—куда бы годился крестьянинъ безъ инвентаря,—но за то могъ свободно брать все остальное: хлѣбъ, живность, одежду и пр. Точно также въ силу договора крестьянинъ имѣлъ право пить „могаричъ" только въ корчмѣ: если припомнить, что такое могаричъ въ крестьянскомъ быту, то понятно, какимъ это отзывалось лишнимъ и тяжелымъ стѣсненіемъ. И этому-то ненавистному притѣснителю, жиду, крестьянинъ долженъ былъ то давать по полѣну съ каждаго воза дровъ, вывезеннаго изъ лѣсу, то поставлять пахолка въ его корчму, то, наконецъ, даже давать ночную сторожу, особенно въ безпокойное время. Мудрено-ли, что сторожа эти, случалось, грабили корчму, сваливая потомъ вину на неизвѣстныхъ разбойниковъ, которые яко-бы успѣли скрыться; но еще не успѣвали очистить стѣнъ корчмы отъ еврейской крови, которою онѣ были забрызганы, какъ уже водворялся въ ней новый арендаторъ, и все шло по-старому. Однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ оскорбленій для украинской женщины было назвать ее „жидовской наймычкой"; однимъ изъ самыхъ энергическихъ проклятій: „о, щобъ ты жидамъ воду носыла"!—такъ глубоко назрѣла въ народной душѣ ненависть къ этому племени.

Едва ли не единственнымъ исключеніемъ изъ среды украинскаго дворянства былъ Щенсный-Потоцкій: онъ уничтожилъ въ своихъ имѣніяхъ еврейскія аренды, желая уменьшить среди подданныхъ пьянство. Впрочемъ, этимъ не ограничивались его заботы о народѣ: онъ уменьшилъ панщину и потомъ совсѣмъ уничтожилъ ее, замѣнивъ очень легкимъ чиншомъ; устроилъ администрацію, простую и удобную по отношенію къ контролю надъ притѣсненіями подданныхъ со стороны панскихъ оффиціалистовъ. Конечно, изъ всего этого едва-ли выходила арендная идиллія, описанная Хржонщевскимъ, который увѣряетъ, что подданные Потоцкаго сами рвались къ работѣ, а дивчата платили надсмотрщикамъ, чтобъ тѣ выгоняли ихъ на панщину. Однако традиція о благожелательствѣ магната къ подданнымъ до сихъ поръ живетъ въ средѣ мѣстнаго населенія. На матеріальномъ благосостояніи не останавливался Потоцкій, по крайней мѣрѣ въ идеалахъ и планахъ: онъ думалъ, что благосостояніе вызываетъ потребность въ просвѣщеніи, а просвѣщеніе неизбѣжно приведетъ къ ополяченію. На лицо были и историческія доказательства въ томъ процессѣ, коимъ русскія земли обратились въ польскую шляхту. Иначе не умѣли думать и благороднѣйшіе изъ польскаго шляхетства.

Несомнѣнно, положеніе украинскаго народа въ описываемую эпоху не было въ общемъ хорошо, а, главное, оно ухудшалось съ чрезвычайною быстротой. Но и независимо отъ этого, могъ-ли народъ такъ скоро забыть свою исторію и безропотно тянуть накинутое на него ярмо? Положимъ, что населеніе было сплошь сдвинуто съ своихъ мѣстъ; но богатый запасъ словеснаго народнаго творчества и въ особенности пѣсни и думы, съ ихъ носителями кобзарями и лирниками, легко поддерживали въ воспріимчивой народной душѣ живую нить исторической традиціи.

Козачество въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой было уничтожено. Въ силу указа Петра Вел. 1711 г. часть козаковъ выселилась на лѣвобережье, часть сбѣжала на Запорожье; но осталась горсть, разсѣянная по всѣмъ воеводствамъ, которая не захотѣла покинуть родину, но не захотѣла и перейти на неза-

видное положеніе панскихъ подданныхъ. Это былъ первый ферментъ для того длительнаго явленія, которое подъ названіемъ гайдамачества характеризуетъ собою украинскую жизнь втеченіе всего столѣтія.

Несомнѣнно, гайдамачество не могло бы существовать—по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, въ какомъ оно существовало—еслибъ Украина не имѣла подъ бокомъ политически-самостоятельнаго Запорожья и его дикихъ и раздольныхъ степей. Запорожскія паланки съ ихъ многочисленными, разбросанными въ степяхъ хуторами-зимовниками, пасѣками и другими пристанищами доставляли въ изобиліи предпріимчивыхъ людей, которые составляли ядро каждаго гайдамацкаго отряда. Какъ только наступала весна, эти степныя пристанища высылали или рыболовныя ватаги на Бужскій, Днѣпровскій и Тилигульскій лиманы, или военные отряды на сѣверъ, на разоренье и гибель ляхамъ и жидамъ. Въ предѣлахъ Польши отрядъ подкрѣплялся мѣстными жителями, и въ количествѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ шелъ пускать дымомъ села и панскія усадьбы, убивать, грабить добро ненавистныхъ притѣснителей. Не было деревни, которая не имѣла бы воспоминаній объ этихъ кровавыхъ посѣщеніяхъ; не было въ краѣ католической святыни, которая бы не подверглась ограбленію. Въ особенности привлекали гайдамаковъ костелы, славившіеся чудотворными иконами, которыхъ было особенно много на Подольѣ, и ни одна изъ этихъ святынь не миновала глйдамацкаго нападенія и грабежа. Съ награбленной добычей, навьюченной на лошадяхъ, „батовней“, съ стадами отогнаннаго панскаго скота, поспѣшно скрывались гайдамаки въ запорожскую степь и тамъ паевали добычу. Край жилъ подъ вѣчной угрозой гайдамацкаго нападенія. Какъ только наступалъ, такъ сказать, гайдамацкій сезонъ, всѣ, кто имѣлъ основаніе опасаться гайдамаковъ, т. е. не русское и не православное населеніе края, приходило въ тревогу. Кто не могъ спасаться подъ военной охраной, тотъ выискивалъ какихъ-нибудъ иныхъ способовъ: напр., на ночь уходили изъ домовъ въ степь, попрятавши цѣнное имущество и скрываясь другъ отъ

друга, по одиночкѣ, изъ опасенія, чтобы другой, хотя и близкій, человѣкъ не выдалъ гайдамакамъ въ мукахъ пытки.

Въ меморіалѣ кн. Чарторижскаго русскому послу убытокъ отъ гайдамакъ для десятилѣтія 1750—60 гг. вычисляется въ 4 милліона, такъ какъ за это, относительно спокойное, время было разорено 80 деревень, 14 мѣстечекъ и убито 600 человѣкъ.

Въ иные годы, когда въ знаменитомъ Черномъ лѣсѣ и бужскихъ очеретахъ накопилось слишкомъ много бродячаго населенія, которое нуждалось въ пищѣ и одеждѣ, гайдамацкое нападеніе принимало видъ татарскаго набѣга. Гайдамаки разбѣгались по краю небольшими, но многочисленными партіями, загонами: слѣдуя традиціонной хищнической тактикѣ, загоны эти не дѣлали нападеній вблизи границъ, а пробирались въ глубь края, широко пользуясь покровительствомъ и содѣйствіемъ мѣстнаго населенія. Если было въ виду трудное предпріятіе, напр. надо было овладѣть богатымъ мѣстечкомъ, маленькія партіи соединялись въ одну. Но такія предпріятія предполагали организацію. Во главѣ ихъ долженъ былъ стоять опытный и вліятельный ватажокъ, который долженъ былъ составлять планъ кампаніи. Онъ могъ и не принимать личнаго участія въ предпріятіи, а сидѣлъ гдѣ-нибудь въ Черномъ лѣсѣ: тамъ устраивалась засѣка, а то закладывался настоящій кошъ, куда сбѣгались загоны и сносилась добыча. Типическимъ ватажкомъ гайдамацкимъ былъ, напр., запорожецъ Медвѣдевскаго куреня Игнатъ, который прозванъ былъ Голымъ за то, что при дѣлежѣ добычи оставлялъ себѣ лишь ничтожную часть, ни въ чемъ не нуждаясь: куртка изъ телячьей кожи, баранья шапка, на цѣлый годъ одна рубаха, вымоченная въ дегтю, самопалъ, немного свинцу, тютюнъ и люлька—вотъ и всѣ его потребности. Иванъ Голый дѣйствовалъ въ началѣ сороковыхъ годовъ и пользовался большой популярностью между гайдамаками и народомъ, который много разсказывалъ о его смѣлости и жестокости. Вообще, гайдамацкимъ ватажкомъ могъ быть только человѣкъ отчаянной храбрости, ловкій въ разныхъ тонкостяхъ степныхъ фиглей и фортелей, знающій, какъ свои пять пальцевъ, всѣ яры, очерета и пущи.

Что же дѣлало Польское государство, чтобы побороть это хроническое зло, подтачивавшее жизнь ея окраинъ? Да почти ничего, или очень мало. „Украинская партія“ постояннаго войска съ региментаремъ во главѣ должна была держаться на Украинѣ; но силы эти были слишкомъ ничтожны по сравненію съ огромной линіей открытой для набѣговъ границы. Главная забота предоставлена была панамъ. Правда, магнаты дѣйствовали не только какъ частные собственники, но въ качествѣ старостъ и какъ органы государственной власти: въ ихъ рукахъ находилась цѣпь староствъ—Хмельницкое, Чигиринское, Бѣлоцерковское, Богуславское и Черкасское, — которая обхватывала Украину съ юго-востока.

Первое мѣсто по организаціи защиты занимали Потоцкіе и Любомирскіе, какъ могущественные владѣльцы самыхъ опасныхъ окраинъ. Но и мелкій владѣлецъ нѣсколькихъ деревушекъ не могъ не содержать на свой счетъ хоть нѣсколько десятковъ вооруженныхъ людей: таково было положеніе.

Типъ организаціи былъ приблизительно одинаковъ. Панская милиція состояла изъ пѣхоты и конницы. Пѣхота служила гарнизономъ для замковъ и мѣстечекъ и состояла почти всегда изъ поляковъ или нѣмцевъ. Конница состояла изъ надворныхъ козаковъ, которые набирались изъ мѣстныхъ жителей, тѣхъ же самыхъ подданныхъ. Пѣхота была немногочисленна: 60—100 человѣкъ для укрѣпленія. Исключенія составляли лишь большіе замки, напр.—Баръ, гдѣ Любомирскіе держали 200 человѣкъ инфантеріи, или Могилевъ на Днѣстрѣ, гдѣ Потоцкіе имѣли гарнизонъ даже въ 500 челов.

Многочисленнѣе и важнѣе по своему значенію, въ силу мѣстныхъ условій, была козацкая конница. Извѣстное число дымовъ, т. е. податныхъ единицъ, должно было поставлять на козацкую службу одного человѣка: этотъ человѣкъ освобождался отъ панщины и другихъ обязательствъ, получалъ отъ панскаго двора обмундировку, оружіе, состоявшее изъ копья, рушницы и пистолетовъ, коня, а иногда еще, сверхъ того, небольшое жалованье. Но важнѣе жалованья была добыча, отнятая отъ гайдамакъ, которая предоставлялась въ пользу такого надворнаго

козака. Козаки эти дѣлились на сотни: во главѣ отряда стоялъ непремѣнно полякъ, шляхтичъ, но сотники и поручики (начальники полсотенъ) выбирались изъ самихъ же козаковъ. Заслуженнымъ козакамъ магнаты давали, случалось, въ державу деревушку—двѣ, и такимъ образомъ они получали сами какъ-бы значеніе шляхтичей: бывали случаи и настоящей нобилитаціи, по ходатайству магнатовъ. Подобнымъ шляхетскимъ положеніемъ пользовался на службѣ у Любомирскихъ извѣстный Савва Чалый, который палъ жертвою преданности долгу своей службы отъ руки упомянутаго выше Игната Голаго; также и злосчастный Гонта, еще болѣе извѣстный уманскій сотникъ. Кіевскій воевода Салезій Потоцкій обратилъ цѣлую уманскую волость въ своего рода военное поселеніе: съ ней обыкновенно выбиралось для военной службы больше трехъ тысячъ человѣкъ; Грановщина князей Чарторижскихъ тоже отбывала только козацкую службу. Для охраны Побережскаго государства князей Любомирскихъ служило около трехъ тысячъ козаковъ, кромѣ маленькой польской хоругви, предназначенной собственно для наблюденія за этими козаками, и волошскихъ отрядовъ, набираемыхъ изъ волоховъ, поселенныхъ вдоль Днѣстра.

Надворные козаки были главной силой въ преслѣдованіи гайдамакъ. Никто другой не могъ такъ хорошо выслѣдить загонъ въ степяхъ, предусмотрѣть какой-нибудь фортель, отбить батовню, захватить гайдамаковъ врасплохъ при дѣлежѣ добычи. Только такой козацкій отрядъ могъ рѣшиться разыскивать гайдамаковъ даже въ глубинѣ запорожской степи, „разгонять шершней въ самомъ ихъ гнѣздѣ“, какъ это дѣлалъ, напр., Савва Чалый. Но эти же козацкія милиціи были, съ другой стороны, и Ахиллесовой пятой въ системѣ панской военной обороны края.

Въ самомъ дѣлѣ, надворные козаки, соблазняемые выгодами своего привиллегированнаго положенія, могли преслѣдовать гайдамаковъ, ревностно сторожить захваченныхъ, спокойно глядѣть, какъ болтались на шибеницѣ передъ стѣнами замка трупы казненныхъ, забывая, что все это братья по крови и вѣрѣ. Такъ было въ обыкновенное, спокойное время. Но насту-

пилъ моментъ возбужденія, когда народная масса поднималась, обхваченная общей идеей, общимъ чувствомъ,—и это искусственное козачество разомъ забывало и о выгодахъ своего положенія, и о долгѣ службы, вязавшемъ его съ панскимъ дворомъ, и тогда наступала катастрофа, ужасный образчикъ которой мы видимъ въ Уманской рѣзнѣ.

Не одинъ разъ въ теченіе столѣтія поднимался украинскій народъ. Волненія эти всегда примыкали къ гайдамачеству, имѣли его своимъ базисомъ; но обнаруживали въ своемъ развитіи и нѣкоторыя особенности. Самое главное то, что народъ поднимался лишь тогда, когда получалъ толчки со стороны политическихъ событій и непремѣнно съ увѣренностью въ сочувствіи и помощи со стороны Россіи. Что-то фатальное было въ этомъ отношеніи въ его судьбахъ.

Въ 1734 г. русскія войска вступили на Украину, чтобъ поддерживать избраніе Августа III: между украинской шляхтой было много противниковъ „Саса", сторонниковъ Станислава Лещинскаго. Русскій полковникъ Поляновскій расположился квартирой въ Умани и сдѣлалъ обращеніе къ надворнымъ козакамъ, чтобъ они организовались въ полки и дѣйствовали противъ сторонниковъ Лещинскаго. Обращеніе это было принято украинскимъ народомъ, какъ лозунгъ въ такомъ смыслѣ: „дана воля грабить жидовъ и убивать ляховъ". Всѣ три украинскихъ воеводства сразу были охвачены волненіемъ. Къ надворнымъ козакамъ и волошскимъ отрядамъ, которые тоже поднялись, руководимые жаждой добычи, присоединились подданные въ надеждѣ на свободу. Главнымъ вождемъ возстанія былъ Верланъ, волошскій полковникъ службы князей Любомирскихъ. Возставшій народъ, разумѣется, нисколько не думалъ о сторонникахъ Лещинскаго или Саксонскаго курфирста: для него существовали только паны вообще, и какъ ихъ дополненіе, евреи. Въ одномъ брацлавскомъ воеводствѣ было убито девяносто владѣльцевъ. Масса цѣнной движимости и денегъ перешла въ руки бунтовщиковъ. Одни изъ нихъ обращали преимущественное вниманіе на костелы и вообще католическія святыни; другіе на имущества крупныхъ пановъ; третьи занимались тѣмъ, что грабили и крестили

евреевъ; наконецъ были и такіе, какъ напр. наказный атаманъ Грива, которые всю свою ненависть обращали на шляхетскія бумаги. Множество мелкихъ загоновъ разбѣжалось по краю; на Подольѣ собралось и настоящее войско бунтовщиковъ въ количествѣ десяти тысячъ. Вообще, это волненіе, очень широкое по захваченной территоріи, не отмѣчено большими жестокостями, тѣми кровопролитіями и всяческими ужасами, какими такъ часто отмѣчалъ свои вспышки украинскій народъ. Больше всего отличались жестокостью не украинцы, а волохи. Въ самый разгаръ движенія появилось распоряженіе начальника русскихъ войскъ, расположенныхъ на Украйнѣ, въ томъ смыслѣ, что всѣ войска, какъ регулярныя, такъ й нерегулярныя, т. е. поднявшіеся козаки, обязаны охранять шляхту, такъ какъ она признала власть Августа III. Волненіе было подавлено при дѣятельномъ содѣйствіи русскихъ войскъ. Цѣлый край покрылся сѣтью шибеницъ и палей. Спеціальные суды boni ordinis или causarum exorbitantiarum такъ же, какъ и всѣ гродскіе суды, были завалены работой. А сколько виновныхъ было просто повѣшено безъ всякаго суда на первой попавшейся вѣткѣ; если же жаль было веревки, то такого несчастнаго просто кидали въ степи съ переломанными ребрами, чтобъ издыхалъ себѣ понемножку... Но страхъ потери „живого ремапента" превозмогалъ иногда въ шляхетской душѣ даже и мстительное чувство. Когда подольскій воевода Гумецкій вытѣснилъ изъ яровъ между Рашковымъ и Смотричанскимъ Устьемъ засѣвшую тамъ вольницу, которая отдалась на его произволъ, и хотѣлъ приступить къ экзекуціи, къ нему явилась шляхта съ просьбой отдать ей виновныхъ. Шляхтичи просили воеводу „знаковать" преступниковъ, пообрѣзать имъ уши; но тотъ, человѣкъ добраго сердца, рѣшилъ такъ отпустить плѣнниковъ, предоставивъ панамъ самимъ расправляться съ своими подданными. Такимъ образомъ на этотъ разъ дѣло обошлось безъ палей, четвертованій, шибеницъ,— одними батогами, да й то не черезмѣрными, такъ какъ ременентъ требовалъ вниманія: зато уже было покончено разомъ и навсегда съ свободами и иными льготами.

Значительно меньше по району захваченной территоріи, но несравненно сильнѣе по размѣрамъ было народное волненіе 1768 г., такъ называемая коліивщина, кульминаціонный пунктъ которой извѣстенъ подъ именемъ Уманской рѣзни: оно захватило лишь Кіевщину и Брацлавщину, почти не тронувъ Волыни и Подолья.

Въ началѣ 1766 г. выступила Барская конфедерація съ своимъ вооруженнымъ протестомъ противъ короля Понятовскаго и его русской политики, въ результатѣ которой была сеймовая конституція, возвратившая права диссидентамъ, слѣдовательно, и православнымъ. Всѣ польскія военныя силы Украины стянуты были подъ Баръ. Туда же двигались и русскія войска на помощь войскамъ королевскимъ. А между тѣмъ на Украинѣ, предупреждая открытіе военныхъ дѣйствій, ходила вѣсть, что русская царица намѣрена дать волю украинскимъ хлопамъ, и, слѣдовательно, они должны рѣзать жидовъ и ляховъ. Богуславскій сотникъ Шелестъ, точныя показанія котораго дошли до насъ, обстоятельно разсказываетъ, какъ еще за четыре мѣсяца до разыгравшейся катастрофы вѣсти эти ему сообщили запорожцы, предлагая участвовать въ военной экспедиціи противъ жидовъ и ляховъ. Шелестъ, человѣкъ положительный, долго раздумывалъ, какъ ему быть, и наконецъ надумался: если правда, что царица хочетъ дать свободу польскимъ хлопамъ, то объ этомъ долженъ знать кіевскій намѣстникъ. До Кіева рукой подать, разомъ можно и мощамъ святымъ поклониться: и вотъ Шелестъ идетъ въ Кіевъ и прямо направляется за разъясненіями къ генералъ-губернатору Воейкову. Тотъ похвалилъ козака за его предусмотрительность и сказалъ, что „монархиня россійская очень далека отъ того, чтобы покровительствовать преступникамъ". Шелестъ вернулся домой и во время волненія твердо стоялъ на польской сторонѣ. Но такіе благоразумные люди были рѣдки даже и между старшиной надворныхъ козацкихъ отрядовъ.

Располагалъ къ довѣрію и источникъ, изъ котораго выходили слухи на этотъ разъ.

На югѣ Кіевской Украины, выходя за ея предѣлы и примыкая къ Днѣпру, начинался и тянулся рядъ лѣсовъ. Всѣ эти

лѣса, мотренинскій, лебединскій, смилянскій, лисянскій, звенигородскій, уманскій, корсунскій, каневскій, таращанскій, соединяющіеся между собой цѣпью зарослей, подходили подъ Кіевъ. Здѣсь лежалъ тотъ путь или „гайдамацкое окно", черезъ которое можно было совсѣмъ незамѣтно проникать изъ запорожскихъ степей въ глубину края. Лѣса эти кишѣли людомъ, которому не было мѣста подъ польскимъ правовымъ строемъ. Надъ обрывистымъ же берегомъ Днѣпра или на его островахъ были разбросаны небольшіе православные монастырьки, скиты: въ скитахъ этихъ, а въ особенности на укромныхъ хуторахъ и мельницахъ по днѣпровскимъ притокамъ, гдѣ жили монастырскіе подданные, также былъ свободный пріютъ этому люду. Вотъ отсюда-то, изъ этихъ скитовъ, какъ бы освященная благословеніемъ церкви, и пошла по Украинѣ пагубная вѣсть.

Игумену монастыря, расположеннаго въ мотренинскомъ лѣсу, Мельхиседеку Значко-Яворскому приписываютъ большую роль въ появленіи и распространеніи этой вѣсти. Вѣроятно, въ этомъ есть своя доля правды. Мельхиседекъ былъ человѣкъ образованный, предпріимчиваго характера, какъ правитель украинскихъ церквей, глубоко заинтересованный въ торжествѣ православія на Украинѣ, возбужденный столкновеніями съ темнымъ уніатскимъ духовенствомъ, которое съ своей стороны предпринимало разныя наступательныя дѣйствія на „шизму", отражая на себѣ толчки отъ высшей политики, взволнованной диссидентскимъ вопросомъ. Но могъ-ли Мельхиседекъ благословлять толпу на рѣзню? поддѣлывалъ-ли золотую грамоту, якобы манифестъ Екатерины, однимъ словомъ какой-то документъ, который былъ несомнѣнно въ рукахъ у вожаковъ возстанія? Повидимому, ничто подобное не могло имѣть мѣста уже по одному тому, что Мельхиседекъ былъ въ то время, когда разыгривалась буря, не въ своемъ монастырѣ, а въ Переяславлѣ. Яростная вспышка народнаго гнѣва о мести, извѣстная подъ названіемъ коліивщины, такъ поразила умы, что дала поводъ для множества всяческихъ вымысловъ, наряду съ массой и точно константированныхъ фактовъ. Кто не писалъ о ней въ свое время? И темные монахи, и мѣщане, и оффиціалисты, и даже женщины; пи-

сали не только прозой, но и стихами: нѣсколько томовъ составилось бы изъ этихъ разсказовъ современниковъ, обнародованныхъ и необнародованныхъ. Но тѣмъ не менѣе полнаго изслѣдованія этого событія, изслѣдованія, удовлетворяющаго требованіямъ исторической безпристрастности, до сихъ поръ нѣтъ.

Весь этотъ ужасный эпизодъ разыгрался съ необычной быстротой. Ничтожный гайдамацкій отрядъ, напавшій на Жаботинъ, по пути въ Смѣлу выросъ до 300 человѣкъ; по дорогѣ къ Лисянкѣ въ немъ насчитывали уже больше тысячи. Толпа росла, какъ катящаяся съ горы лавина, росла не только съ каждымъ днемъ, почти съ каждымъ часомъ. Подъ Уманемъ было уже двадцать тысячъ народу; а въ то же время мелкіе загоны разсыпались по Украинѣ, на сѣверъ до Кіевскаго Полѣсья, на югъ до Дашева, Кальника, Балты. Сопротивленіе оказывала только надворная пѣхота. Козацкія милиціи почти всѣ безъ исключенія покинули свои польскія знамена. Шляхта не проявила ни малѣйшей готовности къ отпору, никакой энергіи. То-ли, что лучшіе ея представители были въ войскахъ конфедераціи, то-ли, что вообще въ ея средѣ мужество шло на убыль, только она ничего не съумѣла сдѣлать лучшаго, какъ попрятаться за укрѣпленіями Умани или бѣжать вмѣстѣ съ евреями, сломя голову. На всемъ захваченномъ волненіемъ пространствѣ нашелся только одинъ шляхтичъ на Волыни, гродскій судья Дубровскій, который собралъ горсть охотниковъ и оказалъ съ ними противодѣйствіе бунту: онъ охранилъ Житоміръ, Бердичевъ и цѣлый Овручскій повѣтъ, а потомъ съ Полѣсья двинулся и въ степь; наряду съ нимъ дѣйствовали для усмиренія волненія не шляхтичи, а нѣсколько человѣкъ надворныхъ козаковъ, въ ихъ числѣ упомянутый выше сотникъ Шелестъ.

Нечего останавливаться на тяжелыхъ подробностяхъ Уманской рѣзни, которая воспроизводитъ собою ужаснѣйшіе изъ эпизодовъ хмельнищины. Она была описана много разъ. Исторія возлагаетъ отвѣтственность за всѣ эти потоки пролитой крови на головы Желѣзняка и Гонты, справедливо-ли это? Не имѣемъ-ли мы здѣсь дѣло просто съ однимъ изъ тѣхъ многочисленныхъ, извѣстныхъ исторіи, случаевъ коллективнаго безу-

мія, когда человѣческія души моментально обхватываются неутолимой жаждой мукъ и крови? Рядомъ съ этими, далеко не ясными, фигурами яко-бы главныхъ вождей возстанія, стоятъ Швачка и Неживый, страшные, облитые кровью фантомы—въ польскихъ изображеніяхъ, мужественные и самоотверженные борцы и защитники угнетеннаго православнаго люда—по украинскимъ думамъ и преданіямъ, на самомъ дѣлѣ, конечно, лишь минутные герои своей увлеченной толпы.

Укрощеніе волненія опять таки выпало на долю русскихъ войскъ: извѣстно, какъ дѣйствовалъ подъ Уманью генералъ Кречетниковъ. Ловчій коронный Браницкій, исполнявшій обязанности регимментаря, стоялъ на Днѣстрѣ; его помощникъ, коронный обозный Стемпковскій, дѣлалъ видъ, что занятъ усмиреніемъ, но на самомъ дѣлѣ лишь таскался то съ отрядами Кречетникова, то Апраксина. И тотъ и другой представитель польской военной силы нашли болѣе удобнымъ все предоставить русскимъ, на себя же взяли болѣе легкое дѣло вершителей правосудія. Оба эти человѣка были настоящія дѣти своего времени, времени упадка, безнравственные эпикурейцы, для которыхъ въ жизни было только два дѣйствительныхъ побужденія, успѣхъ и чувственное наслажденіе. Они предпочитали, сидя спокойно на мѣстѣ, „гасить украинскій пламень въ хлопской крови"...

Кречетниковъ прислалъ изъ-подъ Умани семьсотъ человѣкъ болѣе виновныхъ, и въ томъ числѣ Гонту, въ деревню Сербы, недалеко отъ Могилева. Браницкій отправился наблюдать за исполненіемъ казни надъ этими виновными. Они были сброшены въ огромныя ямы: до сихъ поръ можно еще видѣть среди поля слѣды этихъ ямъ въ нѣсколько десятковъ сажень длины. Конная стража и полкъ пѣхоты стерегли эти ямы. Дальше шли длиннымъ рядомъ висѣлицы, единичныя для болѣе важныхъ преступниковъ, и общія для менѣе важныхъ. Посреди висѣлицъ былъ остроконечный, тонкій и высокій столбъ, паля, на которой долженъ былъ кончить свою жизнь Гонта. За висѣлицами подъ лѣсомъ бѣлѣлись шатры, гдѣ расположился панъ ловчій съ порядочной свитой войсковыхъ чиновъ. Здѣсь онъ задавалъ скром-

ные обѣды и вечеринки, на которые приглашалась шляхта изъ окрестностей. Все это ѣло и очень много пило, слушая вопль несчастныхъ... Милое развлеченіе продолжалось двѣ недѣли.

Казалось-бы, какой еще надо мести? Но для шляхты этого было слишкомъ мало. Ея традиціонная ненависть, скрытый страхъ передъ дикимъ звѣремъ, страхъ, отъ котораго она никогда не могла отдѣлаться,—все вырвалось теперь въ слѣпомъ порывѣ неутолимой мстительной злобы. „Всѣ сосѣди“, пишетъ тотъ-же Браницкій королю по этому поводу, „шляхта, жиды бѣгутъ ко мнѣ; одни совѣтуютъ четвертовать ихъ, другіе жечь, вбивать на колъ, вѣшать безъ милосердія... Возьми, распни!“ Только нѣсколько позже, когда чувства поостыли, выступила на сцену старая забота о живомъ ремалентѣ.

На другомъ концѣ края, на сѣверѣ его, въ Житомірѣ засѣдалъ родъ экстренной судебной коммиссіи подъ предсѣдательствомъ упомянутаго выше Дубровскаго, который вмѣстѣ съ Браницкимъ и Стемпковскимъ имѣлъ дарованное отъ короля jus gladii, право меча. Дубровскій былъ человѣкъ отважной души, неумолимый судья для виновнаго хлопа, но все-таки судья: онъ отсылалъ осужденныхъ въ Кодню, мѣстечко, лежащее въ трехъ миляхъ отъ Житоміра, гдѣ ихъ принималъ для экзекуціи Стемпковскій, которому больше нравилась роль палача.

Но Стемпковскій не могъ ограничиться только исполненіемъ судебныхъ приговоровъ; онъ хотѣлъ и самостоятельно воспользоваться своимъ правомъ меча для пользы края и его благородныхъ „обывателей“. Какъ ангелъ-истребитель прошелъ онъ по Полѣсью. Путь свой онъ обозначалъ висѣлицами; хлопъ шелъ на висѣлицу по самому ничтожному подозрѣнію. У него не было рѣчи о судѣ, о томъ, чтобы разбирать степени виновности: стоилъ-ли хлопъ, чтобъ утруждать себя такими мелочами? Всѣ его подначальные заняты были тѣмъ, что разыскивали подозрительныхъ людей по Полѣсью. Всякій, кто укрывался, былъ подозрителенъ, слѣдовательно, преступникъ, слѣдовательно, достоенъ смертной казни.

Такимъ образомъ, въ Коднѣ набралось нѣсколько тысячъ людей, частью присланныхъ изъ Житоміра, т. е. осужденныхъ,

частью нахватанныхъ безъ всякаго слѣдствія и суда. Никого изъ важныхъ преступниковъ, изъ козацкой старшины, изъ вожаковъ возстанія здѣсь не было; наоборотъ, было не мало стариковъ, дѣтей, даже женщинъ. Все это подъ рядъ шло подъ топоръ. Палачи смѣняли одинъ другого, щербились топоры на хлопскихъ шеяхъ, наблюдающіе за казнью теряли счетъ отрубленнымъ головамъ, а панъ обозный все сидѣлъ на удобномъ креслѣ надъ ямой, куда бросались отрубленныя головы, и курилъ свою трубку. Цѣлый курганъ высится теперь на томъ мѣстѣ, гдѣ падали эти несчастныя головы. Нѣсколько дней тянулась экзекуція. Сколько головъ пало тамъ? Противные лагери разно опредѣляютъ эту утрату: польскіе писатели принимаютъ ихъ въ 1000—2000, русскіе—въ 4000; первая цифра, повидимому, слишкомъ мала, другая слишкомъ велика. Шляхта сама пошла просить обознаго о пощадѣ, по крайней мѣрѣ такъ заявилъ Стемпковскій, да и не мудрено: эти казни происходили уже въ сентябрѣ, т. е. три мѣсяца спустя послѣ совершеннаго преступленія: можно было поостыть и обдуматься. Вѣдь если въ самомъ дѣлѣ принесть въ жертву Немезидѣ весь ремanентъ, то сами гербовные, сотворенные для короны и сабли, должны будутъ ходить за плугомъ: перспектива печальная... И шляхта умоляла Стемпковскаго вложить въ ножны свой грозный мечъ правосудія. Стемпковскій пріостановилъ казни; но уцѣлѣвшихъ онъ все-таки приказалъ „значковать“ десятаго. Значковать не такъ, какъ значковали когда-то въ началѣ столѣтія,—нѣтъ: отрѣзали не ухо, а руку и ногу, при чемъ если шла на отрубленіе правая рука, то вмѣстѣ съ ней лѣвая нога, и обратно. Трудно повѣрить такой ужасной и безцѣльной жестокости, но все это несомнѣнные факты, никѣмъ не оспариваемые. Долго Кодня и страшный Іосифъ, который рубилъ головы невиннымъ людямъ, какъ маковки, жили въ потрясенномъ воображеніи мѣстнаго народа. Уже заросли травой и могилы казненныхъ въ Коднѣ, одно поколѣніе вымерло, а другое и третье все еще повторяло, какъ проклятіе недоброму человѣку, „колыбъ тебе не минула святая Кодня“! Надо замѣтить, что общественное мнѣніе Польши было противъ Стемпковскаго и его возмутитель-

ной жестокости. Чарторижскіе, Замойскіе, Любомирскіе, даже самъ Салезій Потоцкій, наиболѣе пострадавшій матеріально во время этихъ волненій,—всѣ высказывались съ громкимъ порицаніемъ. И король, вообще очень благосклонный къ коронному обозному, охладѣлъ къ нему на нѣкоторое время.

Результаты коліивщины и ея усмиренія въ окончательномъ, хотя неточномъ, подсчетѣ даютъ такія приблизительныя цифры. Подверглось разоренію около 230 населенныхъ мѣстъ и погибло до 200 тысячъ человѣкъ, въ томъ числѣ шляхтичей и евреевъ вырѣзано шестьдесятъ тысячъ. Да кромѣ того, отъ чумы, которая страшно разыгралась тотчасъ же послѣ катастрофы, погибло приблизительно еще столько же народу.

Что сказать о „хлопскихъ бунтахъ“ 1789 г.? Мы знаемъ, что украинская шляхта снова была обхвачена тревогой; что въ одной Лабуни подъ крыломъ у коденскаго героя укрывалось четыре мѣсяца до 200 человѣкъ шляхты; что были учреждены военные суды и наставлены висѣлицы, однимъ словомъ, было все... кромѣ самихъ бунтовъ, повидимому. Вѣдь нельзя же считать за хлопскіе бунты убійство шляхтича Вылежиньскаго съ семьей, тѣмъ болѣе, что судебнымъ слѣдствіемъ было уяснено это убійство, какъ обыкновенный случай разбойническаго нападенія; или тѣ бумажные ножи громадныхъ размѣровъ, которые появлялись неизвѣстно откуда на вечеринкахъ у Стемпковскаго, при чемъ дамы падали въ обморокъ, а кавалеры усиленно угощались старымъ венгерскимъ; или, наконецъ, тѣ темные слухи о какихъ-то указахъ, когда-то, гдѣ-то, кѣмъ-то подхваченные... Все дѣло было явно дутое; самъ король смотрѣлъ на него, какъ на выдумку, какъ на интригу своихъ политическихъ враговъ, которымъ выгодно было смятеніе въ качествѣ нѣкоторой диверсіи. Но хлопы были все-таки виноваты тѣмъ, что пугаютъ пановъ, хотя и безъ своего вѣдома: вѣчное повтореніе въ лицахъ басни о волкѣ и ягненкѣ. А потому только и нашелся на всемъ пространствѣ Рѣчи-Посполитой одинъ шляхтичъ, Игнатій Потоцкій, который протестовалъ на сеймѣ противъ ненужныхъ висѣлицъ; да еще Костюшко, изъ своихъ

американскихъ принциповъ, громко высказывался противъ произвола устроенныхъ на этотъ случай военныхъ судовъ.

Украинскій народъ уже не могъ больше подниматься: Сѣчь не существовала, и не было у него старой опоры въ степной вольницѣ.

Польша, а вмѣстѣ съ нею и Украина, преобразованная ею по своему образу и подобію, быстро приближалась къ завершенію послѣдняго цикла своихъ историческихъ судебъ. Правда, идея о необходимости основныхъ измѣненій въ государственомъ и общественномъ строѣ уже зародилась въ сознаніи лучшихъ людей польскаго общества; появилась на свѣтъ и партія „реформы", въ главѣ которой стояли Чарторижскіе. Но пагубныя историческія привычки и эгоизмъ, сословный и личный, стояли на стражѣ, всегда готовые выбросить столь привлекательное для шляхетской массы знамя „золотой вольности" поперекъ дороги всякому серьезному реорганизаціонному стремленію. Много должно было пройти времени, чтобъ подготовительный процессъ внутренней работы пересоздали настроенія. Можетъ быть, все это и совершилось бы; но исторія не хотѣла ждать.

Какъ Барская, такъ и Тарговицкая конфедерація—эти двѣ ступеньки, черезъ которыя Польское государство валилось въ пропасть,—по какой то роковой ироніи судьбы обѣ возникали на почвѣ Украины, на ней разворачивали свои силы, питались ея соками. Казалось-бы, глубокое различіе отдѣляетъ эти два проявленія шляхетскаго автократизма: различны были мотивы возникновенія этихъ конфедерацій, различны программы, различны цѣли. А въ томъ впечатлѣніи, какимъ отразились онѣ на душахъ современниковъ и потомства, это различіе выростаетъ въ полярную противоположность. Дѣятели Барской конфедераціи, эти поэтическіе „рыцари Маріи" съ ихъ ксендзомъ Маркомъ, героическая фигура котораго какъ-бы перенесена въ 18-ый вѣкъ изъ сѣдой средневѣковой древности, въ яркомъ и горячемъ свѣтѣ симпатіи являются великодушными патріотами, самоотверженными борцами за національное дѣло. Дѣятели

конфедераціи Тарговицкой выступаютъ, какъ мрачные злодѣи, измѣнники, обремененные проклятіями погубленной ими родины, преслѣдуемые этими проклятіями даже въ своихъ чадахъ. Но безпристрастный судъ исторіи долженъ дать иной приговоръ. Приговоръ этотъ предвосхищенъ въ нѣкоторомъ смыслѣ региментаремъ подольскимъ Тадеушомъ Дзѣдушицкимъ, который такъ высказывался одному изъ „барщанъ“: „Только на легальной дорогѣ можетъ Рѣчь Посполитая достигнуть улучшенія, а вы дѣйствуете нелегально; безправье васъ сгубитъ: все очарованіе героизма спадетъ съ васъ, какъ внѣшняя оболочка, и вы предстанете передъ судомъ внуковъ ничтожными эгоистами“! Правда, между дѣятелями Барской конфедераціи были люди высокихъ достоинствъ сердца и характера; но вѣдь и Щенснаго Потоцкаго, вождя Тарговицкой, никто не упрекаетъ въ томъ, что онъ руководствовался въ своихъ дѣйствіяхъ мотивами личныхъ выгодъ: въ иномъ положеніи и иномъ освѣщеніи онъ могъ бы легко занять мѣсто въ пантеонѣ самоотверженныхъ патріотовъ. Тотъ же духъ разложенія проникалъ собою дѣйствія и Барской конфедераціи: каждый повѣтовый маршалекъ былъ королькомъ своего повѣта, предводитель каждаго отряда— гетманомъ, а каждый повѣтъ представлялъ собою Рѣчь-Посполитую въ миніатюрѣ: сколько повѣтовъ, столько враждебныхъ партій... Нѣтъ, не здѣсь лежалъ путь къ спасенію. Молодежь, воспитанная Барской конфедераціей, четверть вѣка спустя оказалась въ рядахъ Тарговицкой; не будь первой, не было бы, вѣроятно, мѣста и второй.

Результатомъ Барской конфедераціи былъ первый раздѣлъ Польши; результатомъ Тарговицкой—второй раздѣлъ, то есть присоединеніе Украины къ Россіи.

А. Ефименко.

СОВРЕМЕННАЯ МАЛОРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ[1].

В. Н. Ястребовъ.

18 октября 1892 г. въ Елисаветградѣ былъ открытъ памятникъ на могилѣ похороненнаго тамъ извѣстнаго слависта В. И. Григоровича. На открытіи присутствовали и говорили рѣчи профессоры Новороссійскаго университета А. И. Кирпичниковъ и Ѳ. И. Успенскій. Высокая личность и дѣятельность покойнаго В. И. Григоровича, какъ широко образованнаго и талантливаго профессора, какъ ученаго ветерана-слависта, византиниста и южнорусскаго этнографа и археолога, разносторонне оцѣнены его собратьями по наукѣ и преемниками по университету. Тогда же преподаватель мѣстнаго реальнаго училища В. Н. Ястребовъ сказалъ рѣчь „о значеніи памятника для мѣстнаго общества". „Когда, по окончаніи курса въ одной отдаленной гимназіи, говорилъ г. Я., я пришелъ проститься къ учителю словесности и сказалъ ему, что ѣду въ одесскій университетъ, онъ, просіявъ лицомъ, сказалъ мнѣ: „тамъ Григоровичъ"! Когда потомъ я за тѣмъ же пришелъ къ учителю исторіи, онъ повторилъ: „тамъ Григоровичъ"!—Я замѣтилъ, что онъ завидовалъ мнѣ. Оба они были слушателями покойнаго въ Казанскомъ университетѣ. И вотъ я, духовный внукъ его, въ свою очередь имѣлъ счастье сдѣлаться его ученикомъ. Быстро пролетѣли короткіе четыре года. Я кончилъ курсъ въ университетѣ и пріѣхалъ учительствовать въ Елисаветградъ—и Викторъ Ивановичъ въ томъ же

---

[1]) См. „Кіевск. Стар." № 2. 1895 г.

году вышелъ въ отставку и поселился тоже въ Елисаветградѣ. И я былъ у него здѣсь на окраинѣ города, въ его маленькой, болѣе чѣмъ скромной квартирѣ, переполненной книгами, видѣлъ его совершенно, повидимому, здоровымъ, слушалъ его, по обыкновенію, оживленную бесѣду, а черезъ короткое время помогалъ нести гробъ его на мѣсто послѣдняго упокоенія...

Памятникъ знаменитому ученому открытъ, освященъ и сдѣлался достояніемъ города; кладбище опустѣло; торжество наше близится къ концу; дорогіе гости скоро покинутъ насъ, и жизнь нашего города снова пойдетъ своимъ чередомъ... Позволю себѣ откровенно высказать опасеніе: не прійдутъ ли кому либо изъ отъѣзжающихъ гостей такія мысли: зачѣмъ Елисаветграду достался этотъ прекрасный памятникъ? не лучше ли было бы этому памятнику находиться въ какомъ-нибудь центрѣ? Для кого здѣсь будетъ онъ выполнять свое назначеніе и не будетъ ли онъ забытъ и самъ, и забытъ очень скоро?

Мнѣ пріятно думать, что открытый нынѣ памятникъ выполнитъ свое назначеніе и для нашей ближайшей округи, и я полагаю, что имѣю достаточныя основанія для такого ожиданія. Вотъ они.

Во вновь открытый Новороссійскій университетъ покойнаго привлекла, главнымъ образомъ, разноплеменность нашего края, въ связи съ географической и исторической близостью его къ Византіи и Славянамъ. Въ зависимости отъ общаго направленія его трудовъ, въ Одессѣ онъ началъ усердно заниматься мѣстной этнографіей и исторіей: ставилъ новые вопросы, открывалъ новыя перспективы, объѣхалъ лично нашъ югъ отъ Днѣстра до Азовскаго моря, осматривалъ церкви и архивы, прислушивался къ особенностямъ мѣстныхъ говоровъ, записывалъ названія урочищъ,—рекомендовалъ и студентамъ темы по этнографіи для сочиненій. Самое переселеніе его въ нашъ городъ было дѣломъ обдуманнаго выбора. Не на покой пріѣхалъ къ намъ отставной профессоръ, а для новыхъ трудовъ. Сюда влекли его воспоминанія о Новой Сербіи, которая была колонизаціоннымъ ядромъ для Новороссійскаго края, сюда манила его перспектива знакомства съ вѣрными хранителями старины—

старообрядцами, владѣющими здѣсь драгоцѣннымъ лицевымъ евангеліемъ и другими рукописными старопечатными книгами, Елисаветградъ представлялся ему городомъ, въ меньшей степени, нежели многіе другіе города Новороссіи, поглощеннымъ меркантильными интересами. Вскорѣ по пріѣздѣ сюда онъ собирался предпринимать, если даже и не предпринималъ на дѣлѣ, поѣздки по селамъ, съ цѣлью личныхъ опросовъ мѣстныхъ жителей, и настойчиво призывалъ къ тому же встрѣтившихъ его здѣсь учениковъ. Онъ дѣятельно искалъ помощника въ собираніи свѣжаго метеріала, какъ будто хотѣлъ начать жизнь сначала. Древній мудрецъ, Викторъ Ивановичъ, всегда носилъ въ себѣ искру Божію и тоже искалъ,—искалъ коренного новороссійскаго туземца, хранителя старины и производителя въ великомъ дѣлѣ народнаго самосознанія,—искалъ—и не одинъ разъ находилъ такихъ туземцевъ. Какою свѣтлою радостію блестѣли его глаза, когда говорилъ онъ намъ о трудѣ одного мѣстнаго священика по географіи и исторіи края, трудѣ, изобилующемъ фактическими свѣдѣніями, старательно и съ любовью собранными!

Съ тѣхъ поръ прошло всего 16 лѣтъ, но и въ этотъ незначительный промежутокъ времени мы можемъ насчитать цѣлый рядъ такихъ скромныхъ, но полезныхъ трудовъ мѣстныхъ дѣятелей и убѣдиться, что пытливость къ родной старинѣ и къ современному быту растетъ въ мѣстномъ населеніи, хотя и тихо, но неизмѣнно. Правда, въ большихъ городахъ, научныхъ центрахъ, работниковъ науки больше, чѣмъ въ нашей глуши, но тамъ есть для нихъ руководство и совѣтъ живыхъ людей, тамъ есть университеты, ученыя общества. У насъ ничего этого нѣтъ. Такъ не жалѣйте же, что, въ замѣнъ всего этого, у насъ останется одна дорогая могила!

Не забудетъ ея, прійдетъ къ этой могилѣ туземецъ, обнажитъ голову и помолится объ упокоеніи души покойнаго. У подножія этого памятника почерпнетъ онъ уваженіе къ знанію, интересъ къ окружающему населенію и къ его прошлому и, какъ тяглый работникъ, по выраженію покойнаго, примкнетъ

къ общей дружной работѣ на пользу народнаго самосознанія“ [1]).

Рѣчь В. Н. Ястребова мы привели почти цѣликомъ, для обрисовки нравственныхъ и научныхъ симпатій самого г. Ястребова. Въ теченіе многихъ лѣтъ г. Ястребовъ въ скромномъ положеніи преподавателя въ Елисаветградскомъ реальномъ училищѣ продолжаетъ дѣло Григоровича. Онъ работаетъ для науки, для народнаго самосознанія и просвѣщенія, и въ итогѣ получается такая сумма дѣятельности, что мы имѣемъ полное основаніе считать г. Ястребова не только „тяглымъ работникомъ“, но „собратомъ по наукѣ“. По разнообразію и достоинству научныхъ трудовъ г. Ястребовъ является прямымъ продолжателемъ своего достойнаго учителя-профессора. Г. Ястребовъ поддерживаетъ живыя связи съ наиболѣе дѣятельными учеными обществами, работаетъ далѣе, какъ практикъ педагогъ, не забывая простого народа, для духовныхъ потребностей котораго г. Ястребовъ составилъ недавно популярную книжку о дѣтствѣ Петра Великаго.

Почтенная научная дѣятельность В. Н. Ястребова служитъ живымъ опроверженіемъ мнѣнія о невозможности работать въ провинціи. Работать можно, хотя, разумѣется, провинціальному ученому приходится затрачивать на научныя изслѣдованія болѣе энергіи, болѣе труда, при недостаткѣ пособій, и потому такая дѣятельность заслуживаетъ особеннаго общественнаго одобренія и признанія. Научное достоинство трудовъ г. Ястребова въ достаточной мѣрѣ опредѣляется уже тѣмъ, что археологическія его изслѣдованія изданы петербургскимъ и московскимъ археологическими обществами, а этнографическія— историко-филологическимъ обществомъ при Новороссійскомъ университетѣ. Наиболѣе крупныя изслѣдованія г. Ястребова посвящены археологіи; здѣсь мы не будемъ на нихъ останавливаться. Отмѣтимъ только обширное изслѣдованіе *о Лядинскомъ и Томниковскомъ могильникахъ* тамбовской губ., изданное петербургской археологической комиссіей въ 1893 г. съ 15 таб-

---

[1]) Оттискъ изъ III-го тома „Лѣтописи Историко-Филологическаго Общества при Императорскомъ Новороссіскомъ Университетѣ“.

лицами рисунковъ и съ 51 политипажемъ въ текстѣ, и весьма цѣнный „*Опытъ топографическаго обозрѣнія древностей Херсонской губерніи*, нап. въ XVII т. „Записокъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей“ 1894 г. Нельзя не пожелать, чтобы и въ другихъ „губерніяхъ“ оказались такіе „Опыты“. Трудъ г. Ястребова можетъ служить образцомъ и руководствомъ. Книга составлена отчасти по мате,іаламъ, бывшимъ уже въ печати, большей частью, по свѣже-собраннымъ матеріаламъ, доставленнымъ 56 корреспондентами изъ сельской интеллигенціи. Кромѣ того, авторъ собралъ много новыхъ свѣдѣній путемъ личнаго опроса мѣстныхъ жителей. Собранныя такимъ путемъ свѣдѣнія г. Ястребовъ расположилъ въ такомъ ясномъ и систематическомъ порядкѣ: 1) находка оружія и орудій, 2) находки монетъ, 3) менгиры, изображенія и надписи на камняхъ, каменныя бабы, 4) находки древностей разнаго рода, 5) мастерскія и копи, 6) находки костей и могилъ, 7) пещеры и подземные ходы, 8) дольмены, 9) земляные валы, 10) городища и селища и 11) курганы. Детальное распредѣленіе матеріала идетъ по уѣздамъ и селамъ въ алфавитномъ порядкѣ. Вообще книга эта имѣетъ значеніе настольной справочной книги при изученіи южно-русской археологіи, въ особенности археологіи херсонскаго края.

Небольшія статьи по археологіи напечатаны въ „Кіев. Стар.“ (большей частью рецензіи) и въ Археол. Изв. и Зам. Особенно интересны статья *о Херсонесѣ Таврическомъ* въ Кіев. Стар. 1883 г. № 5 и ст. „*Поѣздка на островъ Каменоватый*“ (на Днѣпрѣ) въ Археол. Изв. и Зам. 1894 № 5.

Этнографическій матеріалъ собранъ г. Ястребовымъ въ двухъ сѣверныхъ уѣздахъ херсонской губерніи въ теченіе десяти лѣтъ. Херсонская губернія, какъ видно изъ изданныхъ описаній ея уѣздовъ, отдѣльныхъ селеній (Балай одесскаго уѣзда, Дмитровка александровскаго) и волостей (Евтеньевская, Щербановская волости) отличается разнообразіемъ этнографическаго состава населенія, большинство котораго составляютъ малоруссы; здѣсь рядомъ съ послѣдними живутъ и бѣлоруссы, и великоруссы, и молдаване, и нѣмцы, и поляки, и евреи, и греки, и болгаре.

Переселившись изъ разныхъ концовъ Россіи и Европы (напримѣръ—изъ пензенской, харьковской, кіевской и могилевской губерніи, изъ Виртемберга, Пруссіи, острова Даго, изъ Турціи, Македоніи, Румыніи и т. п.), въ теченіе послѣдняго столѣтія они сжились одни съ другими и вошли въ болѣе или менѣе близкія отношенія, смотря по большей или меньшей общественности народнаго характера. Одни изъ народовъ обнаруживаютъ склонность къ обмалоруссиванію (напр. молдаване, болгары, отчасти поляки изъ Галичины и Юго-западнаго края), другіе (какъ нѣмцы, евреи) удерживаютъ извѣстныя черты своей національиости; но всѣ уже почти умѣютъ говорить по малорусски, и языкъ малорусскій сталъ для нихъ какъ бы международнымъ, въ родѣ того, какъ на Кавказѣ такимъ языкомъ для сношеній между собой разныхъ народностей сталъ языкъ татарскій. Смѣшанный характеръ населенія отразился въ языкѣ и содержаніи малорусскихъ пѣсенъ и сказокъ въ смыслѣ привнесенія новыхъ элементовъ и порчи старыхъ.

Въ 1893 г. вышла весьма интересная статья г. Ястребова „*Малорусскія прозвища Херсонской губерніи*“. Тема эта едва была ранѣе затронута въ печати. Матеріалъ приходится собирать по крохамъ. Г. Ястребовъ въ елисаветградскомъ и александрійскомъ уѣздѣ собралъ до 400 прозвищъ съ объясненіями и расположилъ ихъ по внутренней связи ихъ съ разными проявленіями крестьянской жизни, личной и общественной. Въ статьѣ разобрано много любопытныхъ замѣтокъ о значеніи прозвищъ для изученія языка, о томъ, когда, кѣмъ, при какихъ обстоятельствахъ они даются, объ отраженіи въ прозвищахъ представленій о физическихъ и духовныхъ свойствахъ, народныхъ порокахъ, религіозно-нравственныхъ понятіяхъ, о переходѣ личныхъ прозвищъ въ топографическія названія, о превращеніи прозвищъ въ поговорки, пословицы, дѣтскія пѣсенки и пѣсенныя перебранки. Въ статьѣ 17 страницъ, но при мелочности отдѣльныхъ фактовъ статья въ 17 стр. представляется большой и содержательной.

Вышедшіе въ 1894 г. „*Матеріалы по этнографіи Новороссійскаго края*“ состоятъ изъ 2 частей: въ 1-ю вошли „суе-

вѣрія и обряды“, во 2-ю „легенды, сказки и разсказы“. Въ совокупности это книжка въ 202 стр. довольно разнообразнаго содержанія. Оріентироваться въ книгѣ при справкахъ довольно легко, благодаря приложенному въ концѣ предметному указателю. Матеріалъ распредѣленъ въ такомъ порядкѣ: представленія о внѣшнемъ мірѣ (сюда вошелъ и народный календарь); представленія о человѣкѣ (народная медицина, демонологія, свадьба и пр.), легенды, сказки и топографическія названія съ мѣстными объясненіями. Кое-гдѣ, преимущественно въ сказкахъ, сдѣланы ссылки на другіе сборники малорусскихъ сказокъ. Вообще, въ сборникѣ видна редакторская рука, заботливость о распорядкѣ и системѣ, внимательное отношеніе къ интересамъ науки и читателя. „Изъ того сырья (говоритъ г. Ястребовъ въ краткомъ предисловіи), которое накопилось у насъ за десять лѣтъ, мы предлагаемъ здѣсь только то, для чего или вовсе не нашли прямыхъ аналогій въ печатныхъ сборникахъ, или нашли варіанты, разнящіеся въ подробностяхъ. Отъ такой осторожности сборникъ лишь выигралъ. Затѣмъ, по части языка записей, г. Ястребовъ высказываетъ мнѣніе, на мой взглядъ весьма основательное, которое и я высказалъ немного ранѣе въ печати (въ рецензіи на Бѣлор. Сборникъ Романова), что „записи, ставящія себѣ цѣлью изученіе діалектовъ, должны быть производимы особо отъ этнографическихъ въ собственномъ смыслѣ, спеціально къ тому подготовленными и особенно въ этомъ заинтересованными лицами“. Какъ трудно записывать образцы діалектовъ съ спеціально филологическими цѣлями и какъ мало тутъ значитъ количество записей передъ качествомъ ихъ, можно наглядно убѣдиться на записяхъ спеціалистовъ филологовъ *М. Е. Халанскаго* и *А. В. Ветухова* въ „Рус. Фил. Вѣстникѣ“ и г. *Будде* въ XXI кн. „Этногр. Обозрѣнія“.

Остановимся подробнѣе на нѣкоторыхъ частностяхъ:

На стр. 9 находится нѣсколько сообщеній объ антидемоническомъ значеніи мартовскаго щенка, что подтверждаетъ предположеніе, что и названіе такой собаки „*Ярчукъ*“ должно быть произошло изъ „*марчукъ*“. О ярчукахъ кое-что уже было въ сборникахъ Аѳананасьева, Чубинскаго, Садовникова, Иванова. Спе-

ціальное изслѣдованіе о противодемоническомъ значеніи собаки принадлежитъ проф. В. Ѳ. Миллеру (преимущественно объ иранскихъ повѣрьяхъ); кое-что любопытное въ этомъ отношеніи было въ Revue d. trad. populaires 1890 г.

На стр. 11 попала *нисенитныця*, „отчего зайцы куцы", которой умѣстнѣе быть въ концѣ книги, на стр. 178—180, въ ряду съ двумя другими нисенитныцями. Объ этомъ своеобразномъ видѣ народной словесности мы вкратцѣ упоминали въ ст. о Д. И. Эварницкомъ въ 1 ч. „Современ. Малор. Этн". Нисенитныця или небылица—панизываніе глупостей встрѣчается въ словесности славянскихъ, романскихъ и германскихъ народовъ, причемъ даже въ этой области обнаруживаются любопытныя черты совпаденія и сходства.

На стр. 19 находится любопытный разсказъ о выборѣ птицами царя, о полетѣ маленькой птички выше большой (сидѣла на спинѣ большой), что частями напоминаетъ малорусскую сказку про кукушку у *Чубин.* I, 763 и монгольскую сказку про то, какъ журавль несъ на спинѣ маленькую птичку богоргоно, у *Потанина* въ Очерк. сѣв.-зап. Монг. IV 629.

Сказаніе о полозѣ на стр. 19 можно пополнить тѣмъ, что ранѣе сообщено о полозахъ у *Манжуры*, *Новицкаго и г. Каллаша* (упом. въ 1 ч. Соврем. малор. этногр.).

Небезынтересны краткія сообщенія о писанкахъ на стр. 28—29, какъ дополненіе къ моей ст. о писанкахъ въ Кіев. Стар. Болгарскія названія писанокъ на стр. 29, повидимому, заимствованы у малоруссовъ.

Въ сборникъ вошло нѣсколько любопытныхъ заговоровъ; но они слишкомъ разбросаны (стр. 11, 14, 45 и др.).

Г. Ястребовъ обратилъ вниманіе на нѣкоторыя подробности народнаго быта, ранѣе упускавшіяся изъ виду, напр., на проклятія и брань (стр. 41), освященіе колодцевъ (63), дѣтскія игрушки (88), дѣтскія шутки-шалости (89), народныя карточныя игры (106).

Сказанія объ одноглазыхъ людоѣдахъ песиголовцахъ на стр. 80—83 болѣе относятся ко второму отдѣлу, чѣмъ къ первому. Здѣсь довольно близко воспроизводятся сказки о Лихѣ одногла-

зомъ, извѣстныя по болѣе раннимъ сборникамъ, причемъ обнаруживается большое сходство съ гомеровскимъ сказаніемъ о Полифемѣ.

Всѣхъ сказокъ, легендъ и анекдотовъ 41; содержаніе большей частью извѣстное; по формѣ варіанты слабые и малозначительные, съ краткими и невыдержанными мотивами. На новороссійской почвѣ сказки, повидимому, упрощаются и сокращаются. Легенды о дружбѣ бога съ чортомъ, о женскомъ господствѣ и др. (№№ 1—5) изъ общеизвѣстныхъ о сотвореніи міра Богомъ и сатаной, о томъ, какъ злая жена побила апостола на ночлегѣ. Малорусскіе варіанты указаны самимъ издателемъ.

Сказка про баранчика (№ 6) и про царильника (№ 22) представляютъ краткіе пересказы широко распространенной сказки, малор. варіанты которой указаны г. Ястребовымъ, а болѣе полные западно-европейскіе въ большомъ числѣ собраны у *Cosquin*, Contes popul. de Lorraine §§ 4, 39, 42, 56, 59, 71 и въ сборникѣ франц. легендъ *Luzel* см. по указателю въ концѣ III т. подъ сл. baguette. Добавимъ здѣсь еще бѣлорусскую у *Добровольскаго* I 693 и польскія въ сборникахъ *Хэльховскаго* №№ 24, 38 и *Цишевскаго* 168.

Сказка о чортахъ (№ 10) представляетъ варіантъ любопытнаго цикла сказокъ о мученіи хлѣба, съ замѣной хлѣба прядивомъ. Мнѣ извѣстны сходныя сказки бѣлорусская (въ Бѣлор. сб. Романова) и румынская (въ сб. Кремнитцъ).

Сказка „Зализный вовкъ" (№ 13), повѣствующая о помощи, оказанной герою чудесными собаками Чутко и Важко, хорошо извѣстна и западно-европейскимъ народамъ, какъ видно изъ сборника *Коскена*.

Въ сказкѣ подъ № 15 „про змія" воспроизводится широко-распространенный мотивъ о запрещенной комнатѣ, о чемъ см. подробности у *Cosquin* № 38.

Сказка про двохъ братывъ (№ 27) говоритъ о переносѣ трупа, чрезвычайно популярная тема, о чемъ подробно у *Cosquin* подъ № 80 и кромѣ того у *Аѳанасьева* Рус. нар. сказки IV 502, *Bedier* Les fabliaux (Le cristain du Cluny), *Kolberg* Pokucie IV 252, *Zbiór wiadomosci* VIII 301.

Сказка подъ № 33 про лихую жинку—отзвукъ западнаго фабльо о притворномъ мертвецѣ, о чемъ подробно мы говорили въ Кіев. Стар. 1894 г.

Сказка подъ № 34 („Дѣдъ и баба“) относится къ весьма популярной темѣ о бабахъ до неба и мѣнѣ съ пониженіемъ предметовъ; обширная литература отчасти указана намъ въ академич. рецензіи на Бѣлор. сб. Романова.

Анекдотъ о литвинѣ, которому медвѣдь откусилъ голову (подъ № 41), встрѣчается въ Бѣлоруссіи (во 2 т. Матеріаловъ П. В. Шеина) и у болгаръ (въ VIII т. Сборника Шапкарева).

Въ сборникѣ г. Ястребова встрѣчается нѣсколько оригинальныхъ сказокъ и анекдотовъ, повидимому, впервые записанныхъ изъ народныхъ устъ; такова юмористическая сказка про Чепурыся (№ 26), или о томъ, какъ глупый мужикъ отдалъ своего бычка дьячку въ обученіе и потомъ повѣрилъ, что его бычекъ сдѣлался человѣкомъ и сталъ губернаторомъ, затѣмъ анекдотъ про лѣнивыхъ мужа и жену (№ 30), и двѣ или три другихъ малозначительныхъ. Вообще, сборникъ г. Я., на ряду съ другими сборниками, свидѣтельствуетъ, что народъ живетъ традиціонными запасами народнаго творчества, почти ничего не прибавляя къ нимъ.

Изъ небольшихъ этнографическихъ замѣтокъ г. Ястребова, разбросанныхъ въ Кіевской Старинѣ, отмѣтимъ здѣсь, какъ наиболѣе интересныя, пѣсню о сербѣ въ „Кіев. Стар.“ 1884, XII (сербъ обрисованъ щеголемъ и бездомнымъ кутилой), гайдамацкую пѣсню о лѣсѣ Чутѣ въ „Кіев. Стар.“ 1885 XII, варіанты сказки о невѣрной женѣ въ „Кіев. Стар.“ 1884 IV, и народныя пѣсни Херсонскаго края въ „Кіев. Стар.“ 1894 III (колыбельныя и свадебныя), святочныя пѣсни ib. 1894 II.

Въ небольшой замѣткѣ г. *Вейсенберга* о малорусскихъ писанкахъ, напечатанной въ Zeitschrift für Ethnologie 1894 V стр. 340, находится интересное сообщеніе, что В Н. Ястребовъ собралъ большую коллекцію писанокъ и готовитъ о нихъ спеціальное изслѣдованіе.

С. А. Чернявская.

Въ то время, какъ этнографическіе труды г. Ястребова знакомятъ насъ съ сѣверной частью херсонщины, Софья Андреевна Чернявская даетъ любопытный матеріалъ для ознакомленія съ крайнимъ югомъ херсонской губерніи, съ бытомъ, повѣрьями и пѣснями малоруссовъ села Бѣлозерки херсонскаго уѣзда. Сборникъ г-жи Чернявской, объемомъ около 3 печ. листовъ, изданъ въ 1893 г. въ V т. Сборника харьковскаго историко-филологическаго общества. Матеріалъ собранъ въ 1888—1889 годахъ, по этнографической программѣ Русскаго Географическаго Общества, и, согласно съ этой программой, распадается на календарь народный и сборникъ пѣсенъ; въ началѣ сборника находится краткое описаніе села.

Дневникъ мало интересенъ, такъ какъ эта сторона весьма подробно ранѣе была представлена у Чубинскаго, Терещенка и Калинскаго. Въ дневникъ вошла популярная легенда о воскресшемъ пѣтухѣ (обширнѣйшая литература приведена у *Child*, The english and scot. ballads въ 1 т. подъ № 23) и повѣрья о вѣдьмахъ.

Гораздо болѣе интересны пѣсни, снабженныя со стороны редакціи библіографическими ссылками на сборники Максимовича, Антоновича и Лысенка. Сюда вошли 112 пѣсенъ свадебныхъ въ порядкѣ весильнаго ритуала, краткія, большей частью уже извѣстныя по сборникамъ Чубинскаго, г-жи Марковой въ альманахѣ „Степь", Николайчика въ „Кіев. Старинѣ", Головацкаго и др. Далѣе слѣдуютъ 9 сухихъ колядокъ школьнаго происхожденія, 7 щедривокъ, 3 веснянки, 1 обжинковая, десять историческихъ (про Савву Чалаго, про Нечая, о паденьѣ Запорожья, о Джемберѣ, о Платонѣ, т. е. Платовѣ). Мѣстами въ историческихъ пѣсняхъ попадаются любопытныя мелочи, напр.: въ думѣ про Нечая сказочный мотивъ о полетѣ Нечая выше дерева, взятый изъ сказокъ о вѣдьмахъ. Далѣе идутъ 82 пѣсни рекрутскія, солдатскія, чумацкія и семейно-родственныя, причемъ нѣкоторыя очень слабыя и искаженныя. Отмѣтимъ балладную пѣсню на стр. 150 „И по той бикъ гора" въ двухъ варі-

антахъ объ уводѣ дѣвицы. Редакція (А. А. Русовъ) указала на варіантъ у *Чубинскаго* и *Коципинскаго.* Встрѣчается эта пѣсня въ Pokucie *Кольберга* II 84, *Купчанки* (подъ редакц. *Лоначевскаго*) стр. 407 № 61, „*Кіевск. Стар.*" 1892 VI 407, *Омельченка* подъ № 1, *Головацкаго* I 130, *Zbior Wiadomosci* VIII. Всѣ эти варіанты идутъ отъ польскихъ пѣсенъ, а послѣднія отъ западноевропейскихъ, которыя подробно указаны въ The english ballads *Child*'a.

Если не считать небольшого сборника пѣсенъ г-жи Марковой въ „Степи", то сборникъ г-жи Чернявской представляется первымъ крупнымъ женскимъ вкладомъ въ этнографію; по полнотѣ и содержательности сборникъ г-жи Ч. уступаетъ лишь сборникамъ г-жи Мошинской на польскомъ языкѣ. Нѣсколько странно, что русская женщина, столь блестяще заявившая о себѣ на трудныхъ поприщахъ филантропіи, медицины и педагогіи, сторонилась до сихъ поръ отъ этнографіи, т. е. такой области знаній, гдѣ женскій трудъ можетъ быть въ особенности замѣтенъ. Женщина можетъ ближе подойти къ народу, чѣмъ мужчина, въ особенности къ крестьянкѣ—этой главной хранительницѣ традицій пѣсенъ и обрядовъ. Въ польской этнографіи женскіе труды занимаютъ очень видное мѣсто, и въ частности собираніемъ малорусскихъ пѣсенъ занимались г-жи Мошинская, Томашевская, Рокасовская, Малиновская. Остается только пожелать, чтобы примѣръ г-жъ Марковой и Чернявской въ дѣлѣ собиранія памятниковъ народнаго словеснаго творчества не остался безъ подражанія.

М. Ф. Комаровъ.

А. Н. Пыпинъ въ III т. Ист. рус. этн. (стр. 411) замѣчаетъ: „упомянемъ еще о трудахъ М. Комарова, который въ альманахѣ М. Старицкаго „Рада" (Кіевъ 1889) помѣстилъ весьма полезный „Покажчикъ" т. е. указатель новой украинской литературы, участвовалъ своими трудами въ „Кіев. Стар." и издалъ новое собраніе малорусскихъ пословицъ, загадокъ и заговоровъ: „Нова збирка etc." (Одесса 1891), гдѣ въ послѣ-

словіи читатель найдетъ подробный указатель литературы предмета, начиная съ 1829". Къ этому добавимъ слѣдующее:

Михаилъ Феодоровичъ Комаровъ родился въ м. Дмитровкѣ павлоградскаго уѣзда екатериносл. губ., воспитывался въ екатеринославской гимназіи, потомъ въ харьковскомъ университетѣ, гдѣ окончилъ курсъ по юридическому факультету въ 1867 г., служилъ при острогожскомъ окружномъ судѣ, потомъ былъ присяжнымъ повѣреннымъ въ Острогожскѣ и затѣмъ въ Кіевѣ, съ 1883 г. нотаріусомъ въ Умани и въ послѣднее время состоитъ нотаріусомъ въ Одессѣ. Въ 60-хъ годахъ во время студенчества, г. Комаровъ былъ учителемъ сельской школы въ с. Гавриловкѣ изюмскаго у. харьк. губ., и здѣсь началъ собирать произведенія устнаго народнаго творчества, что продолжалъ въ Нимещинѣ ново-московск. уѣзда екатериносл. губ. Изъ этого собранія два варіанта думы про Савву Чалаго (съ замѣткой) напечатаны въ № 22 Екатериносл. Губ. Вѣдом. 1865 г. Сборникъ пѣсенъ былъ переданъ въ распоряженіе Юго-Зап. Отдѣла Геор. Общества, что значится во II т. Записокъ Ю. З. Геогр. Общ.; но вкорѣ отдѣлъ былъ закрытъ, и сборникъ г. К. въ числѣ другихъ матеріаловъ исчезъ безслѣдно [1]). Часть матеріаловъ, сохранившихся у г. К., издана въ 1891 г. въ „Новой Збиркѣ". Сохранились значительные матеріалы для русско-украинскаго словаря, которые въ полѣднее время и печатаются по частямъ въ видѣ приложенія къ галицкой „Зорѣ" подъ заглавіемъ „Россійско-украинскій словарь, зибралы и впорядкувалы М. Уманець и О. Спилка". Небольшія статьи г. К. въ Кіев. Стар. (см. по указателю 1893 г.) относятся къ исторіи литературы. Были мелкія статьи въ період. изданіяхъ „Дило", „Зоря" и „Правда". Г. К. напечаталъ нѣсколько хорошихъ книгъ для народнаго чтенія („Розмова про небо та землю", „Розмова про земни сылы", изд. въ Кіевѣ 1874—1875 г.). Рецензію г. *Степовича* на „Нову Збирку" см. въ „Кіев. Стар." 1890 № 11. **Н. Ѳ. Сумцовъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Недурно было бы разъяснить эту „безслѣдную" пропажу этнографическихъ матеріаловъ. Прим. Н. С.

Дѣтскій Эдемъ до вкушенія плода отъ древа познанія добра и зла [1]).

(изъ дѣтскаго міра деревенскаго мальчика).

Въ тѣ времена, недалекія отъ насъ по лѣтамъ, но отдаленнѣйшія по первобытному строю удобствъ жизни,—въ тѣ времена у крестьянъ свѣчей не было. Свѣчи были только у пановъ, и то сальныя, а о керосинѣ въ ту пору еще и не снилось сельскому люду, какъ не приснится нынѣшнему крестьянину скалка-лучина или „каганецъ". Тогда мы кололи изъ березоваго, высушеннаго на печкѣ полѣна „скалки"—лучину, зажигали её, вставивъ предварительно вмѣсто подсвѣчника въ дырки, проткнутыя пальцемъ въ глиняномъ комкѣ, называемомъ „бабкою", и такъ освѣщали комнату, ежеминутно зажигая новую скалку. А Рождественскими праздниками, если только къ празднику отецъ кололъ кабана, мы свѣтили „каганцемъ"—плошкою, налитою свинымъ саломъ. Сѣрныя спички въ ту пору еще не были въ употребленіи у крестьянъ. Огонь добывали „кресаломъ", огнивомъ. „Кресало" состояло изъ стальной четырехгранной пластинки, толщиною въ $^1/_4$ дюйма, длиною около $3^1/_2$ дюймовъ, изъ тонкаго остроограннаго кусочка кремня и изъ трута, который приготовлялся изъ особой породы грибовъ, называемыхъ губками, растущихъ, на стволахъ старыхъ фруктовыхъ деревьевъ. Эти губки толклись обухомъ топора, долго вывариваліись въ кипячей водѣ, въ которой предварительно вымывалась овечья шерсть отъ сѣры, затѣмъ сушились и дѣлались такимъ обра-

[1]) См. „Кіев. Стар." № 3 1895 г.

зомъ чрезвычайно легкими, мягкими и легко воспламеняемыми. Вытопивши варистую печь, хозяйка никогда не оставляла въ ней пепелъ съ огнемъ, чтобы огонь не угасъ, а выгортывала изъ печи горящій пепелъ въ „кубашку“—печурку, находившуюся при устьѣ каждой варистой печи, плотно сбивала пепелъ, нарочно для того, чтобы не угасалъ огонь въ теченіе сутокъ, дабы имѣть готовый огонь подъ рукою во всякую пору дня и ночи и на всякую потребу. Бѣда хозяйкѣ, если огонь въ ея „кубашкѣ“ погасъ, а „кресало“ взялъ хозяинъ съ собою въ поле. Тогда она, скрѣпя сердце, шла къ сосѣдкѣ „позычать“ огня. Благо ей, если у сосѣдки не отелилась корова, не окотылась овечка ягненкомъ, не лупятся цыплята подъ насѣдкою; тогда она получала отъ сосѣдки ложку тлѣющаго пепла, прятала пепелъ въ паклю конопляннную, а паклю въ „крутинь“ (скрученный жмутъ) соломы и несла черезъ улицу къ себѣ въ домъ. Но если у сосѣдки на ту пору вылупливаются изъ яицъ цыплята, то она вмѣсто огня получитъ еще выговоръ:

— „А хиба жъ вы не знаете, що у мене курка на яйцяхъ сыдыть и курчата уже лупляться? Аже позапикаются яйця пидъ куркою, якъ тильќо я позычу вамъ огню, и прыйдется повыкидать яйця собакамъ“.

Пошла съ досадою хозяйка въ другую хату до кумы позычать огня.

— „Съ дорогои души, кумцю, далабъ огню, та Богъ мени давъ, що отелылась корова и окотылась овечка, то боюсь, що теля и ягня не будуть до дому ходыты съ череды“, якъ тильќо я дамъ вамъ огню.

Но несчастнѣе всѣхъ та хозяйка, у которой въ домѣ нестанетъ огня въ великіе праздники Рождества Христова, Новаго года и Велыкодня. Въ томъ домѣ непремѣнно будетъ „мрець“. Да кромѣ этого горя, еще такая хозяйка и не достанетъ огня ни у кого изъ сосѣдей и прослыветъ навсегда вѣдьмою въ мнѣніи своихъ селянъ, потому что только „однѣ вѣдьмы позычають огонь на Велыкъ-день, на Риздво и на Новый-рикъ“. Да и вообще небезопасно одолжать какія бы то ни было вещи другому человѣку. Иной злой человѣкъ „зъ мухами въ носи“

(знахарь), если захочетъ, чтобы его сосѣдъ „звився хозяйства", т. е. разорился, обнищалъ, то нарочно на „молодыку" приходитъ къ нему позычать, кажется пустую вещь, но если сосѣдъ одолжитъ ему ту вещь, то у него все добро его за тою вещью мимо его „прахомъ пиде", „росповзется". Равно и сѣмена огородныхъ растеній хорошая хозяйка ни за что „не позычить" никому, пока сама не обсѣетъ и не засадитъ огородъ, а иначе у нея самой „зведется" то растеніе съ огорода. Кстати замѣчу при этомъ, что до освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, когда хлѣба было вволю, но копѣйку добыть трудно было, когда ремесла были въ зачаточномъ состояніи и торговля скорѣе была мѣновая, чѣмъ при посредствѣ денежныхъ знаковъ и производилась только періодически—въ ярмарки, бывавшія черезъ двѣ недѣли,—тогда народъ болѣе, чѣмъ теперь, нуждался въ самыхъ необходимыхъ потребностяхъ и волей-неволей дѣлился всѣмъ, что у него было, съ своими сосѣдями, такъ какъ у каждаго изъ нихъ не все было то, что имѣлъ сосѣдъ. Горшокъ-ли разбился, сито, или рѣшето порвалось, буравъ или долото поломалось, сапоги порвались или что иное, каждый день необходимое, все это можно было купить только въ ярмаркѣ и то чрезъ 2 недѣли, а та вещь сейчасъ нужна; поневолѣ приходилось идти къ сосѣду и просить; равнымъ образомъ не приходилось отказывать и тому сосѣду, если онъ взаимно у него что либо проситъ. Необходимость такой взаимопомощи свидѣтельствуется даже существованіемъ специальной поговорки: „Кывъ кывъ ручка, паньска сучка, хто дасть, то панння, а хто не дасть, то свыня". Дѣлились даже одеждою и обувью, въ особенности дѣтскою. Нерѣдко бывало, что въ однихъ и тѣхъ же дѣтскихъ сапожкахъ всѣ дѣти одной улицы ходили въ церковь исповѣдываться, поочередно одолжая у счастливца, обладателя сапожковъ. Нерѣдко бывало, что даже хозяинъ-бѣднякъ въ чужой „позычаной" свиткѣ ходилъ въ церковь отговѣться. Дѣлились, или правильнѣе одолжали, сосѣдки одна у другой почти еженедѣльно и печеный хлѣбъ, но это уже вызывалось не недостаткомъ хлѣба, а отсутствіемъ мельницы въ селѣ Ярешкахъ, вслѣдствіе каковаго отсутствія почти каждый крестьянинъ имѣлъ у

себя въ сѣняхъ жерновъ и ступу. И мнѣ приходилось частенько молоть муку въ жернахъ и „товкты" просо въ ступѣ на пшено. „Позычанье" было настолько нормальное условіе крестьянской жизни того времени, что никому и въ голову не приходило осудить за него сосѣда или придать ему значеніе попрошайства. Вмѣстѣ съ тѣмъ вошло въ привычку народа добровольно, любя, дѣлиться съ сосѣдями тѣмъ, что у кого было добраго. Такъ напримѣръ: хозяйка „напарила кваши", и если только послѣдняя удалась, то она долгомъ своимъ считаетъ подѣлиться квашею со всѣми сосѣдями, для чего и паритъ квашу въ количествѣ не менѣе двухъ ведеръ и затѣмъ разноситъ квашу и сама, и дѣтьми разсылаетъ. Такъ же поступали хозяева, заколовши кабана къ празднику и обѣлувавши барана осенью. А кто имѣлъ пасѣку, то на „Спаса", 6-го августа, посылалъ сосѣдямъ по „стилнычку мёду" „на посвячинье". Пироговъ ли напечетъ съ горохомъ, или такъ — одинъ только горохъ, намоченный предварительно, сжаритъ на сковородѣ, вареники-ль съ грушами сваритъ, всѣмъ этимъ подѣлиться съ сосѣдями хозяйка считала своимъ долгомъ: „такъ годытся". А если ужъ сосѣдкѣ далъ Богъ „родыны", то всякая сосѣдка шла съ хлѣбомъ къ ней и приносила ей на родыны пшена горшечекъ, или варенныя сухія груши, или муки пшеничной, а кто бѣдный, тотъ несъ хустку зерна пшеничнаго; а уже если кто принесетъ на родины миску варениковъ со сметаною, то таковой была великая честь отъ хозяевъ. Къ матушкѣ на родины шли всѣ хозяйки, какія были въ селѣ, съ хлѣбомъ, съ курицей и яйцами и получали угощеніе отъ батюшки. Такъ въ ту пору сельская нищета дѣлилась своими убогими достатками и поддерживала и скрашивала свое жалкое прозябаніе взаимною отзывчивостью и любовью. „Не красна была изба углами, да красна пирогами".

Лучше-ли теперь въ 90-хъ годахъ живется крестьянину? Сравнивая нынѣшній наружный видъ села Ярешекъ съ наружнымъ видомъ того же села въ панщинное время, приходится сказать: да, теперь лучше живется крестьянину, только... только въ одномъ, но зато въ самомъ существенномъ теперь ему жи-

вется хуже—теперь крестьянинъ живетъ впроголодь, и то только растительною пищею.

Прежде у крестьянъ строились избы шириною maximum въ 5½ аршинъ и длиною maximum въ 12 аршинъ и дѣлились по длинѣ такъ: 5½ аршинъ подъ жилую комнату, 2½ подъ сквозныя сѣни съ двумя дверьми—одной на улицу, другой сзади на огородъ, и 3 или 4 аршина подъ „комору"—кладовую. Теперь крестьяне ставятъ избы шириною не менѣе 6 аршинъ и до 12 аршинъ, длиною отъ 16 до 22 арш. и дѣлятъ по длинѣ также на три части: жилую половину комнаты, сѣни и кладовую, но съ тою разницею, что жилыхъ комнатъ дѣлаютъ уже двѣ или даже три и сѣни перебиваютъ стѣною по длинѣ дома на-двое, выгадывая такимъ способомъ еще одну небольшую комнату или же кладовку. Въ „панщанно" время только жилая половина дома строилась изъ бревенъ, а сѣни и комора дѣлались изъ лозоваго плетня, теперь же весь домъ дѣлаютъ изъ дубовыхъ или сосновыхъ брусьевъ. Въ избахъ панщиннаго времени двери не дѣлались выше 2¼ аршинъ, а самыя большія окна имѣли въ высоту 8 вершковъ, въ ширину 7 вершковъ; въ настоящее время не дѣлаютъ дверей ниже 2¾ аршин. и окошекъ меньше 1-го арш. въ высоту. Въ старыхъ домахъ надъ сѣньми никогда не дѣлали потолка, и куры свободно взлетали на чердакъ на ночь, садясь на перекладинахъ стропилъ и образуя подъ собою на потолку цѣлыя горы гуано; равно и ласточки, свободно влетая двумя дверьми сѣнными на чердакъ, дѣлали десятки гнѣздъ тамъ. Теперь надъ сѣньми всюду лежитъ потолокъ, и ни курица, ни ласточка уже не кладутъ своихъ гнѣздъ на чердакѣ, тамъ уже складъ разныхъ хозяйственныхъ вещей, и на чердакъ можно взойти, только отворивъ ляду—дверцу. Въ домахъ панщаннаго времени печь съ грубкой занимала чуть ли не 3-ю часть, или даже ½ всей жилой комнаты; въ домахъ настоящаго времени печь варистая съ печкою занимаетъ не болѣе ⅕ части жилой комнаты. Въ старыхъ домахъ вмѣсто стульевъ вдоль стѣнъ ложились „лавки", доски толщиною въ 2 вершка на сваяхъ, вкопанныхъ въ земляной полъ; теперь эти лавки во всю длину стѣны дѣлаются со спинками; въ прежнихъ домахъ никогда не

встрѣчались кровати, а дѣлались нары изъ 4 или 5 досокъ, теперь же встрѣчаются не рѣдко кровати, но за то въ старину на постели въ каждомъ домѣ были подушки, а теперь очень нерѣдко вмѣсто подушки сложены кожухи и свиты, служащіе возглавіемъ. Въ панщинныхъ домахъ иконъ было не много, но за то онѣ писались масляными красками на деревянныхъ доскахъ, а въ теперешнихъ домахъ—иконы, печатанныя на бумагѣ заграничнаго изданія и рисунка, дешевыя, и потому въ иномъ домѣ зажиточнаго крестьянина такихъ иконъ будетъ 20 и болѣе, расположенныхъ въ два ряда по обѣимъ сторонамъ отъ краснаго угла. Въ старину иконы убирались цвѣтами васильковъ, а теперь убираются и васильками и цвѣтами георгины, и покупными полотенцами бумажнаго холста съ фигурами фантастическихъ птицъ, вытканныхъ красною заполочью. Въ старину, за исключеніемъ иконъ, никакихъ другихъ изображеній не было на стѣнкахъ; теперь нерѣдко попадаются портреты царской фамиліи, Скобелева, Гурка и ярко раскрашенныя картины на тему: „была жинка мужика", картины страшнаго суда. Прежде зеркаломъ служилъ кусочекъ зеркальнаго стекла, вмазанный въ глину стѣны; теперь попадаются зеркала въ рамахъ до полуаршина. Прежде были полицы вдоль стѣны надъ входною дверью и вдоль стѣны надъ окнами у потолка для складыванія на нихъ горшковъ, мисокъ, печеннаго хлѣба и всякой другой посуды; теперь дѣлаютъ вмѣсто полицъ „мысныки"—шкафы безъ дверецъ для посуды. О вилкахъ и тарелкахъ въ прошлое время крестьяне и понятія не имѣли, теперь же попадаются у крестьянъ и тарелки, и вилки, и столовые ножи, рядомъ съ „кисками"—ножами, сдѣланными изъ негодной къ своему назначенію косы. „Жертки"—жерди для складыванія повседневной верхней одежды надъ постелью у потолка, какъ раньше были, такъ и теперь есть. Кромѣ того, теперь въ рѣдкомъ селѣ не увидите одного или двухъ крестьянскихъ домовъ, крытыхъ желѣзомъ, чего никогда не встрѣчалось въ крѣпостное время. Хозяйственныя постройки: клуни, „коморы", хлѣбные амбары, кладовыя и хлѣвы для скота прежде были также меньшихъ размѣровъ, сравнительно съ теперишними, и стѣны дѣлались или плетеныя изъ лозы и „лищины"—орѣшника; или обшивались соломенными

снопами или „очеретяными дидами“ (камышевыми снопами); теперь же тѣже хозяйственныя постройки дѣлаются большихъ размѣровъ съ досчатыми стѣнками въ заметъ, или же со стѣнками изъ нетолстыхъ бревенъ, обмазанныхъ вальками глины съ соломою,—точь въ точь такія же стѣны, какъ и въ домѣ. Теперь увеличилось число отдѣльныхъ хозяевъ, увеличилось и число домашняго скота, за исключеніемъ овецъ, которыхъ теперь далеко меньше. Священники въ прежнее время держали сотнями, а теперь почти никто изъ нихъ не держитъ овецъ по трудности корма и догляда за маленькими ягнятами. Прежде крестьяне держали больше воловъ, незамѣнимыхъ въ „чумацтвѣ“ и въ обработкѣ земли, а также благодаря отсутствію извощичьяго промысла, а теперь крестьяне больше держатъ лошадей, предпочитая ихъ воламъ главнымъ образомъ потому, что съ открытіемъ желѣзной дороги открылся новый промыселъ: извозный для доставки хлѣба на жел. дорогу и разныхъ товаровъ съ желѣзной дороги въ окружающіе мѣстечка и города; равнымъ образомъ, съ открытіемъ свеклосахарныхъ заводовъ, имѣющихъ свекловичныя плантаціи почти въ каждомъ селѣ, потребовался каждую осень громадный спросъ на подводы для перевозки свеклы въ заводы; въ каждомъ селѣ среднимъ числомъ было свеклы на три тысячи подводъ, которая и перевозится мѣстными крестьянами въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, сентября и октября, но часто мѣстные крестьяне не въ состояніи были въ такой срокъ доставить свеклу,—тогда сахарозаводчики пріискивали извощиковъ изъ далекихъ уѣздовъ, напр.—уманскаго. Доставка свеклы скорѣе производится на лошадяхъ, а потому крестьяне охотнѣе держатъ лошадей; кромѣ того, для лошади всегда есть подножный кормъ, такъ какъ лошадь зубами сгрызаетъ траву подъ ногами, при самомъ корнѣ травы, какъ бы ни была она коротка и низка, а для вола требуется трава не ниже вершка, такъ какъ волъ не зубами схватываетъ траву, а языкомъ и губами, и что окажется уже во рту, то онъ и откусываетъ. Въ панщинное время земледѣльческія орудія состояли изъ тяжелаго на шесть воловъ деревяннаго плуга, рала и бороны, теперь же нерѣдко попадаются фабричные желѣзные плуги и экстирпаторы—Крумера. Въ панщинное время

ремесла не были распространены въ народѣ въ видѣ отдѣльныхъ ремесленниковъ, исключительно ремесломъ живущихъ, за исключеніемъ дворовыхъ: сапожниковъ, кузнецовъ, рымаровъ, печниковъ, столяровъ, которыхъ помѣщики спеціально для себя отдавали въ науку кіевскимъ нѣмцамъ ремесленникамъ, остальные же каждый самъ себѣ дѣлалъ сапоги и шилъ свиту, кожухъ, упряжь, дѣлалъ печь, мастерилъ столъ, возъ и сани по первобытному образцу и способу. Я живо помню, какъ мой отецъ самъ чинилъ себѣ и всей семьѣ своей сапоги и заставлялъ меня дѣлать „дратву" (сапожные нитки), самъ дѣлалъ возъ и сани конныя, самъ дѣлалъ себѣ печку, грубку. Теперь же въ каждомъ селѣ есть крестьяне-ремесленники, которымъ уже некогда заниматься земледѣліемъ; въ каждомъ селѣ есть двѣ или три кузни, десятокъ или болѣе „шевцивъ"—сапожниковъ, кравцивъ портныхъ, шьющихъ по модному „лейбы" или ,гвалты"—куртки изъ бумажныхъ матерій, названные „гвалтами" отъ того, что зимою въ нихъ такъ холодно, что приходится кричать: гвалтъ! (караулъ!); шьющихъ суконныя свиты до стану (таліи) и гуньки и набѣленные снаружи кожухи. Кравци—портные переходятъ изъ дома въ домъ и шьютъ одежды въ домѣ заказчика, а не въ своемъ домѣ, потому что заказчикъ ни за что не рѣшится дать сукно, или бумажную матерію, или овечьи кожи на домъ портному, боясь, что портной украдетъ часть сукна или шкуру, но портные ухитряются украсть часть матеріала даже въ домѣ заказчика и пришивая украденныя части сукна къ изнанкѣ своей свитки или рубашки, о чемъ ходитъ въ народѣ не мало смѣшныхъ анекдотовъ. Въ каждомъ селѣ есть паръ десять и болѣе плотниковъ, три или четыре столяра, умѣющихъ дѣлать столы, длинныя скамьи съ спинками на ножкахъ, сундуки, шкафы для посуды, двери, окна и рамы для иконъ—ни на какія другія столярныя издѣлія нѣтъ спроса отъ крестьянъ. Въ каждомъ селѣ найдется одинъ и не болѣе двухъ рымарей-шорниковъ. Они умѣютъ дѣлать только уздечку, недоуздокъ, полушорки—и только, и то по старой формѣ. Есть еще и спеціальные мастера возовъ, санокъ, есть спеціалисты „бондаря". Отсутствіе ремесленниковъ изъ крестьянъ въ панщинное время объясняется тѣмъ, что никто изъ кресгьянъ не

имѣлъ свободнаго ввемени—все время крестьянина, какъ и самъ онъ, принадлежало пану. Если и были тогда ремесленники, то они принадлежали къ свободному классу крестьянъ однодворцевъ или къ отставнымъ Николаевскимъ солдатамъ, а таковыхъ, т. е. однодворцевъ и солдатъ, было мало. Изъ промышленныхъ производствъ (заведеній) въ панщинное время были только однѣ маслобойни, по мѣстному „олійныци", а также и станки съ кругами, гдѣ мяли кожи для выдѣлки конской упряжи; въ настоящее же время, кромѣ „олійныць" и станковъ кожемяцкихъ, есть еще у крестьянъ „сѣчкарни", гдѣ рѣжутъ мелко солому для корма скота, есть и драчки—мельницы, для приготовленія изъ проса пшена, съ коннымъ приводомъ, есть теперь у крестьянъ, хотя очень рѣдко (на нѣсколько селъ одна), чухральни, гдѣ расчесывается овечья шерсть.

Въ одеждѣ и обуви крестьянъ панщиннаго времени и нынѣшняго тоже большая разница. Мужскія рубашки давняго времени не были вышиты узорами, и воротники на нихъ имѣли двоякую форму, стоячіе узенькіе, въ полъ вершка ширины, а широкіе въ полтора вершка, отложные; пазуха длинная была, такъ что грудь была вполнѣ открыта и для солнца, и для дождя, рукава широкіе, немного меньше рукавовъ въ священническихъ рясахъ; въ настоящее же время почти у каждаго крестьянина рубашка съ узенькимъ стоячимъ воротникомъ, вышитымъ узоромъ, грудь также вышита узоромъ, пазуха короче, рукава съ „чохлами",—узенькими манжетами; въ панщинное время рубахи дѣлались изъ толстаго—„дванадцатки", „штырнадцатки", а у богача и „двадцатки"—полотна собственнаго издѣлія, а теперь носятъ и изъ покупного тонкаго бумажнаго коленкора, ради тонкости рубашки и дешевизны ея. Штаны въ старину дѣлались широчайшіе: „мотня", связывающая „колошни" штановъ, была такъ длинна, что только на одну пядь не хватала до земли; въ верхней части своей, гдѣ поясъ, штаны не имѣли паска, а собирались въ морщины и стягивались и растягивались „очкуромъ"—ремешкомъ, затянутымъ въ морщины. Теперь штаны шьются у́же, клинья, связывающія колошни—малыя, вмѣсто сборокъ съ очку-

ромъ, встрѣчающихся теперь рѣдко, дѣлаются паски на пуговицахъ. Свитки въ старину имѣли двѣ формы—короткую съ обхватомъ въ таліи, удобную для работъ—домашнюю, и длинную до пятъ также съ перехватомъ въ таліи („до стану") съ „каптуромъ"—башлыкомъ на спинѣ. Въ этихъ свиткахъ, такъ сказать форменныхъ, крестьяне ходили въ церковь, являлись передъ очи „ясневельможнаго пана" и зимою надѣвали сверхъ „кожуха"—тулупа, а каптуръ надѣвали на шапку, какъ башлыкъ. Теперь этихъ длинныхъ свитокъ съ каптурами уже нигдѣ не видно, остались только свитки короткія до стану, со сборомъ въ таліи. Кожухи (длинные) и кожушки (короткіе) и тогда, и теперь шьются по одинаковой модѣ. Шапки въ старину были съ „зеленымъ дномъ"—верхушкою изъ зеленаго плису съ *распорѣхою* на затылкѣ, а у паробковъ распорѣха на затылкѣ связывалась красною „бындою", концы которой для красоты опускались на шею; теперь такихъ шапокъ уже нигдѣ нѣтъ. Лѣтъ восемь назадъ я видалъ такую шапку на ярмаркѣ на крестьянинѣ изъ Галиціи. Лѣтомъ крестьяне крѣпостнаго времени носили капелюши собственнаго издѣлія изъ стеблей житней и пшеничной соломы, картузовъ же никогда не носили. Картузы составляли привилегію пановъ, священниковъ (съ уродливо широкими козырьками), однодворцевъ, именовавшихся шляхтою, и жидовъ. Теперь капелюши соломенные носятъ только старики крестьяне, всѣ же среднихъ лѣтъ мужчины и парубки носятъ лѣтомъ только картузы, зимою же шапки черныя, а кто побагаче, щеголяетъ въ сивыхъ шапкахъ.

Обувь въ старое время состояла изъ „постоловъ" для лѣта и сапогъ зимою; сапоги съ низко откоченными голенищами, на одной подошвѣ, безъ подметокъ, были съ круглыми носами, очень вмѣстительные. Зимою въ сапогъ вкладывалась устилка изъ мятой соломы, толщиною въ полъ дюйма, затѣмъ уже входила нога, обернутая онучкою суконною, имѣвшая аршинъ въ квадратѣ. Подборы на сапогахъ состояли изъ трехъ листковъ кожи. Теперь же крестьяне носятъ сапоги съ высокими голенищами охотничьими—бутылками, узенькими ради красоты, на двухъ подошвахъ съ высокими подборами до $1^1/_2$ вершка, съ

задниками, разукрашенными рисункомъ изъ маленькихъ мѣдныхъ гвоздей, лѣтомъ же носятъ и постолы, и ботинки, хотя послѣдніе рѣдки еще. Въ панщинное время за пошитье сапоговъ сапожникъ получалъ двадцать грошей—10 коп., а если заказывались сапоги до подковъ, то сапожникъ получалъ „пивъ золотого“ 7½ коп., а кузнецъ за подковы получалъ три гроша (1½ коп. с.). Въ настоящее время сапожникъ получаетъ за пошитье сапоговъ новыхъ 2½ рубля и за пошитье „прышитковъ“, головокъ, не менѣе 1½ рубля. За сапожный товаръ закащикъ сапогъ платилъ отдѣльно разныя цѣны, смотря по достоинству кожъ. Готовые же новые сапоги въ ярмаркѣ продаются отъ 3½ рублей до 6 руб.[1]) Такимъ образомъ вся одежда панщиннаго крестьянина состояла изъ рубашки и штановъ толстаго домашняго полотна, двухъ свитокъ: короткой куртки и длинной съ каптуромъ свитки, кожушка и кожуха, капелюша соломеннаго и шапки; обувь же изъ постоловъ и сапогъ. Одежда же нынѣшняго крестьянина разнообразна и состоитъ изъ вышитой узорами рубашки изъ своего домашняго холста и изъ покупного каленкора, штаны изъ домашняго толстаго холста, изъ различныхъ фабричныхъ бумажныхъ, прочныхъ издѣлій разныхъ цвѣтовъ, и теплые изъ домашняго, только не валеннаго, сукна сѣраго и краснаго цвѣтовъ. Верхняя одежда для лѣта состоитъ изъ лейбика, гвалта, изъ пиджака, сдѣланныхъ безъ подкладки изъ фабричныхъ бумажныхъ матерій; коротенькой суконной куртки, суконнаго пиджака; для зимы—лейбикъ изъ фабричной бумажной матеріи, теплый съ паклею, вмѣсто ваты, на подкладкѣ, свита домашняго сукна, на 1 вершокъ ниже колѣнъ; и бѣлые кожушки для работъ и кожухи длинные съ сывымъ воротникомъ съ красивою отдѣлкою изъ красной и зеленой кожи на верхней полѣ кожуха отъ шеи до ногъ и вдоль подола, равно и въ таліи. А крестьяне болѣе богатые носятъ кожухи той же формы, но крытые еще фабричнымъ сукномъ сѣраго и чернаго цвѣтовъ.

---

[1]) Въ крѣпостное время сапожники не умѣли дѣлать дѣтской обуви, потому что на нее и спроса не было. Дѣти и взрослые зимою по снѣгу перебѣгали черезъ улицу къ сосѣдямъ босые. Въ каждомъ домѣ было не болѣе двухъ-трехъ паръ сапоговъ на семью, состоящую изъ 6—8 человѣкъ.

Шапки у нынѣшнихъ крестьянъ различной формы изъ черныхъ и сывыхъ—подкрашенныхъ смушковъ—(шкуръ маленькихъ ягнатъ), лѣтомъ же картузы изъ чернаго, синяго или голубого сукна; соломенные капелюши выводятся изъ употребленія и замѣняются шляпами битой валенной шерсти и старыми шляпами городскихъ разныхъ фасоновъ. Обувь же лѣтомъ состоитъ изъ постоловъ, башмаковъ, ботинокъ, а зимою изъ сапогъ, съ длинными голенищами разной формы и неширокихъ въ копылѣ, съ высокими подборами, а также начинаютъ входить въ употребленіе валенки изъ битой—валеной бѣлой и черной шерсти. Вспомнилось еще, что мальчики и дѣвочки въ крѣпостное время почти до десяти лѣтъ ходили въ однихъ рубашкахъ: мальчики безъ штановъ, а дѣвочки безъ юпокъ, а теперь нѣтъ ни одного мальчика на селѣ, который бы, имѣя два года отъ роду, не щеголялъ на Велыкдень въ „крамныхъ“ штанахъ, и нѣтъ дѣвочки тѣхъ же лѣтъ, которая бы не красовалась „червоною“ юпкою и черевычками. При этомъ не лишнимъ нахожу сказать и о томъ, что въ селѣ Ярешкахъ и окружающихъ его селахъ къ сѣверу женщины никогда не носили обуви желтаго или краснаго сафьяну, обувь такихъ цвѣтовъ носятъ женщины болѣе южныхъ селъ сквирскаго уѣзда за мѣст. Ружиномъ и въ другихъ южныхъ уѣздахъ.

Въ одеждѣ женщинъ минувшаго и настоящаго времени также большая разница. Въ крѣпостное время женщины строго держались старинной простой одежды изъ тканей собственнаго домашняго издѣлія; теперь женщины сельскія охотно разстаются съ одеждою старинною и еще охотнѣе перенимаютъ новыя моды отъ мѣщанъ и всѣ верхнія одежды дѣлаютъ изъ покупныхъ фабричныхъ тканей. Вотъ одежда женщинъ стараго времени: рубашка домашняго холста съ отложнымъ воротникомъ, не вышитая узорами, съ пидтычкою (до пояса изъ тонкаго холста, ниже отъ пояса доточена грубымъ холстомъ); другая рубашка съ узенькимъ, вышитымъ узоромъ, воротникомъ и съ полыками—вышитыми узоромъ рукавами. „Спидныця“—юпка грубо домашняго бѣлаго холста и другая изъ домашняго же холста, но тканнаго въ двѣ полоски изъ бѣлыхъ и свѣтло синихъ нитокъ. Затѣмъ изъ шерстяной

матеріи въ полоскахъ разныхъ цвѣтовъ домашняго тканія и окраски дѣлались „литныкъ"—юпка, и запаска—фартухъ. Свитка бѣлаго сукна (мужчина никогда не носитъ свиты бѣлаго сукна, а всегда изъ чернаго) и кожухъ съ „видлогимъ", лежачимъ, воротникомъ, почти одинаковаго покроя съ мужескимъ кожухомъ. Головной уборъ. „Каптуръ"—„очипокъ" родъ коробки, изъ матеріи съ крупными желтыми и красными цвѣтами, каптуръ плотно прикрывалъ остриженную голову женщины и тщательно закрывался платкомъ или намиткою. Сверхъ „каптура" въ будніе дни надѣвалась „хустка"—платокъ изъ бѣлаго полотна домашняго тканья, съ узенькими, въ 1/8 дюйма, каймами краснаго или синяго цвѣта; фабричныхъ платковъ въ ту пору не покупали. Сверхъ того же каптура въ воскресные и праздничные дни женщины надѣвали „намитку". Намитка дѣлалась изъ цѣльнаго куска марли, длиною въ 5 аршинъ, плотно обвязывала голову съ каптуромъ, цвѣты котораго просвѣчивались сквозь прозрачную ткань марли, обходила подъ подбородокъ и обратно къ затылку и оттуда спускалась двумя концами ниже колѣнъ и даже до пятъ. Жесткая обувь того времени состояла изъ простыхъ сапогъ. Вотъ и весь уборъ женщины: рубашка, спидныця, литныкъ, запаска, свитка, кожухъ, бѣлый платокъ и намитка. Лѣтомъ женщины и дѣти приходили въ церковь босые. Дѣвушки того времени носили тѣ же одежды; головы же убирали лѣтомъ (въ праздники) живыми цѣтами „повняка", „чернобривцивъ", „рожи"—мальвы и „шовковою травою"; на затылкѣ же къ косѣ пришпиливали до десяти и болѣе разноцвѣтныхъ бындъ—лентъ, спускавшихся до пятъ; зимою же въ тѣ же дни украшали голову, за неимѣніемъ живыхъ цвѣтовъ, покупными вѣнками искусственныхъ цвѣтовъ и тѣми же лентами. Въ будніе дни не носили ни лентъ, ни цвѣтовъ, а только „кисныки"—шнурочки изъ красныхъ шерстяныхъ нитокъ домашняго издѣлія, называемыхъ „торочками".

Одежда же женщинъ нынѣшняго времени много разнообразнѣе и богаче. Женскія рубашки всегда вышиты узорами. У иной женщины почти во всю длину рукава вышиты прекрасными узорами, узенькій воротничекъ и манькеты вышиты

узоромъ, соотвѣтственнымъ узору рукавовъ, хотя, нужно сказать, матеріалъ рубашки не стоитъ такой вышивки, потому что онъ—бумажный каленкоръ самаго дешеваго разбора; рубашки же изъ тонкаго холста домашняго издѣлія бываютъ у рѣдкой хозяйки, такъ какъ рѣдкая хозяйка умѣетъ прясть тонкую нитку; въ крѣпостное время для помѣщика и для себя пряли нитку на „двадцятку"—очень тонкое полотно. Юпокъ бѣлыхъ теперь нѣтъ, „литныки" и „запаски" можно видѣть на старухахъ, и то очень рѣдко. „Молодыци" и „дивчата" имѣютъ теперь не менѣе шести, а нѣкоторыя и сверхъ десяти юпокъ бумажныхъ и шерстяныхъ лѣтнихъ и теплыхъ изъ бумажной байки разнообразныхъ яркихъ цвѣтовъ. Каждая юпка внизу обложена каймою изъ дешеваго чорнаго плюша, а у нѣкоторыхъ и каймою изъ парчеваго посеребреннаго или позолоченнаго галуна. Затѣмъ теперь у каждой женщины есть кофта, которой не было вовсе въ панщинное время; кофты по преимуществу пьются изъ бумазеи темнаго рисунка, шьются также изъ чернаго шерстяного рипсу; кромѣ того, носятъ теперь курточки, пальто длинныя—кулемъ, какія раньше носила одна шляхта—однодворцы, изъ черной шерстяной матеріи, люстрина и рипсу на паклѣ вмѣсто ваты, съ подкладкою. Свита, бѣлая и чаще черная, и кожухъ на зиму также носятся женщинами, но кожухи женскіе нерѣдко бываютъ покрыты чорнымъ или синимъ сукномъ. Стариннаго головнаго убора—бѣлой намитки—теперь совсѣмъ не носятъ женщины, и если гдѣ въ какомъ селѣ увидятъ на женщинахъ намитки, то насмѣхаются надъ тѣми женщинами и надъ тѣмъ селомъ; да и въ селахъ, удаленныхъ отъ такихъ цивилизующихъ центровъ, какъ желѣзная дорога и сахарные заводы, женщины, и то стахрухи, надѣваютъ намитки, только идя въ церковь говѣть, и завѣщаютъ, чтобы въ „домовыну" не ложили ее въ „хустци", а убрали бы ее въ намитку. „Ніяково передъ Богомъ статы въ чырвони хустци". Теперь сверхъ „каптура", придающаго желанную форму головѣ, надѣваютъ только платки, рѣдко бумажные, обыкновенно же „терновые", чисто шерстяные, яркихъ цвѣтовъ, и шелковые, таковыхъ же цвѣтовъ. Такихъ платковъ у иной хозяйки набе-

рется до десятка и болѣе. Бѣлыхъ же холщевыхъ платковъ головныхъ теперь не только не носятъ женщины, но даже и не ткутъ ихъ.

Въ старину поясомъ служилъ часто „рушныкъ"—утиральникъ полотняный, кромѣ шерстяного пояса, сдѣланнаго руками изъ разноцвѣтной яркой шерсти, такъ что яркія полоски цвѣтныя идутъ длинными скрученными нитками по длинѣ пояса; теперь же, кромѣ этого шерстяного, своего издѣлія, пояса, носятъ еще и покупные шерстяные въ одинъ цвѣтъ—красный, или синій, или зеленый. Шею крестьяне въ старину ничѣмъ не повязывали, теперь же не увидите ни одного парубка, у котораго не была бы повязана шея шерстянымъ разноцвѣтнымъ шарфомъ не только зимою, но даже и въ жнива, среди самаго жаркаго лѣта.

Женщины же молодыя и дѣвушки, какъ въ старину, такъ и теперь, украшаютъ шею „коралями"—коралловымъ ожерельемъ и „намыстами"—стеклянными бусами, съ тою только разницею, что въ старину ожерелье было изъ крупныхъ коралловъ, а теперь болѣе въ ходу изъ такъ называемой коралловой сѣчки.

М. Щ.

(Продолженіе слѣдуетъ)

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ, ИЗДАННЫХЪ НЕ ДЛЯ ПУБЛИКИ.

(„Pro domo sua. Кіевъ 1893 г.“ 8°, 122 стр.).

Если жизнь не только каждаго общественнаго дѣятеля, но и частнаго человѣка, разсказанная обстоятельно и правдиво, представляя собою то, что съ легкой руки Золя получило названіе „человѣческихъ документовъ“, и вмѣстѣ съ тѣмъ давая матеріалы для исторіи того общества, къ которому принадлежала личность,—можетъ заинтересовать любознательнаго читателя, то тѣмъ больше интереса можетъ представить жизнь семьи, захватывающая нѣсколько поколѣній, и тѣмъ болѣе матеріаловъ для исторіи данной мѣстности и общества она можетъ заключать въ себѣ. Еслибы наши дѣды и прадѣды оставили по себѣ болѣе или менѣе подробные разсказы о своей семейной жизни, еслибъ отъ прошлаго времени сохранилось побольше семейныхъ хроникъ, намъ было бы гораздо легче понять это прошлое и живѣе представить себѣ, какъ жили въ старину; эти хроники могли бы послужить драгоцѣннымъ матеріаломъ для бытовой исторіи края.

Эти мысли пришли намъ въ голову при чтеніи книжки, названіе которой мы выписали и которая, по содержанію своему, представляетъ собою семейную хронику одной малорусской фамиліи.

Хотя эта книга, напечатанная въ небольшомъ числѣ экземпляровъ и не поступавшая въ продажу, составлялась и издана не для публики, но, кромѣ свѣдѣній, имѣющихъ особый инте-

ресъ для лицъ, близкихъ упомянутой фамиліи, которымъ книга эта и предназначена, она заключаетъ въ себѣ немало общеинтересныхъ свѣдѣній, съ которыми мы и считаемъ нужнымъ познакомить читателей „Кіевской Старины", причемъ въ виду того, что они не могутъ пользоваться самою книгою, позволимъ себѣ сдѣлать изъ нея пространныя извлеченія.

Эти свѣдѣнія заключаются главнымъ образомъ во второй части книги, въ воспоминаніяхъ М. И. Л. (род. 1788 † 1857 г.) къ сожалѣнію не оконченныхъ за смертью автора, прервавшею составленіе его записокъ. Занимая скромное общественное положеніе, авторъ жилъ и дѣйствовалъ въ предѣлахъ черниговской губерніи, къ которой преимущественно и относятся его воспоминанія. Писалъ онъ не для печати, будучи побужденъ къ этому просьбою одного изъ своихъ сыновей.

Не мудрствуя лукаво, авторъ, симпатичный характеръ котораго всего яснѣе рисуется изъ помѣщеннаго въ концѣ книжки завѣщанія, представляющаго по своей оригинальной формѣ и содержанію одинъ изъ рѣдкихъ документовъ этого рода когдалибо нами видѣнныхъ, просто и правдиво разсказываетъ о томъ, что ему было извѣстно по личнымъ впечатлѣніямъ или по разсказамъ другихъ лицъ; и прежде, чѣмъ начать излагать свои воспоминанія, считаетъ нужнымъ бросить легкій взглядъ на родной край, о которомъ такъ выражается: „страдалица по преданіямъ, но славная и благословенная Малая Россія". Опуская факты общеизвѣстные и не касаясь тѣхъ частей книги, которыя имѣютъ характеръ интимный или исключительно семейный, постараемся извлечь изъ нея побольше свѣдѣній, которыя могутъ быть интересны читателямъ историческаго журнала.

Такъ какъ разсказъ о личныхъ впечатлѣніяхъ автора начинается съ м. Батурина, о которомъ мы недавно помѣстили статью въ „Кіевской Старинѣ [1])", то прежде всего, въ дополненіе къ свѣдѣніямъ, изложеннымъ нами въ этой статьѣ, приведемъ изъ названной книги свѣдѣнія о прежнемъ состояніи Батурина, какъ его рисуетъ авторъ.—„Батуринъ", говоритъ онъ, „красо-

---

[1]) 1894 г., № 9.

вался въ свое время гетманскими обширными дворцами, домами, садами, искусственными рыбными прудами, каменными мостами, оградами, оранжереями. Остатки еще и теперь существуютъ, или въ запустѣломъ видѣ, или въ развалинахъ, подъ названіемъ: 1) графскій садъ, гдѣ былъ жилой домъ Разумовскаго,—2) Кочубейскій дворецъ и садъ, здѣсь древнее каменное строеніе о 6-ти небольшихъ комнатахъ, занимаемыхъ экономическою канцеляріею. Въ этомъ домѣ по преданію жилъ, за гетмана Мазепы, генеральный судья Кочубей, пострадавшій невинно смертною казнью за доносъ на Мазепу, оправдавшійся впослѣдствіи измѣною сего послѣдняго.—3) Тепловскій каменный домъ обширный о 3-хъ этажахъ, съ флигелями, нѣкогда богато украшенный, но всегда впустѣ бывшій.—4) Апраксинскій домъ, вовсе разрушившійся; въ немъ жила племянница Разумовскаго графиня Апраксина, распоряжавшаяся во всемъ по дому Разумовскаго и имѣвшая большое вліяніе на самого его.—5) Названный издревле Мазепинскій замокъ возлѣ Батурина, на противоположной сторонѣ отъ р. Сейму, по дорогѣ къ Конотопу, влѣво; мѣсто сіе заключаетъ нѣсколько десятинъ земли, обрытой кругомъ глубокимъ землянымъ валомъ, въ правильномъ четвероугольникѣ, съ четырьмя по угламъ высокими бастіонами; внутри примѣтны остатки каменныхъ погребовъ. Въ теперешнее время здѣсь разнородная лѣсная заросль и фруктовыя деревья.—6) На правой сторонѣ сказанной Конотопской дороги, на песчаномъ грунтѣ, сосновая роща, насаженная отъ Разумовскаго, прямыми аллеями на пространствѣ нѣсколькихъ десятковъ десятинъ, надъ рѣчкою Шелковицею, черезъ которую сдѣлана каменная плотина.—7) Лѣтъ слишкомъ за 40 передъ этимъ, видѣлъ я въ имѣніи Разумовскаго, за м. Бахмачемъ, близъ х. Поросючки, въ березовомъ лѣсу, деревянный домикъ весьма древній и ветхій. Его называли бывшею увеселительною дачею гетмана Мазепы, куда онъ ѣзжалъ изъ Батурина для прогулокъ. По преданію, въ этой Мазепинской дачѣ, гетманскомъ Бахмацкомъ замку, имѣла пребываніе несчастная дочь Кочубея, увезенная отъ родителей соблазнителемъ Мазепою; но ни мѣстность, ни

сказанный домикъ ничего замѣчательнаго или отличительнаго тогда не представляли".

Описавъ прежній Батуринъ, авторъ говоритъ о Разумовскихъ, память о которыхъ соединяется съ Батуриномъ, причемъ кромѣ того, что уже извѣстно изъ книги Васильчикова „Семейство Разумовскихъ", даетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о сынѣ гетмана Андреѣ Кир. Разумовскомъ и продажѣ имѣній его въ конотопскомъ уѣздѣ. Отличившись, какъ разсказываетъ авторъ, еще въ молодости тѣмъ, что, когда однажды петербургскій портной подалъ счетъ на 20 тыс. руб. и графъ Кириллъ Григорьевичъ, замѣтивъ сыну, что онъ слишкомъ много тратитъ на гардеробъ, велѣлъ показать свой, то Андрей Кирилл. отвѣтилъ отцу: „между нами есть разница, вы сынъ пастуха, а я сынъ фельдмаршала",—этотъ сынъ фельдмаршала и гетмана, какъ извѣстно, построилъ на свой счетъ въ Вѣнѣ великолѣпный мостъ черезъ рѣку, стоившій ему огромныхъ суммъ[1]); такъ вотъ для этого вѣнскаго дорогого сооруженія въ конотопскомъ уѣздѣ въ 1811—1813 годахъ производилась продажа значительной части обширныхъ имѣній Разумовскаго. По разсказу автора, при совершеніи въ повѣтовомъ судѣ купчихъ крѣпостей на эти продажи, покупщики щедро вносили въ доходъ судей и за труды канцелярскимъ положенную въ статутѣ „акциденцію"; спѣшно и охотно трудились всѣ и усердно желали продолженія, но изъ гетманской худобы на послѣднія лучшія поселенія—въ двухъ Самборахъ, Корибутовѣ и значительныя заведенія, фабрики и заводы въ Батуринѣ,—не нашлось покупщиковъ съ требовавшимися капиталами, почему они остались непроданными, къ сожалѣнію чиновъ повѣтоваго суда, пользовавшихся этимъ рѣдкимъ случаемъ. Однако многія деревни были куплены и очень выгодно, потому больше, что имѣнія Разумовскаго состояли въ залогѣ въ кредитныхъ учрежденіяхъ, вслѣдствіе чего долгъ переводился на новыхъ владѣльцевъ и, слѣдовательно, покупщики

---

[1]) Упомянувъ объ этихъ деньгахъ, брошенныхъ Разумовскимъ на постройку моста въ Вѣнѣ, авторъ говоритъ: „замѣчательно, что Разумовскіе, обладавшіе недвижимыми имуществами весьма въ большихъ размѣрахъ, не оставили по себѣ никакихъ памятныхъ заведеній въ Русскомъ царствѣ".

доплачивали наличными деньгами только нѣкоторую часть цѣны купленнаго имѣнія. Такимъ образомъ нѣкоторые мелкопомѣстные дворяне кролевецкаго уѣзда, подъ названіемъ „Коропчанъ“, наживъ капиталецъ мелочными, но прибыльными винокуренными заводами, сдѣлались впослѣдствіи отъ покупки имѣній Разумовскаго помѣщиками въ конотопскомъ уѣздѣ. Въ числѣ пріобрѣтшихъ населенныя имѣнія изъ маетностей княжескихъ были: Тарнавскій—въ с. Кошарахъ и д. Юрьевкѣ, Кромида—въ д. Рубанкѣ, Чернявскій—въ м. Бахмачѣ и д. Поросючкѣ, Кулябка—въ с. Подлипномъ, Острянскій—въ с. Поповкѣ и х. Сарановкѣ, Лихошерстовъ—въ с. Митченкахъ, Соломки—въ с. Красномъ, Грановскій—въ с. Гутахъ, Заики—въ с. Голенкѣ, Костырка—въ х. Маріенталь, Езучевскій—въ с. Старой и хут. Степномъ и Песочномъ. Даже нѣкоторые изъ крестьянъ Разумовскаго, бывшіе приказчиками, управителями, наживши деньги и будучи отпущены на волю, пріобрѣли изъ его имѣній значительныя осѣдлости и сдѣлались богатыми мѣщанами, купцами, а другіе—и личными дворянами черезъ полученные разными изворотами гражданіе чины. Такъ вышли въ новыя званія: Новохацкіе, Бодилевскіе, Очатенки, Бойковы, Потураевы, Заводки и др. Словомъ, продажа Разумовщины осчастливила многихъ. Авторъ удивляется, что коренные конотопскіе помѣщики, какъ Кандибы, Скоропадскіе, Гамалѣи, Костенецкіе и другіе, ничего не пріобрѣли изъ имѣній Разумовского, и говоритъ, что въ объясненіе причины, дѣлавшей помѣщиковъ равнодушными къ случайному пріобрѣтенію смежныхъ имуществъ, едва-ли не можно указать на малороссійское невниманіе къ извлеченію доходовъ изъ своихъ помѣстій, ставившее старинныхъ пановъ въ невозможность имѣть въ запасѣ копѣйку, или—на прямое пренебреженіе къ расширенію „дѣдизныхъ“ своихъ вотчинъ.

Послѣ описанной продажи значительной части своихъ имѣній Андрей К. Разумовскій въ 1819 году пріѣзжалъ изъ Вѣны въ Батуринъ вмѣстѣ съ молодой супругой, принцессой Австрійскаго дома, и осматривалъ свои деревни въ предположеніи передать въ собственность супругѣ лучшія изъ оставшихся непроданными имѣнія и фабрики, причемъ, желая озна-

комить свою жену съ малоросіянами, давалъ для сосѣднихъ дворянъ и чиновниковъ званный обѣдъ, на который и авторъ былъ приглашенъ. При всей своей старости Разумовскій казался еще бодрымъ и красивымъ и имѣлъ привлекательное обращеніе; онъ угощалъ гостей добрымъ и рѣдкимъ въ Малороссіи заграничнымъ виномъ, любопытствовалъ о доходахъ съ имѣній малороссійскихъ и другихъ предметахъ, касавшихся этого края. Остававшееся негласнымъ намѣреніе передать имѣнія въ собственность жены, вслѣдствіе-ли казеннаго долга[1]) или по другимъ причинамъ, не осуществилось, а въ 1836 году вдова Разумовскаго отказалась отъ обремененныхъ долгомъ мужниныхъ имѣній, которыя затѣмъ поступили въ опекунское управленіе и были предназначены къ публичной продажѣ, но въ виду того, что объявленная покупщиками цѣна не покрывала увеличившагося долга, обращены въ 1855 году въ число государственныхъ имуществъ, и названіе гетманщины, Разумовщины—изгладилось.

Покончивъ на Разумовскихъ съ гетманщиною, авторъ даетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о малороссійскихъ генералъ-губернаторахъ, изъ которыхъ памятнѣе другихъ былъ графъ Румянцевъ-Задунайскій. По отзыву автора, этотъ полководецъ-вельможа, имѣя благодѣтельное попеченіе объ ввѣренномъ ему краѣ, старался измѣнить существовавшіе изстари и вводить новые порядки, совмѣстные съ духомъ русскаго правительства, и искоренять вкравшіяся злоупотребленія.

Бывая въ малороссійской коллегіи и замѣтивъ, что канцелярскіе чиновники ходили по городу въ нетрезвомъ видѣ, Румянцевъ далъ коллегіи предписаніе о воздержаніи отъ предосудительныхъ поступковъ. Чиновники обидѣлись этимъ, и одинъ изъ нихъ, шедши въ коллегію и увидѣвъ ѣхавшаго туда-же Румянцева, поспѣшно подошелъ къ корпусу коллегіи и у подъѣзда обхватилъ обѣими руками одну изъ колоннъ; на вопросъ замѣтившаго это Румянцева, онъ смѣло и рѣзко, какъ бы въ упрекъ графу, отвѣтилъ: „воздерживаюсь, ваше сіятельство, отъ

---

[1]) Изъ государственнаго казначейства Разумовскому было выдано 450 тыс. руб. сер. въ видѣ займа, но съ тѣмъ, чтобы по жизнь его не требовать ни процентовъ, ни капитала.

пьянства". Упомянувъ о канцелярскихъ чиновникахъ коллегіи, авторъ говоритъ, что они издревле выказывали свою удаль, и въ подтвержденіе этого разсказываетъ такой случай: когда въ царствованіе Анны Іоанновны [1]) армейскій пѣхотный полкъ церемоніально переходилъ черезъ полковой городъ Нѣжинъ и ему не было сдѣлано никакой встрѣчи со стороны мѣстнаго начальства, то по жалобѣ обидѣвшагося такимъ невниманіемъ полкового командира, въ малороссійскую коллегію было прислано съ курьеромъ повелѣніе о присылкѣ объясненія, причемъ въ этомъ повелѣніи были помѣщены по адресу членовъ коллегіи такія выраженія: „какъ вы можете о сю пору жить на свѣтѣ, когда у васъ такія безчинія дѣлаются"? Президентъ коллегіи, получивъ это грозное велѣніе и поспѣшая исполнить его, приказалъ написать Нѣжинскому полковнику указъ съ требованіемъ донесенія о томъ, какъ и почему допущенъ такой случай, и *попенять его*. Секретарь поручилъ это повытчику Соболевскому, а этотъ послѣдній, принявъ приказаніе и понимая выраженіе „попенять" по своему, включилъ въ указъ бранныя площадныя слова до с. с—на. При чрезвычайной поспѣшности, указъ подписали и отправили, не читавши. Полковникъ, исполнивши предписанное, обратилъ указъ къ президенту, спрашивая съ удивленіемъ о сказанныхъ бранныхъ словахъ. Президентъ, увидѣвъ это, вспылилъ и приказалъ позвать писавшаго и, по существовавшему порядку, посадить на пушку. Соболевскій, представъ предъ президента со страхомъ и принимая притворно взысканіе будто бы за то, что онъ мало написалъ бранныхъ словъ, убѣдительно просилъ простить его, поставляя въ извиненіе, что какія могъ вспомнить бранныя слова, всѣ помѣстилъ въ указъ, а другихъ не зналъ. Выслушавъ это изворотливое оправданіе, президентъ разсмѣялся, простилъ Соболевскаго и освободилъ его отъ пушки.

Канцеляріею Румянцева управлялъ секретарь Дубовикъ, который, пользуясь довѣріемъ вельможи, между другими неблаго-

---

[1]) Въ царствованіе Анны Іоанновны коллегіи, какъ извѣстно, не существовало; быть можетъ, здѣсь слѣдуетъ разумѣть генер. канцелярію или же время Екатерины Второй. Н Ш.

видными изъ корыстныхъ видовъ дѣйствіями имѣлъ спекуляцію такого рода: кто изъ малороссійскихъ козаковъ могъ взнести ему сто серебряныхъ цѣлковыхъ, тому давалъ онъ (разумѣется за подписью Румянцева) патентъ на чинъ корнета [1]). Хотя деньги были тогда дороги и трудно было собрать простому козаку такую сумму отъ землепашества, но нѣкоторые изъ козачества не упускали благопріятнаго случая получить внѣ службы оберъ-офицерскій чинъ. Въ числѣ ихъ козакъ сотеннаго с. Поповки, въ конотопскомъ уѣздѣ, по прозванію Забіяка, собравъ сто рублей, отправился къ Дубовику въ д. Вишеньки [2]) и, вручивъ благодѣтелю-секретарю положенную дань, имѣлъ счастье быть обнадеженнымъ въ полученіи желаемаго. Но для нѣкоторыхъ видовъ Забіякѣ нужно было представиться Румянцеву, или, лучше сказать, быть въ извѣстное время въ пріемной графа, куда онъ утромъ другого дня и явился съ прочими просителями, какъ соискатель чина за вѣрную службу, заключавшуюся въ многозаботливыхъ трудахъ по земледѣлію; и когда графъ въ отсутствіи Дубовика, по дошедшей очереди, спросилъ Забіяку о его надобности, онъ, не обинуясь, заявилъ требованіе о томъ, чтобы ему былъ данъ чинъ корнета. Разсердившись на это требованіе, Румянцевъ сказалъ ему: „поди вонъ, с--нъ сынъ"! Забіяка удалился изъ фельдмаршалскихъ палатъ, но на переходѣ многосложныхъ лѣстницъ раздумалъ и, возвратившись къ графу, еще не ушедшему изъ пріемной, рѣшилъ сдѣлать слѣдующій вопросъ: „ваше сіятельство, въ какомъ классѣ с—нъ сынъ"? Этотъ повидимому дерзкій вопросъ разсмѣшилъ Румянцева, и онъ пожаловалъ Забіяку въ корнеты.

Къ преданіямъ Румянцевскаго генералъ-губернаторства относится еще слѣдующее: жители м. Смѣлаго, въ роменскомъ уѣздѣ, изстари были извѣстны своею буйной жизнью и своевольными проступками; заботясь объ искорененіи этого зла

---

[1]) Румянцеву предоставлена была власть производить въ малороссійскихъ козачьихъ полкахъ въ оберъ-офицерскіе чины; потомки Румянцевскихъ корнетовъ есть еще и теперь и носятъ званіе дворянъ.

[2]) Мѣстопребываніе, главная квартира и вотчина Румянцева, въ кролевецкомъ уѣздѣ.

чрезъ мѣстныхъ сотниковъ, которые по недобросовѣстности своей потворствовали смѣлянамъ, Румянцевъ напослѣдокъ назначилъ сотникомъ въ Смѣлое самаго благонадежнаго чиновника изъ своего штата, но этотъ послѣдовалъ примѣру своихъ предмѣстниковъ, и, когда графъ, вызвавъ его къ себѣ, сказалъ: „какъ же и ты, на котораго я столько надѣялся, сдѣлался бездѣльникомъ?“ то онъ отвѣтилъ: „ваше сіятельство, тамъ такая земелька, что хоть святыхъ посѣй, то чорты уродятся“. Фактически извѣстно, что въ Смѣломъ, а еще болѣе въ хуторахъ Смѣлянскихъ, существовали притоны для бѣглыхъ воровъ и разбойниковъ. Тамъ долгое время передерживался и укрывался страшный въ Малороссіи (въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія) разбойникъ Гаркуша, по преданію уроженецъ с. Алтыновки, кролевецкаго уѣзда, а по собственному его показанію (ложному) быдто-бы вывезенный въ малолѣтствѣ изъ Польши въ Черноморію и тамъ взросшій. Онъ въ продолженіе многихъ лѣтъ производилъ въ Малороссіи разбойническіе грабежи. Изъ нихъ авторъ помнитъ такой случай, разсказанный при допросѣ самимъ Гаркушею: лѣтомъ 1787 г., сдѣлавъ нападеніе на домъ городничаго Базилевича въ Конотопѣ, Гаркуша перевязалъ кухонную прислугу и двухъ инвалидныхъ солдатъ, которые, исполняя обязанности часовыхъ у крыльца, заснули, и отнялъ у Базилевича богатую движимость, причемъ велѣлъ хлопцу (такому же разбойнику, какъ и самъ) шморгнуть (ударить) нѣсколько разъ нагайкою жену городничаго за то, чтобы по средамъ и пятницамъ скоромнаго не ѣла [1]), а затѣмъ отправился по Глуховской дорогѣ. По сдѣлавшейся немедленно тревогѣ конотопскіе жители погнались за разбойниками и настигли ихъ верстахъ въ 10-ти отъ Конотопа въ лѣсныхъ мѣстахъ; но здѣсь Гаркуша и товарищи его скрылись въ болотѣ, въ камышахъ. Только одного изъ нихъ догналъ конотопскій козак Зимовецъ

---

[1]) По разсказу автора, эта городничиха отличалась такою дородностью и красотою, что когда она была въ Москвѣ и показывалась тамъ въ малороссійскомъ костюмѣ, то москвичи засматривались на нее, какъ на чудо. Послѣ того, какъ Базилевичъ съ испуга, вызваннаго нападеніемъ Гаркушки, заболѣлъ и вскорѣ умеръ, она вторично вышла замужъ за Парпуру и была извѣстна своимъ богатствомъ.

и, не могши взять его, рѣшился застрѣлить; сомнѣваясь однакожъ по народному повѣрью въ томъ, чтобы пуля могла убить разбойника (ибо они, какъ кудесники, могутъ заговаривать обыкновенныя пули), зарядилъ ружье серебрянною пуговицею, которую тутъ-же священникъ Бялопольскій далъ отъ своей рясы, и этимъ зарядомъ убилъ разбойника, за что, по приговору суда, понесъ церковное покаяніе. О поимкѣ Гаркуши были сдѣланы повсемѣстныя распоряженія, но земскія и городскія полиціи, при всемъ стараніи, долго не могли поймать его; наконецъ, по указанію одной Роменской торговки-булочницы, онъ былъ схваченъ въ Ромнѣ, наказанъ кнутомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, въ которыхъ производилъ разбои, и сосланъ въ каторжныя работы. Интересно, что, давая при допросахъ показанія о своихъ многосложныхъ, долголѣтнихъ злодѣяніяхъ, онъ опредѣлялъ время совершенія ихъ по мясоѣдамъ, постамъ, праздникамъ и т. п.; такъ напримѣръ говорилъ: въ „недѣлю“ былъ тамъ-то, въ понедѣльникъ и вторникъ ѣхалъ туда-то, въ среду производилъ разбои въ такомъ то мѣстѣ и т. д.

Изъ преемниковъ Румянцева авторъ говоритъ о Куракинѣ, Лобановѣ-Ростовскомъ и Репнинѣ. При Куракинѣ была открыта вторая малороссійская губернія въ Полтавѣ и сооружены въ этомъ городѣ значительныя строенія, а также монументъ Петру Великому. По отзыву автора, князь Куракинъ благодѣтельно дѣйствовалъ въ видахъ полезныхъ учрежденій въ малороссійскихъ губерніяхъ и между прочимъ заботился объ улучшеніи г. Ромна, а въ особенности существовавшей въ немъ Ильинской ярмарки. Цѣня его благотворительно-полезныя дѣйствія, дворяне черниговской губерніи поднесли ему, чрезъ губернскаго маршала Н. М. Стороженка, золотую вазу. Свидѣтельствуя въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ свою признательность и благодарность дворянамъ, Куракинъ въ письмѣ къ Стороженку отъ 4 февраля 1809 г. изъявилъ желаніе, воспитывать на своемъ иждивеніи 20 дѣтей недостаточныхъ дворянъ въ домѣ воспитанія бѣдныхъ, по избранію и назначенію дворянства черниговской губерніи, причемъ прибавилъ, что „благосклоннымъ принятіемъ сего усерднаго пожертвованія дворянство вновь удо-

стовѣритъ его въ благорасположеніи къ нему". Въ бытность Куракина въ Конотопѣ произошелъ такой курьезный случай, характеризующій нравы того времени: замѣтивъ на площади между конотопскими зрителями пригожую дѣвицу, опрятно одѣтую въ малороссійскомъ вкусѣ, и узнавъ, что она дочь соборнаго діакона („и нынѣ въ живыхъ сущая"—прибавляетъ авторъ), Куракинъ пожелалъ дать ей десятирублевку на ленты; діаконовна была въ восторгѣ отъ этого, но злые языки распустили изъ-за этого слухъ, обидный для честной дѣвушки.

Лобановъ-Ростовскій, дѣйствуя къ повсемѣстному неослабному исполненію правительственныхъ распоряженій, отличался такой чрезвычайной строгостью, какую могли проявлять только всевластные вельможи того времени. Напримѣръ, по одному случаю, вовсе не заключавшему въ себѣ важнаго преступленія, онъ велѣлъ истребить огнемъ цѣлое село. Поводомъ къ этому было донесеніе Роменскаго комисара о томъ, что жители м. Смѣлаго уклоняются отъ исполненія новаго постановленія, воспрещавшаго оптовую продажу горячаго вина на скатной площади внѣ ярмарочнаго времени. Получивши этотъ рапортъ, Лобановъ въ пылу горячности написалъ Роменскому комисару бумагу, въ которой идетъ рѣчь о сожженіи всего мѣстечка при неисполненіи жителями его упомянутаго требованія, хотя изъ этихъ жителей едва десятая часть могла быть виновата, да и она не подлежала лишенію жилищъ и имуществъ чрезъ нарочитое сожженіе [1]). Будучи вспыльчивымъ, Лобановъ съ подчиненными чиновниками обращался рѣзко и бранилъ ихъ самыми грубыми словами. За однимъ изъ нихъ гоняясь по комнатѣ вокругъ стола, онъ въ догонку давалъ ему удары собственнымъ нижнимъ платьемъ, которое тутъ же схватилъ; а въ Конотопѣ, высказывая чиновникамъ свое неудовольствіе по поводу разныхъ непорядковъ, онъ обратился къ стряпчему съ такимъ вопросомъ: „а ты чего смотришь, поросенокъ?", что дало поводъ этому стряпчему, по отъѣздѣ Лобанова сказать: „свинья

---

[1]) Относящійся къ этому случаю ордеръ Лобонова-Ростовскаго напечатанъ въ „Кіевской Старинѣ" 1895 г. № 3, стр: 97.

поѣхала, а поросенокъ остался". Ходили слухи, что, получивъ присланную изъ столицы записку о его неблаговидныхъ, дѣйствіяхъ, Лобановъ самъ на этой же запискѣ прибавилъ, что сверхъ того дѣлаю то и то, и возвратилъ ее. Отличаясь строгостью въ отношеніи къ подчиненнымъ, Лобановъ по отношенію къ наступавшему въ 1812 году непріятелю придумалъ такую мѣру: когда Наполеоновскими полчищами были заняты губерніи, смежныя съ черниговскою, и распространились опасенія, что и малорусскій край подвергнется такому же бѣдствію, то Лобановъ въ предупрежденіе ожидаемаго общаго несчастія, предписалъ городскимъ полиціямъ, чтобы всѣ города черниговской губерніи были вокругъ своего населенія обойдены и заораны плугами, воображая, что эта мѣра можетъ остановить нашествіе непріятеля. Въ заключеніе авторъ приводитъ любопытный образчикъ оффиціальныхъ сношеній Лобанова, выписывая его подлинныя выраженія изъ бумаги, которая была послана маршалу суражскаго повѣта по дѣлу дѣвицы Покорской-Журавко, о ненадлежащемъ учрежденіи опеки надъ ея имѣніемъ, слѣдующаго содержанія: „На запросъ мой я чаялъ видѣть признаніе ваше въ ошибкѣ, нежели подобно навращенный оборотъ къ оправданію просьба. Просители тѣмъ болѣе даютъ поводъ мыслить о вашемъ пристрастіи, поелику въ толико неосновательномъ требованіи оставалось вамъ образумить ихъ и сократить насильственное употребленіе артикуловъ изъ статута; я рѣшилъ ожидать, что вы, руководствуясь духомъ истины, признаете неосторожность и прегрѣшеніе свое, цѣль же равномѣрнаго повторенія вашего къ оправданію будетъ мнѣ невольный способъ предать поступокъ сей разбору уголовнаго суда".

Князь Репнинъ въ званіи военнаго губернатора управлялъ малороссійскими губерніями гораздо долѣе своихъ предмѣстниковъ и преемниковъ. Въ первые годы своего управленія Репнинъ въ дѣйствіяхъ своихъ выказывалъ жесткость и самовластіе, что во многихъ случаяхъ объясняли вліяніемъ правителя княжеской канцеляріи Новикова, человѣка весьма неблагонамѣреннаго, чрезъ котораго могли достигать важныхъ должностей люди, недостойные того, а нѣкоторые получали ордена безъ

всякихъ заслугъ, лишь потому, что имѣли женъ красавицъ. Поступки этого правителя готовили ему заслуженную кару; но смерть его освободила отъ нея. Впослѣдствіи, когда Новикова не стало, когда Репнинъ ближе узналъ Малороссію и самъ сдѣлался мѣстнымъ помѣщикомъ, по имѣніямъ супруги своей изъ фамиліи Разумовскихъ, тогда управленіе его высказалось благодѣтельнымъ; онъ входилъ въ положеніе края, защищалъ его предъ высшими властями и ходатайствовалъ за него.

При производствѣ въ сенатѣ дѣла по отзыву министра финансовъ отъ 15 мая 1821 г. о земляхъ малороссійскихъ козаковъ, Репнинъ представлялъ сенату исторически изложенные доводы о правахъ малороссійскихъ козаковъ и въ тоже время писалъ министру внутреннихъ дѣлъ, убѣждая его „принять во уваженіе и то вліяніе, которое измѣненіе правъ, существующихъ нѣсколько вѣковъ, можетъ сдѣлать на народъ малообразованный, воинственный и сильно привязанный къ своей собственности“. Этотъ отзывъ къ Кочубею Репнинъ оканчивалъ слѣдующими словами: „я не скрою, что молва о семъ запрещеніи уже возродила глупые толки между козаками, конечно, въ сильномъ государствѣ, каково наше, съ приверженностью къ вѣрѣ и царю, всякія послѣдствія могутъ быть отвращены, но пріятно ли сердцу государя употреблять силу и укрощеніе противъ его подданныхъ? Тяжко для меня столь часто возражать мужамъ, призваннымъ Государемъ быть у кормила государственнаго управленія [1]), но измѣнилъ бы я вѣрности Государю, чести имени моего и долгу службы, еслибъ не огласилъ смѣло то, что почиталъ правдой“.

Старательно занимаясь дѣлами по управленію малороссійскими губерніями, Репнинъ велъ обширную переписку съ губернскими и повѣтовыми судебными и административными мѣстами и въ тѣхъ случаяхъ, когда видѣлъ нарушеніе порядковъ или поползновеніе къ недобросовѣстнымъ дѣйствіямъ, исправлялъ неправильное, причемъ иногда писалъ чиновникамъ повѣтовыхъ мѣстъ довольно щекотливыя бумаги. Авторъ даетъ нѣкоторые

---

[1]) Намекъ на министра Гурьева.

образчики такихъ бумагъ. Переяславскаму маршалу, по поводу обмѣренія городской дистанціи, Репнинъ писалъ: „Не подлежало бы мнѣ вразумѣвать васъ, но, уважая званіе ваше, а съ другой стороны опасаясь, чтобы за рѣшеніемъ уголовнаго суда не довелось бы вамъ встрѣтить и внѣ городской дистанціи непріятность важнѣе той, коею нынѣ оскорбляетесь, рѣшился напомнить вамъ поступокъ вашъ слѣдующими замѣчаніями: ваше высокоблагородіе обязаны вѣдать и имѣть объявляемые отъ губернскаго правленія указы; слѣдовательно, что не прочли вы тотъ, коимъ двуверстное обмѣреніе объявляется—есть ваше собственная вина; во вторыхъ, донесу вамъ, что вы сказали въ бумагѣ своей, будто не вѣдаете, почему чинится обмѣръ, не уваживъ, что въ семъ случаѣ никакой судья не затруднится обрѣсть ложный поступокъ и прописать, что о томъ въ законѣ касательно дворянъ сказано; въ третьихъ, сказать вамъ имѣю, что въ 36-ти городахъ, подъ вѣдѣніемъ моимъ по высочайшей волѣ состоящихъ, вы одни, который поняли дѣло хуже всѣхъ и не удержались написать бумагу, коя ничто иное есть, какъ безчинія образецъ. Маршалу—ль отличаться онымъ? И мнѣ ли въ томъ случаѣ останавливаться безъ дѣйствія. Предоставляю соображенію вашему и одолжаюсь убѣждать васъ—удалиться отъ должности; въ противномъ случаѣ вынужденъ буду предать то уголовному суду, чего не желаю я по снисхожденію моему къ вамъ самимъ и по уваженію къ избравшимъ васъ; малѣйшее упорство почту новымъ нарушеніемъ довѣренности, вамъ сдѣланной, и поспѣшу исполнить долгъ свой“.—Другому маршалу—конотопскаго повѣта, по дѣлу двухъ братьевъ дворянъ Прасоловъ, о поведеніи которыхъ предписано было произвестъ повальный обыскъ по поводу разныхъ жалобъ и доносовъ, Репнинъ писалъ: „Маршалъ, чувствующій важность своего званья, долженъ быть первый помощникъ главному въ губерніи начальнику; онъ облегчаетъ труды его, говоря ему во всемъ правду, открывая злоупотребленія, безпорядки, развратные поступки и т. п. безъ всякаго лицепріятія и боязни; скрывая же что-нибудь, онъ не только не исполняетъ долга своего, но и измѣняетъ Богу и государю. Обращаюсь теперь къ г.г. дворянамъ, отказавшимся

подписать повальный обыскъ, который вы дѣлали о Прасолахъ; поступокъ ихъ и вашъ требуютъ строгаго со стороны моей посужденія и принуждаютъ меня не послѣдовать на нѣкоторое время тѣмъ правиламъ, которыя я наблюдаю во всѣхъ отношеніяхъ къ почтенному малороссійскому дворянству прочихъ повѣтовъ".

Помѣщикъ конотопскаго уѣзда извѣстный генералъ XII-го года Костенецкій, имѣя многія тяжебныя дѣла, тяготилъ разныхъ лицъ своими неправильными притязаніями на сосѣднія земли, по поводу чего и автору воспоминаній пришлось просить у Репнина, черезъ своего повѣтового маршала Демчинскаго, защиты отъ разорительныхъ дѣйствій Костенецкаго. Репнинъ, внимательно выслушавъ личную жалобу автора, потребовалъ отъ него докладную записку, а Демчинскому сказалъ: „а вы вотъ что сдѣлайте—при предстоящихъ выборахъ, когда генералъ явится въ собраніе, не допустите его участвовать и постановите о семъ опредѣленіе съ дворянствомъ; вѣдь не важно не допустить какого-нибудь простого дворянина,—нѣтъ, вы не допустите генерала, какъ неблагонамѣреннаго и неспокойнаго въ общежитіи человѣка, а я поддержу васъ!"—Однако, хотя Костенецкій и былъ въ Черниговѣ во время выборовъ, но въ собраніе дворянъ не явился.

При Репнинѣ же, во время дворянскихъ выборовъ 1829 года въ Черниговѣ, случилось такое происшествіе: въ послѣдній день занятій дворяне, торопясь окончить свои дѣла, не разъѣзжались для обѣда изъ дома собранія и закусывали въ особыхъ комнатахъ, а въ губернской залѣ оставались дворяне городницкаго повѣта. Въ это время къ маршалу этого повѣта Тризнѣ пришелъ братъ его, чиновникъ губернскаго правленія, одѣтый непарадно, почему часовой воспретилъ ему входъ, что подтвердилъ и церемоніймейстеръ Глѣбовъ. За это чиновникъ и братъ его маршалъ обидѣлись на церемоніймейстера, поднялся шумъ; сошлись въ залу дворяне другихъ повѣтовъ и, претендуя на церемоніймейстера за обидное для дворянина непозволеніе, рѣшились выгнать его самого изъ залы, закричавъ: „вонъ его, вонъ!".—вслѣдствіе чего церемоніймейстеръ долженъ былъ

удалиться. По донесеніи объ этомъ Репнину, который тогда находился въ Черниговѣ, онъ распорядился арестовать маршаловъ тѣхъ повѣтовъ, которыхъ дворяне принимали участіе въ происшествіи. По докладѣ Государю донесенія объ этомъ Репнина, послѣдовало къ нему высочайшее повелѣніе: созвать въ Черниговѣ повѣтовыхъ маршаловъ и сдѣлать въ присутствіи всѣхъ внушеніе тѣмъ, вѣдомства которыхъ дворяне оказались виновными въ описанномъ поступкѣ, чтобъ они смотрѣли за молодыми дворянами; а Бенкендорфъ особо писалъ Репнину, что хотя эти маршалы и другіе дворяне заслуживали примѣрнаго посужденія, но какъ князь поспѣшилъ предварительно о взысканіи наложеніемъ на нихъ домашняго ареста (чѣмъ Государь остался недоволенъ), то и ограничиться повелѣннымъ внушеніемъ. Кажется, этотъ случай, говоритъ авторъ, далъ поводъ къ состоявшемуся впослѣдствіи новому постановленію о порядкѣ дворянскихъ выборовъ, по которому личное участіе въ выборахъ стали принимать только владѣющіе не менѣе, чѣмъ стали душами крестьянъ, мелкопомѣстные же участвуютъ чрезъ своихъ уполномоченныхъ.

Послѣ изложенныхъ свѣдѣній о малороссійскихъ губернаторахъ авторъ даетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о черниговскихъ гражданскихъ губернаторахъ. Изъ нихъ баронъ Ив. Вас. Френсдорфъ былъ памятенъ своею трагическою кончиною. Въ 1812 или 1813 году, возвратившись ночью изъ Глухова, онъ утромъ слѣдующаго дня скончался, получивъ 18 сабельныхъ ударовъ отъ неизвѣстнаго убійцы. Происшествіе это совершилось среди губернскаго города, днемъ, въ виду часовыхъ губернаторской квартиры, но убійца не былъ открытъ. Подозрѣніе пало на дворянина конотопскаго уѣзда С. О. Купчинскаго. Генералъ-губернаторъ Лобановъ, поспѣшившій по поводу этого событія въ Черниговъ, самъ производилъ слѣдствіе и строго допрашивалъ Купчинскаго, который, утверждая свою невиновность, объяснялъ, что, имѣя надобность получить подорожную, онъ шелъ тогда къ губернатору, но не успѣлъ еще войти во дворъ, какъ на улицѣ, у калитки, его схватили. Купчинскій въ тюрьмѣ и умеръ, прежде окончанія дѣла объ этомъ убійствѣ. Френсдорфъ былъ безсе-

мейный, но у него жила какая то племянница—нѣмка и учитель полякъ. Оба они, по смерти губернатора, уѣхали изъ Чернигова вмѣстѣ и дали поводъ къ подозрѣнію въ совершеніи тяжкаго преступленія изъ корыстныхъ или любовныхъ видовъ. Надо добавить, что на другой или третій день послѣ описаннаго происшествія часовой солдатъ повѣсился, а вслѣдъ затѣмъ губернаторскій кучеръ утопился.

Губернаторъ, впослѣдствіи сенаторъ, Фроловъ - Багрѣевъ постоянно, каждый годъ ревизовалъ, и весьма строго, повѣтовыя присутственныя мѣста; но въ послѣднее время своего губернаторства, женившись на дочери Сперанскаго, онъ большею частію жилъ въ Петербургѣ. Однажды, проѣзжая съ молодою женою изъ своего имѣнія въ полтавской губерніи въ Петербургъ черезъ Конотопъ, онъ при перемѣнѣ лошадей не выходилъ изъ кареты. Въ это время Конотопскій купецъ Нефедьевъ подалъ ему жалобу на городничаго, о которомъ и прежде этого губернаторъ имѣлъ невыгодное представленіе. Разсердившись на городничаго, тутъ же бывшаго, Фроловъ-Багрѣевъ, по обыкновенію, хотѣлъ было громко кричать, но, вспомнилъ, что сидящая рядомъ съ нимъ жена его спитъ въ каретѣ, чтобъ не разбудить ее, сталъ шопотомъ и жестами дѣлать внушеніе городничему, послѣ чего видѣвшіе это конотопцы долго вспоминали смѣшное затрудненіе губернатора.

Вступившій на мѣсто Фролова - Багрѣева Шереметьевъ, впослѣдствіи министръ, очень не любилъ неисправныхъ по службѣ чиновниковъ, а въ особенности такихъ, которые дѣйствовали съ корыстными видами, и строго преслѣдовалъ ихъ. По его распоряженіямъ, нѣкоторые изъ чиновниковъ были отданы подъ судъ, но почти всѣ оправданы съ выѣздомъ Шереметева въ Петербургъ. Онъ два раза ревизовалъ присутственныя мѣста черниговской губерніи, причемъ обращалъ большое вниманіе на принятые въ нихъ порядки и правильность производства дѣлъ. Авторъ разсказываетъ нѣсколько эпизодовъ изъ ревизіи конотопскихъ присутственныхъ мѣстъ. Наиболѣе характерные изъ нихъ слѣдующіе: будучи предваренъ съ невыгодной стороны относительно дѣйствій предводителя И. П. Скоропадскаго по опекѣ

надъ имѣніемъ князя Разумовскаго, Шереметевъ, когда по пріѣздѣ его въ Конотопъ предводитель прежде всѣхъ явился къ нему на квартиру, не принялъ его и заставилъ ожидать въ передней до прибытія другихъ чиновниковъ, чего прежде никогда не бывало; затѣмъ, ревизуя дѣла дворянской опеки, онъ потребовалъ дѣло объ имѣніи Разумовскаго и приказалъ найти послѣдній отчетъ опекуновъ. Письмоводитель предводителя, перелистывая дѣло, второпяхъ не находилъ требуемаго отчета, почему губернаторъ, потерявъ терпѣніе, закричалъ на письмоводителя: „тебѣ отчетъ этотъ долженъ быть весьма примѣтенъ и ты не отыщешь его!" и схвативши у него дѣло, самъ началъ искать, спрашивая предводителя: „гдѣ вы взяли такого колпака?" Получая затѣмъ неудовлетворительныя объясненія на свои вопросы, онъ наконецъ вскрикнулъ: „что жъ мнѣ дѣлать? предводитель молчитъ, а письмоводитель ничего не разумѣетъ отвѣчать!"—Въ уѣздномъ судѣ, считая наличныя денежныя суммы и сдѣлавъ ошибку, губернаторъ нашелъ лишнихъ 50 рублей и, узнавъ, что счетъ ведетъ секретарь, обратился къ послѣднему съ вопросомъ; секретарь объяснилъ, будто онъ, записавъ въ расходъ свое жалованье за послѣднее время, не вынулъ этихъ денегъ изъ сундука. Отдавая секретарю 50 рублей, Шереметевъ сказалъ: „вотъ какой милліонеръ! я сотнями тысячъ получаю, да знаю счетъ деньгамъ". Послѣ вторичнаго перечета тѣхъ же денегъ, оказалось недостача 50 рублей, изъ чего стало ясно, что сумма денегъ была показана вѣрно и что секретарь совралъ, почему, требуя отъ него возвращенія отданныхъ ему 50 рублей, губернаторъ поздравилъ его мошенникомъ, а автору, служившему тогда уѣзднымъ судьею, сказалъ: „онъ у васъ молодой мошенникъ, но, если вы не будете за нимъ смотрѣть строго, то впослѣдствіи сдѣлается старымъ мошенникомъ". Авторъ прибавляетъ, что это предсказаніе вполнѣ оправдалось.

Очень интересны сообщаемыя авторомъ свѣдѣнія о жизни прежнихъ чиновниковъ, относящіяся къ тому времени, когда авторъ начиналъ свою службу. Тогда члены и канцелярскіе служители повѣтовыхъ судовъ не получали жалованья; даже на канцелярскіе матеріалы казна не отпускала содержанія. Потреб-

ность на эти матеріалы, по принятому порядку пополняли отъ тяжущихся лицъ, которыя обязывались представлять писчую бумагу, сургучъ и другіе матеріалы на производство своего дѣла, причемъ каждый разъ взималось больше, чѣмъ слѣдуетъ, и этими излишками удовлетворялась отписка по дѣламъ уголовнымъ и и казеннымъ. Такими средствами, теперь странными и невѣроятными, повѣтовые суды долгое время существовали, и нельзя сказать, чтобъ неисправно, не смотря на большое число дѣлъ, умножившихся отъ изобилія „писателей" изъ отставныхъ коллежскихъ регистраторовъ, вовлекавшихъ простыхъ людей въ тяжбы по ничтожнымъ спорамъ объ имуществѣ или по поводу драки въ шинкахъ. Члены и канцелярскіе повѣтовыхъ судовъ, вмѣсто жалованья, пользовались доходомъ отъ дѣлъ тяжебныхъ и крѣпостныхъ, подъ наименованіемъ *пересудовыхъ*. Доходъ этотъ былъ установленъ въ статутовомъ законѣ, и притомъ весьма неопредѣлительно, вслѣдствіе чего приходилось относительно количества его условливаться или просто торговаться съ лицами, обязанными вносить этотъ сборъ.

Члены подкоморскихъ судовъ также не получали жалованья, а пользовались правнымъ доходомъ—такъ называемыми *концевыми* съ виновной стороны. Размѣръ этихъ денегъ опредѣлялся слѣдующимъ образомъ: при снятіи спорныхъ дачъ на планъ дѣлались, чрезъ извѣстное число концевъ землемѣрской цѣпи, земляные концы, прямые по линіи и угловатые на поворотахъ, причемъ взималось: за первые по 24, а за послѣдніе по 48 копѣекъ. Подкоморскіе суды часто дѣлали выѣзды на спорныя между тяжущимися земли для установленія границъ, возобновленія старыхъ и постановки новыхъ межевыхъ знаковъ, причемъ соблюдался такой порядокъ: подкоморій (межевой судья), коморникъ (засѣдатель), возный и землемѣръ, выѣхавъ въ назначенный пунктъ, составляли присутствіе подъ открытымъ небомъ, засѣдая за столомъ подъ краснымъ сукномъ съ судовымъ зерцаломъ, и разбирали споры лицъ участвующихъ въ дѣлѣ, по которому выѣздъ состоялся, при этомъ отбирали у присяжныхъ понятыхъ показанія и осматривали межи, землемѣръ снималъ плоскость земли на планъ; тутъ же дѣло рѣшали

и объявляли приговоръ тяжущимся. Эти полевыя присутствія подкоморскихъ судовъ имѣли своего рода важность.

Не смотря на то, что жалованья не полагалось, а установленные вмѣсто него сборы были незначительны по количеству, при тогдашней дешевизнѣ на жизненныя потребности служащіе могли жить безъ крайней нужды, особенно члены дѣловые (т. е. тѣ, которые дѣйствительно служили, а не числились только на службѣ), секретари и повытчики. Содержаніе тогда стоило очень недорого, напримѣръ: годовая квартира въ повѣтовомъ городѣ—отъ 15 до 25-ти рублей ассигнаціями, обыкновенно на хозяйскихъ харчахъ, причемъ на обѣдъ давались: борщъ, каша, изрѣдка жаркое, по праздникамъ—пироги, поляницы съ сыромъ и сметаною; чай пили только въ высшихъ слояхъ. Одѣяніе составляли: сюртукъ, пара нижнихъ, пара жилетовъ, чуйка (лѣтняя шинель или верхній зипунъ), славянка въ видѣ теплой шинели или тулупа на барашковомъ мѣху; бѣлье носили изъ домашняго холста. Высшіе чиновники съ лучшими средствами имѣли лучшее платье, и даже фраки, но послѣдніе были рѣдкостью въ повѣтѣ. Члены судовъ засѣдали въ присутствіяхъ въ обыкновенныхъ домашнихъ сюртукахъ, а въ мундиры наряжались только по необходимости, при проѣздахъ начальниковъ, причемъ неимѣвшіе своего мундира (что случалось часто) старались достать его у другихъ, необязанныхъ представляться начальству или уже исполнившихъ это.

Въ повѣтовыхъ судебныхъ и полицейскихъ мѣстахъ состояло очень значительное число канцелярскихъ служителей—отъ 30 до 60-ти человѣкъ. Многіе пристраивались на службу единственно для полученія чиновъ, а вмѣстѣ съ ними и дворянства, ибо имѣвшіе классные чины уже считались дворянами. Изъ числившихся въ спискахъ канцелярскихъ едва половина исполняла дѣйствительную службу, но и изъ этихъ нѣкоторые лѣтнею порою имѣли отъ членовъ или секретарей словесныя разрѣшенія отлучаться отъ служебныхъ обязанностей домой для хозяйственныхъ занятій, нерѣдко на продолжительное время, безъ всякихъ отпусковъ. Другая же часть канцелярскихъ, т. е. только числившіеся на службѣ, постоянно находились въ домахъ при

своихъ обычныхъ дѣлахъ, за что обязывались вещественною благодарностью членамъ, секретарямъ, повытчикамъ и повѣтовымъ стряпчимъ. Они являлись въ судъ только для подачи прошеній объ определеніи на службу и для присяги; затѣмъ необходимость заставляла ихъ быть при ревизіяхъ губернаторскихъ. Для этого они призывались неоффиціально, а въ спискахъ дѣлались установленныя отмѣтки о томъ, чѣмъ каждый изъ нихъ занимается по службѣ. Послѣднее обстоятельство ставило членовъ и секретарей въ довольно затруднительное положеніе: затруднялись именно въ томъ, какія занятія назначать нѣсколькимъ десяткамъ этихъ лицъ, не имѣвшихъ и понятія о тѣхъ предметахъ, которые были обозначены противъ ихъ фамилій въ спискахъ; отмѣтки эти были такого рода: въ перепискѣ журналовъ, протоколовъ, отпусковъ, въ подшивкѣ бумагъ къ дѣламъ, въ разборѣ архивныхъ дѣлъ и т. п. Тѣхъ же, которые, при первомъ взглядѣ на нихъ, казались вовсе непохожими на канцелярскихъ служителей, по лѣтамъ своимъ или наружному виду, показывали отсутствующими: въ отпускъ на мѣсяцъ, или по случаю смерти отца на восемь дней, или по болѣзни. Черезъ три года они получали чинъ коллежскаго регистратора и впослѣдствіи пріѣзжали въ повѣтовый городъ для милостивой отставки и полученія за вѣрную службу аттестата. Пріѣзды ихъ ознаменовывались подарками, пирушками и составляли событія для сослуживцевъ, несшихъ за нихъ службу. Объ этихъ получателяхъ чиновъ безъ службы знали частнымъ образомъ чиновники губернскихъ правленій, но ничего не дѣлали для того, чтобъ прекратить это.

Въ то время въ Малороссіи многіе зажиточные козаки и другія податныхъ сословій лица какъ бы за правило приняли: выучивъ сынка мужичка въ сельской дьячковской школѣ читать и писать, пристроивать его въ судъ для полученія безъ службы чина коллежскаго регистратора, а иногда губернскаго секретаря и выше. Вышедшіе такимъ образомъ въ чины, равно какъ и потомство ихъ, уже навсегда освобождались отъ податныхъ, рекрутскихъ и другихъ повинностей, женились на дочеряхъ дворянскихъ и священническихъ съ болѣе или менѣе значи-

тельнымъ приданымъ и послѣ жили припѣваючи между своими селянами на правѣ дворянъ.

При такомъ, охватившемъ населеніе стремленіи достигать чиновъ безъ дѣйствительныхъ заслугъ, многіе члены, секретари и другіе чиновники повѣтовыхъ мѣстъ старались выводить своихъ сыновей въ чины въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ, показывая, при опредѣленіи на службу, возрастъ ихъ по своему произволу (метрическихъ свидѣтельствъ о рожденіи тогда не требовалось при опредѣленіи на службу), вслѣдствіе чего сыновья такихъ чиновниковъ или ихъ близкихъ родственниковъ почти во младенчествѣ были уже коллежскими регистраторами. Авторъ зналъ одного титулярнаго совѣтника въ такихъ лѣтахъ, въ которыхъ едва могла начинаться дѣйствительная служба; а одинъ секретарь (земскаго суда Тарасевичъ), имѣя жену въ интересномъ положеніи и полагая, что она родитъ сына, опредѣлилъ его, чрезъ губернское правленіе, на службу въ земскомъ судѣ, но вышла неудача—родилась дочь, и пришлось употребить новую ложь, заявляя, что будто бы новоопредѣленный на службу умеръ.

Воспитаніе тогда было преимущественно домашнее, такъ какъ въ большей части городовъ не было никакихъ училищъ. Въ Конотопѣ проживалъ тогда нѣмецъ Гроссъ, бывшій прежде домашнимъ учителемъ у богатаго мѣстнаго помѣщика Кандибы. У этого Гросса получали образованіе Драгомировы, Коропчевскіе и другіе мѣстные дворяне. Многіе священники воспитывали своихъ сыновей также дома, послѣ чего они дѣлались дьячками, изъ дьячковъ посвящались въ діаконы и затѣмъ—въ священники. Тогда не обращали большого вниманія на то, удовлетворительно ли они обучены, а требовали лишь (подвергавшіе ихъ предварительному испытанію), чтобъ они знали изъ ермолоя и другихъ церковныхъ постановленій тѣ относящіяся къ священнодѣйствію правила, о которыхъ обыкновенно предлагалъ вопросы архіерей при испытаніи способностей. Такимъ образомъ, успѣхъ въ достиженіи желаемаго часто зависѣлъ не отъ познаній и нравственныхъ достоинствъ, а отъ качества и количества приношеній. Достигши такимъ путемъ священнослу-

жительскихъ званій, эти поповичи и дьяконенки старались въ сельскихъ приходахъ вознаградить свои издержки предосудительными вымогательствами отъ прихожанъ церковныхъ требъ, а въ особенности при бракосочетаніяхъ, такъ что не имѣвшіе въ наличности требуемаго количества денегъ, чтобъ уплатить за вѣнчаніе, бывали принуждены продавать часть земли или рабочій скотъ.

За то и священники въ свою очередь порядочно отплачивались въ губернскомъ городѣ, такъ какъ секретари декастерій (прежнія консисторіи) умѣли хорошо оббирать ихъ. Эти секретари играли тогда не малую роль, благодаря тому, что члены декастеріи или слабо или вовсе не занимались разсмотрѣніемъ производившихся въ ней дѣлъ, обыкновенно предоставляя секретарю дѣйствовать по своему усмотрѣнію. И они дѣйствовали такъ, что многіе изъ нихъ въ короткое время составили себѣ на этой должности значительные капиталы. Сельскіе священники на столько страшились попасть по какимъ-либо преткновеніямъ въ руки дѣйствовавшаго самовластно секретаря декастеріи, что когда одинъ священникъ конотопскаго уѣзда, обвинявшійся въ томъ, что похоронилъ дворовую женщину съ знаками побоевъ, получивъ за то мзду въ видѣ рябой свиньи отъ лица, причинившаго эти побои,—узналъ, что дѣло объ немъ, находившееся въ уѣздномъ судѣ, подлежитъ передачѣ духовной власти для рѣшенія, то со слезами сталъ умолять судить его свѣтскимъ судомъ, не предавая въ руки секретаря декастеріи. Входъ просителей священниковъ въ домъ декастерійскихъ секретарей былъ такъ частъ и интересенъ, что у одного изъ нихъ (Василевскаго) евреи откупали калитку у двора съ порядочнымъ платежомъ, и эта аренда была не безвыгодна для евреевъ, взимавшихъ отъ священниковъ, которые имѣли частыя надобности къ секретарю, пошлину за входъ черезъ калитку. Конечно, отъ тѣхъ священниковъ, которые за какія нибудь привинности подлежали духовному суду, секретари получали весьма значительную дань, за что и избавляли ихъ отъ отвѣтственности. И на столько сильны были власть и вліяніе секретарей декастеріи, что бывали случаи почти невѣроятныхъ оправданій свя-

шениковъ, несомнѣнно виновныхъ, но не скупившихся на приношенія. Напримѣръ, въ конотопскомъ уѣздѣ одинъ изъ двухъ священниковъ, состоявшихъ при одной сельской церкви и враждовавшихъ между собою, наканунѣ великой пятницы тайно унесъ или похитилъ изъ церкви плащаницу, желая этимъ повредитъ своему собрату, который тогда служилъ; а въ другомъ селеніи того-же уѣзда три приходскихъ священника, состоявшихъ при одной церкви, раздѣляя между собою принесенные прихожанами на Ѳоминой недѣлѣ для поминокъ съѣстные припасы, въ томъ числѣ и крашенныя яйца, не сошлись въ дѣлежѣ и, заспоривъ, стали бросать другъ въ друга яйцами, часть которыхъ, не попадая въ лица противниковъ, ударялась въ церковныя стѣны, оставляя на нихъ видимыя пятна. Какъ о святотатственномъ похищеніи плащаницы, такъ и о дракѣ, происшедшей между священниками, были произведены духовной властью слѣдствія, но виновные не подверглись никакимъ взысканіямъ по милосердному покровительству и защитѣ секретаря декастеріи. Характернымъ также представляется слѣдующій случай: помѣщикъ конотопскаго уѣзда П. П. Скоропадскій, вознамѣрившись жениться на любимой дѣвушкѣ при несогласіи на то ея родителей, рѣшилъ обвѣнчаться съ нею тайно, а предварительно этого, для лучшаго успѣха, счелъ нужнымъ запастись отъ секретаря декастеріи (упомянутаго выше Василевскаго), за хорошую дань, позволительною запискою, удостовѣрявшею, что священникъ, который обвѣнчаетъ Скоропадскаго, не подвергнется за это отвѣтственности чрезъ посредство его, секретаря. И такое большое значеніе имѣла эта записка, что первый же священникъ, къ которому обратился Скоропадскій, увезя невѣсту изъ дома родителей и убѣгая отъ гнавшихся за нимъ людей, поспѣшилъ немедленно обвѣнчать его. Затѣмъ при всѣхъ усиліяхъ родителей невѣсты подвергнуть священника, совершившаго тайное бракосочетаніе, отвѣтственности, они не успѣли въ томъ— благодаря заступничеству мѣстнаго секретаря.

Интересный разсказъ о декастеріяхъ добраго стараго времени занимаетъ послѣднія страницы записокъ, составленіе ко-

торыхъ, какъ мы упоминали выше, было прервано болѣзнью и смертью автора. Еще разъ пожалѣемъ, что эта смерть помѣшала автору окончить начатый трудъ и поразсказать о другихъ временахъ, болѣе къ намъ близкихъ.

Н. Ш.

Частная переписка Григорія Андреевича Полетики.[1]

(1750—1784 г.).

96) Георгія Конисскаго, архіепископа Могилевскаго, изъ Могилева, 1782 г., 3 іюня.

Высокородный господинъ, коллежскій совѣтникъ! Милостивый государь и благодѣтель мой! Сегодня имѣлъ я честь получить почтеннѣйшее писаніе ваше и въ любезнейшихъ вашихъ сыновьяхъ, какъ самаго васъ видя, радовался. Annales Rudawscy прошу принять въ число книгъ вашихъ, при коемъ еще посылаются Piasecy Chronicon и Starowolscy, Tractatus tres, по требованію вашему, да сверхъ того два томы Длугоша, съ коихъ въ послѣднемъ приданы старые польскіи писатели, какъ то: Кадлубко, Sarnicius, Orechowius etc., и еще посилаются жъ Regenwolscy, Systema Chronologicus, и Pastory, Historia Polona plenior. Kojalowicza и Кобержицкаго, какъ и Старовольскаго, Eques Polonus, не находится у мене. Равно жъ къ благоденствію вашему не могутъ (sic) услужить вамъ ни однимъ гербаромъ, понеже самъ не имѣю. Въ слѣдующемъ сентябрѣ нужда будетъ мнѣ посилать нарочно въ Варшаву. Какія вамъ надобны книги, извольте прислать мнѣ реестръ. Васъ поздравляю искреннѣйше и усерднѣйше новымъ дворянствомъ: промыслили вы благовременно. Если не думаете дѣтей посылать туда, откуду дворянство, для ученія, то совѣтовалъ бы я напредъ послать ихъ въ Вилню,—

[1]) См. „Кіевск. Стар.“ № 10, 1894 г.

тамъ сего году открылся новый университетъ и академія новымъ порядкомъ ученій и весма похвальнымъ; жалко, что не имѣю при себѣ печатныхъ о томъ рѣчей и расположенія, послалъ преосв. Смоленскому, а получа обратно, пришлю вамъ; а тамъ можно бъ дѣтямъ и въ монастирѣ нашемъ квартиру имѣть. Не пишу больше, не хотя удерживать птенцовъ любезнѣйшихъ, спѣшащихъ въ гнѣздечко свое. И такъ, желая вамъ со всѣмъ домовствомъ истиннаго благоденствія, остаюсь съ истиннымъ моимъ почтеніемъ и усердіемъ високородія вашего, милостиваго государя и благодѣтеля моего, покорнѣйшій слуга Е. Георгій [1]).

97) Брата Андрея Андреевича, изъ Оксютинецъ, 1782 г., 1 августа.

М. г. мой, братецъ Григорій Андреевичъ. Исполняя данное мною вамъ слово, сего числа трактовалъ я о дѣлахъ зъ братомъ Иваномъ Андрѣевичемъ; чтобы за оними ездить поочереди, никакъ не соглашается, представляя всякіе по должности его неудобства, съ тѣмъ чтобъ естли ездить, то я охотно ихъ радъ потерять, а чтобы совмѣстно имѣть повѣреннаго и другія издержки,—на то соглашается. Нѣмецкимъ дворянствомъ весма недоволенъ по причинѣ платежа до четырехъ сотъ рублей денегъ. Обявивъ, пребываю зъ должнѣйшимъ высокопочитаніемъ, вашъ, м—аго г—ря моего братца, покорнѣйшій слуга Андрей Полетика.

98) Григорія Ивановича Полетика, изъ Вѣны, 1782 г., 10/21 августа.

М. г. мой, братецъ Григорій Андреевичъ! Требованіе ваше, ученеое мнѣ писмомъ отъ 20-го марта, которое получилъ я маія 27 числа, безъ сумнѣнія казалось вамъ такимъ, которое нетрудно исполнить; я и самъ не токмо съ перваго взору, но и тогда, когда уже началъ освѣдомляться о предмѣтахъ онаго, принялъ его точно въ такомъ же видѣ и разумѣ; спустя жъ нѣсколько времени, а имянно недѣль около трехъ послѣ того

---

[1]) Это письмо было уже разъ напечатано въ „Кіевск. Стар." (1891 г., № 4); здѣсь оно перепечатывается для полноты.

уже, какъ я далъ мои вопросы на бумагѣ одному изъ секретарей, находящихся здѣсь при имперской канцеляріи, изъ которой выдаются всѣ дипломы, неожиданнымъ образомъ нашелъ я въ полученіи отвѣта на оные вопросы великія затрудненія, кои произошли отъ того, что въ помянутой канцеляріи разныя были воображенія о моемъ любопытствѣ, и не зная точныхъ онаго причинъ и обстоятельствъ, долго колебалися въ въ томъ, чтобы меня въ немъ удовольствовать; а наконецъ, по неоднократныхъ моихъ домогательствъ убѣжденіяхъ, довелъ я до того, что самъ оной канцеляріи референдарь (или оберъ секретарь) баронъ Лассоль,—тотъ самый, котораго подпись находится въ отправленныхъ мною, сими днями, для Ивана Андреевича и для Андрея Андреевича императорскихъ дипломахъ на дворянство римской имперіи, здѣлалъ своеручный отвѣтъ на каждый изъ часто реченныхъ моихъ вопросъ, кои мною по вышеозначенному вашему письму составлены, и которые купно съ оригинальнымъ на онные отвѣтомъ, найдете вы на приложенной при семъ бумагѣ.

Теперь слѣдуетъ мнѣ сказать вамъ, м. г. мой братецъ. въ отвѣтъ на послѣднее письмо ваше отъ 2-го числа прошедшаго маія, что я не токмо въ писмѣ моемъ отъ 7-го февраля нынѣшняго года изъяснилъ вамъ, сколь мало имѣлъ я тогда надежды къ доставленію дѣтямъ вашимъ иностранныхъ офицерскихъ чиновъ, но уже и за два, если не за три года, предъ симъ писалъ я къ вамъ о томъ же; и что съ того времени не оставалося мнѣ ничего иного думать, кромѣ того, что вы приняли другія мѣры къ попеченію о дѣтяхъ вашихъ;—ибо мнѣ помнится, что около трехъ лѣтъ вы уже болѣе ничего не писали ко мнѣ о семъ дѣлѣ.—Какъ бы то ни было, я вскорѣ по отправленіи вышеозначеннаго моего къ вамъ письма, отъ 7-го числа прошедшаго февраля, вновь освѣдомился въ Варшавѣ, у нашего резидента барона Аша, не можно ли родственникамъ моимъ получить польскіе офицерскіе чины, въ доказательство чего прилагаю при семъ, подъ нумеромъ 2-мъ, экстрактъ изъ моего къ нему письма, а къ оному присовокупляю, подъ нумеромъ 3-мъ, оригинальный его ко мнѣ отвѣтъ. Сего не довольно;

я дѣлалъ попытку и въ Копенгагенѣ, чрезъ находящагося здѣсь дацкаго секретаря посольства, у одного изъ членовъ тамошней военной коллегіи генерала графа Алефельда, который, въ последнюю мою бытность въ Сактпетербургѣ, находился тамо дацкимъ посланникомъ; какой же полученъ отъ него помянутымъ секретаремъ посольства отвѣтъ, оный при семъ найдете вы подъ нумеромъ 4-мъ. Равнымъ образомъ, не имѣлъ я, м. г. мой братецъ, удачи въ тѣхъ попыткахъ, которыя мною вновь же сдѣланы были со стороны прусской и саксонской; напротивъ чего, не безъ успѣха адресовался я наконецъ къ находящемуся здѣсь герцогскому Виртембергскому резиденту г. Бюллеру, ибо полученный имъ изъ Стутгарда отвѣтъ подаетъ намъ надежду къ достиженію желаемаго, какъ то усмотрите вы изъ приложеной при семъ бумаги подъ нумеромъ 5-мъ. Теперь остается мнѣ еще получить отъ него увѣдомленіе о потребныхъ къ сей моей коммиссіи издержкахъ, а потомъ васъ объ оныхъ увѣдомить и просить васъ о переводѣ ко мнѣ денегъ, дабы я, имѣя оныя въ рукахъ моихъ, могъ уже смѣло адресоваться съ собственнымъ моимъ прошеніемъ къ самому герцогу, которому въ бытность его свѣтлости въ здѣшнемъ городѣ, что было въ началѣ нынѣшняго лѣта, я представленъ былъ отъ князя Дмитрія Михайловича, отъ чего можетъ быть происхожденіе свое имѣютъ тѣ ласкательныя для меня герцогскія слова, о которыхъ въ вышереченномъ Стутгардскомъ отвѣтѣ упоминается.

Объ извѣстной рѣчи я не оставилъ въ свое время сказать князю Куракину, что она сочинена вами; и онъ хвалилъ, такъ, какъ и другіе, кому я имѣлъ случай показать или прочесть оную. Я не премину стараться о полученіи учрежденій, касающахся до Стутгардскихъ училищъ и о доставленіи вамъ оныхъ, пребывая впрочемъ съ совершеннымъ, и къ вамъ самимъ и къ м. г—нѣ моей Еленѣ Ивановнѣ, почтеніемъ и съ непремѣнною къ обоимъ вамъ преданностью, братъ и слуга Григорій Полетика.

P. S. При семъ случаѣ г. Кудрявскій (о пожалованіи котораго въ переводчики я уже, помнится, давно писалъ вамъ) просилъ меня засвидѣтельствовать вамъ, м. г. мой братецъ,

также и м. г—нѣ моей Еленѣ Ивановнѣ, должное его почтеніе, а притомъ рекомендовать въ милость вашу и его самого, и сожительницу, и дѣтей его, которыхъ уже двое имѣетъ онъ, а третіе чрезъ нѣсколько дней намѣрено въ свѣтъ явиться. О сей перемѣнѣ состоянія его я не могъ прежде увѣдомить васъ потому, что онъ нѣсколько лѣтъ содержалъ ее въ разсужденіи князя, а по просьбѣ его и я принужденъ былъ содержать въ великой тайнѣ, которую наконецъ, по моему совѣту, открылъ онъ здѣсь, въ недавнемъ времени, и теперь живетъ съ семьею на своей квартирѣ. Жена его изъ здѣшняго мѣщанства, закона католицкаго, женщина весьма добрая; а впрочемъ по смерти матери своей имѣетъ она получить до трехъ тысячъ рублей на наши деньги.

NB. Получа уже нѣсколько писемъ изъ Чернигова чрезъ Могилевъ, и изъ Ромна чрезъ Черниговъ, и усмотря, что оныя гораздо скорѣе сею дорогою, нежели чрезъ Петербургъ, доходятъ, я вздумалъ отвѣдать ее и для моей съ вами переписки, и здѣлать теперь начало сему опыту, адресуя сіе письмо въ Черниговъ, къ бывшему здѣсь нѣсколько разъ по купеческимъ дѣламъ и потому мнѣ знакомому, тамошнему жителю и войсковому товарищу Андрею Михайловичу Еньку, къ которому, кажется, и вы, м. г. мой братецъ, можете адресовать ваши ко мнѣ письма, если заблагоразсудите и если не найдете въ томъ никакого помѣшательства или какой-либо неудобности [1]).

99) Брата Андрея Андреевича, изъ Борзенки [2]), 1782 г., 13 августа.

М. г. мой, братецъ Григорій Андреевичъ! Я весьма много трактовалъ съ братомъ Иваномъ Андреевичемъ о дѣлахъ, но болѣе онъ мнѣ въ отвѣтъ не сказалъ, какъ то, о чемъ я писалъ к вамъ; вы же меня пеняте, будто бы незная его нрава; развѣ было поматерно съ нимъ ссорится; совсѣмъ тѣмъ, до убитку, какой бы онъ ни былъ, онъ соглашается, а я беру на себя весть

[1]) Упоминаемыя въ этомъ письмѣ приложенія не сохранились.

[2]) Хуторъ около Ромна.

счети и полагать на его двѣ доли, а намъ по одной, вразсужденіи, что онъ своею персоною трудится не будетъ. Пенковъ на стоянки (для пчелъ) въ меня, въ Борзенки, сискалось пятдесятъ, кои я дозволилъ и викопать. Пребываю впротчемъ зъ должнѣйшимъ высокопочитаніемъ, вашъ м. г—ря моего братца и покорнѣйшій слуга Андрей Полетика.

P. S. М. г—нѣ моей сестрицѣ Еленѣ Ивановнѣ свидѣтелствую нижайшое мое почтеніе и сердечно сожалѣю, что я не угодилъ виборомъ въ Николаевку приказчика, поелику не имѣю за собою ангелскаго знанія узнавать людей со взгляду; совсѣмъ тѣмъ, я еще не ошибся, что рекомендовалъ такого человѣка, который старается въ деревняхъ вашихъ болѣе умножить родъ человѣческій, нежели искоренить, коего ради пострадала коровниковна [1]), вмѣсто того, что у меня бы за то получила ординъ. Нинѣ время настало старатся умножить людей, и за умноженіе людей в семъ искуснихъ награждать всячески, нежели немилосердно наказивать; я услишавши весма о бѣдной коровниковнѣ, сожалѣлъ, но такъ и быть, когда барыня сего не терпитъ; впредь не осмѣлюсь рекомендовать человѣка, слишачи неудоволствіе.

100) Кондоиди Николая Павловича, изъ Петербурга, 1782 г., 22 августа.

М. г. мой Григорей Андреевичъ! Послѣднее благопріятнейшее письмо ваше отъ 20-го минувшаго июля мѣсяца, имѣлъ я честь получить и со вложенными въ ономъ ассигнаціями на 125 рублей, слѣдовавшіе мнѣ въ уплату денегъ, издержанныхъ на надобности ваши. Здѣсь же изволите вы, м. г. мой, найти новой щетъ, изъ коего усмотрите, какія припасы для васъ уже куплены и по какой цѣнѣ. Протчія вѣщи, какъ то вино и агглинское пиво, я вовсе не куплю, ибо они, какъ вы весьма справедливо въ письмѣ вашемъ примѣчаетѣ, во всякое время въ одной цѣнѣ состоятъ, а потому вы никакого убытка не потерпите, когда сами ихъ купите будущею зимою, въ вашу здѣсь

---

[1]) Дочь коровника.

бытность. По дѣлу шурина вашего г. ассессора Михайла Гамалѣи, здѣлавъ неукоснительно подробную и достаточную выписку изъ писма вашего, послалъ ея къ извѣстному вамъ человѣку, которой возвратилъ ея ко мнѣ съ слѣдующими своеручно написанными строками: „На сіе отвѣтствовать имѣю, что изъ изясненнаго дѣла екстрактъ не сочиненъ, да и повѣреннаго нѣтъ, а потому и скораго рѣшенія оному ожидать не можно". Вотъ весь отвѣтъ, который я получилъ и который я вамъ сообщаю безъ всякой потери времяни. Согласно съ волею вашею, отдалъ я уже человѣка вашего, по нынѣ въ смирительномъ домѣ содержавшагося, мужескому сапожнику, которой кажется быть человѣкъ честной и надежной, и далъ ему паспортъ срокомъ по 1-е число генваря мѣсяца будущаго 1783-го года, а какъ въ приложенномъ къ сему письму щѣтѣ сказано, что за содержаніе его въ вышепомянутомъ домѣ заплачено по 5-е сентября, почему можетъ показатся, что издержка сія здѣлана напрасно, то въ объясненіе долженъ я вамъ сказать, что денги за каждый мѣсяцъ платятся напередъ и не возвращаются, хотя бы отданной человѣкъ цѣлаго мѣсяца въ смирительномъ домѣ не выжилъ. Сіе самое случилось и съ сапожникомъ вашимъ. Месяцъ его въ смирительномъ домѣ начинался 5-мъ числомъ, почему и принужденъ былъ я 5-го нынѣшняго августа мѣсяца вновь отдать на его пищу за мѣсяцъ впередъ, то есть по 5-е будущаго сентября мѣсяца. Письмо же ваше, въ коемъ вы изволите писать, чтобъ его отъ смирительнаго дома избавить, дошло ко мне только 7-го августа, слѣдовательно не могъ я предузнать намѣренія вашего и не здѣлать издержку, которая по обстоятельствамъ здѣлалася теперь всеконечно вовсе лишнею.

Письма ваши къ г. г. Шарапову и Вильковскому разнесены на другой день, по полученіи ихъ отъ васъ. Сестра, братъ, жена его и Ульяна Феодоровна, которая отъ сюда въ непродолжительномъ времени отправится намѣрена, свидетельствуютъ искреннѣе почтеніе свое вамъ и любезнейшей супруге вашей м. г—нѣ моей Елене Ивановнѣ, которую прошу васъ также уверить о непоколѣбимой моей къ ней преданности, съ

которою я по гробъ мой пребуду вашимъ, м. г. мой, покорнѣйшимъ слугою Н. Кондоиди [1]).

101) Григорія Ивановича Полетики, изъ Вѣны, 1782 г., $^{2}/_{13}$ ноября.

М. г. мой, братецъ Григорій Андреевичъ. Какъ ни старался я чрезъ того жъ самаго Виртембергскаго резидента, о которомъ я писалъ къ вамъ прошедшаго августа $^{10}/_{21}$ числа, узнать сколько будетъ коштовать каждый патентъ на офицерскіе чины для сыновей вашихъ, но не могъ я получить такого увѣдомленія по той причинѣ, что, по объявленію помянутаго резидента, никогда еще не было у нихъ подобнаго пожалованія офицерскихъ чиновъ такимъ людямъ, которые не въ дѣйствительной ихъ службѣ находятся, и что потому или отъ самаго герцога или отъ генералитета его зависѣть будетъ опредѣленіе денежнаго платежа за патенты, кои сыновьямъ вашимъ дани будутъ. Итакъ, теперь главное дѣло состоитъ въ томъ, чтобъ вы, м. г., мой братецъ, безъ упущенія времени увѣдомили меня объ именахъ и лѣтахъ кандидатовъ нашихъ, о томъ мѣстѣ жительства вашего, о которомъ вы желаете, дабы оно въ помянутыхъ патентахъ означено было, такъ, какъ и объ уѣздѣ, въ которомъ то мѣсто щитается, о чемъ я и самъ долженъ упомянуть въ прошеніи, которое надобно мнѣ будетъ послать къ герцогу Виртембергскому чрезъ резидента его г. Бюллера, и чтобы при томъ взяли вы у жительствующаго въ Черниговѣ войсковаго товарища Андрея Михайловича Енька и ко мнѣ бы наискорѣе прислали кредитивное къ которому нибудь изъ знакомыхъ ему здѣшнихъ банкировъ или купцовъ писмо, по которому тотъ банкиръ или купецъ далъ бы мнѣ столько денегъ, сколько мнѣ понадобится на комиссію вашу, за которую (не обинуясь признаюсь предъ вами) я не могу безъ того и приняться, не имѣя такихъ собственныхъ денегъ, кои бы можно мнѣ было на оную употребить безъ ве-

---

[1]) Сынъ грека Кондоиди, Павла Захаровича, бывшаго при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ придворнымъ лейбъ медикомъ.

личайшей тягости. Впрочемъ, я долженъ вамъ, м. г. мой братецъ, примѣтить, что Виртембергскій герцогъ по обявленію находящагося здѣсь резидента его свѣтлости, говорилъ только о капитанскомъ и поручческомъ чинахъ, и что по мнѣнію тогожъ резидента, или лучше сказать по рѣчамъ самого герцога, надлежитъ вамъ сими двумя чинами довольствоваться, и изъ оныхъ одинъ для одного или для двухъ сыновей вашихъ выбрать.— Давно уже хотѣлъ я сообщить вамъ ту самую копію съ отвѣтнаго писма г. генерала прокурора къ князю Александру Борисовичу Куракину, которую сей послѣдній прислалъ ко мнѣ изъ Италіи, но все позабывалося мнѣ послать ее къ вамъ, и хотя она теперь уже совсѣмъ для васъ не нужна, однако я не хотѣлъ скрыть ее отъ васъ, и потому при семъ ее посылаю, а къ ней присовокупляю копію съ записки, какова вручена мною г. лейбъ-медику Карлу Федоровичу Крузу о Тимофѣе Ивановичѣ (Полетикѣ), которому онъ, по прозьбѣ моей, обѣщалъ помогать въ нужныхъ случаяхъ, и который потому можетъ къ нему адресоваться, естьли ему въ чемъ случится нужда, о чемъ прошу васъ, м. г., мой братецъ, увѣдомить его и доставить ему ту самую записку, которая къ вамъ отъ меня для того и посылается.—Съ княземъ Куракинымъ я вновь довольно говорилъ объ васъ и далъ ему копію съ извѣстной вашей рѣчи, которую обѣщалъ онъ показать великому князю; напротивъ чего не имѣлъ я нималѣйшаго случая что либо сказать объ васъ его императорскому высочеству во время послѣдней его бытности въ здѣшнемъ городѣ.—Впрочемъ, пребуду всегда съ истиннымъ и совершеннымъ къ вамъ и къ м. г—нѣ моей Еленѣ Ивановнѣ почтеніемъ и съ непремѣнною преданностью... Григорій Полетика.

P. S. Прилагая при семъ, подъ открытою печатью, писмо къ Велико-Бубновскому старостѣ Роману Жеребецкому, я покорно прошу васъ, м. г. мой братецъ, употребить стараніе, дабы оно вѣрно и скоро могло до него дойти посредствомъ Андрея Андреевича, который прочтя и припечатавъ, можетъ оное отослать къ нему, Жеребецкому, или призвать его къ себѣ, какъ

для отдачи ему того писма, такъ и для того, чтобъ онъ въ непродолжительномъ времени отписалъ ко мнѣ въ отвѣтъ на оное.—Я не помню, писалъ ли я къ вамъ или нѣтъ, что г. Кохъ взятъ отсюда въ коллегію, гдѣ уже онъ съ прошедшаго апрѣля мѣсяца находится на мѣстѣ статскаго канцеляріи совѣтника, и получаетъ жалованья по двѣ тысячи рублей на годъ.

102) Николая Мотониса, изъ Липова-Рога [1]*), 1782 г., 11 ноября.*

М. г. мой Григорій Андреевичъ! Пріѣхавъ я изъ Глухова, тотъ же часъ далъ я знать женѣ моей, что я условился съ вами о принятіи любезныхъ вашихъ дѣтей въ науку купно съ нашими дѣтьми. Она не только въ семъ согласна, но и весма рада, что будутъ наши дѣти вмѣстѣ съ дѣтьми такихъ друзей, которыхъ мы между рѣдкими почитаемъ. Учителя я спрашивать—будетъ ли онъ доволенъ отъ каждой дочери вашей полученіемъ въ годъ по сту рублей, причинъ не имѣю, ибо я съ нимъ договорился, кромѣ моихъ, чтобъ онъ обучалъ еще двоихъ, коихъ я ему препоручу. Слѣдовательно ему до сего дѣла нѣтъ, а я симъ доволенъ. Онъ учитъ читать, писать, исторіи, географіи, ариѳметики, а жена его разнымъ женскому полу приличнымъ рукодѣліямъ. Приятное ваше писмо писано изъ Глухова 3-го октября, которое я получилъ сего дня, по чему поздно и отвѣчаю. При семъ покорно прошу пожаловать спросить Иванъ Андреевича Войцеховича получилъ ли онъ мое писмо 4 октября, съ приложеніемъ двухъсотъ рублевъ ассигнаціями, а другое, писанное къ нему въ началѣ сего мѣсяца, съ прошеніемъ, чтобъ онъ меня о семъ увѣдомилъ, но я и по сіе время остаюся въ невѣдѣніи, и что онъ вамъ скажетъ, прошу меня увѣдомить. Въпрочемъ, свидѣтельствуя вамъ и м. г-нѣ Еленѣ Ивановнѣ усерднѣйше наше почтеніе, со всегдашнею преданностію, есмь м. г. мой вашъ покорнѣйшій слуга Николай Мотонисъ. Прошу пожаловать увѣдомить меня, въ которой деревнѣ будетъ зиму проводить Иванъ Михайловичъ Скоропадскій.

---

[1]) См. Опис. Стар. Малорос., II, 83.

103). Кондоиди Наколая Павловича, изъ Петербурга, 1782 г., 21 ноября.

М. г. мой Григорій Андреевичъ. Дружеское письмо ваше отъ 29-го октября имѣлъ я честь получить исправно съ приложенными къ оному ассигнаціями на 150 рублей, въ уплату издержанныхъ мною на вашъ щетъ денегъ, изъ коихъ на васъ осталось теперь только 4 р. 46 коп., какъ вы сами о томъ въ помянутомъ письмѣ вашемъ изволите отзываться. Будьтѣ увѣрены, м. г. мой, что я потщусь исполнить все, что вы мнѣ предписываетѣ въ рассужденіи сапожника вашего и по дѣлу съ шуриномъ вашимъ, и есть ли касательно до сего послѣдьняго узнаю что нибудь такое, что можетъ заслужить вниманіе ваше, то непремѣну васъ о томъ увѣдомить безъ потери времяни. Теперь же спѣшу сообщить вамъ, что требованной паспортъ для любезнѣйшихъ дѣтей вашихъ я никоимъ образомъ вамъ доставить не могу, ибо по силѣ имяннаго ея императорскаго величества указа, состоявшагося въ 4 день марта мѣсяца нынѣшнаго года, коллегія иностанныхъ дѣлъ не имѣетъ болѣе права давать паспорты для выѣзда за границу въ чужіе краи, за исключеніемъ только нѣкоторыхъ случаевъ. Все сіе увидитѣ вы пространно изъ приложенной здѣсь статьи помянутаго имяннаго указа, а въ добавокъ долженъ я вамъ сказать, что хотя въ оной упоминается только о двухъ губерніяхъ Московской и Санктпетербугской, однакожъ право давать паспорты присвоено всѣмъ губерніямъ вообще, и есть уже примѣры, что малороссіянѣ, имѣвшіе желаніе выѣхать въ чужіе краи, получили паспорты изъ своихъ намѣстничествъ, почему и вамъ, м. г-рю моему, должно стараться достать въ губернскомъ правленіи намѣстничества вашего нужной паспортъ для дражайшихъ дѣтей вашихъ. Я крайнѣ жалею, что въ семъ случаѣ не могу вамъ служить и вы сами видитѣ невозможность, которая мнѣ въ томъ препятствуется. Вся семья моя свидѣтельствуетъ вамъ и любезнѣйшей супругѣ вашей м. г-нѣ моей Елене Ивановнѣ искреннее почтеніе, о которомъ увѣряю я ея также отъ себя и пребываю на всегда съ непоколѣбимою и истинною дружбою, вашъ, м. г. мой, покорнѣйшій слуга А. Кондоиди.

104) Максима Васильевича Дунинъ-Борковскаго[1]*), изъ с. Вормина, 1783 г., 13 января.*

М. г. мой Григорій Андреевичъ. Получивъ вчерашняго дня благопріятное ваше письмо, на которое симъ моимъ отвѣтомъ васъ трудить осмѣливаюсь. Вы изволите, м. г. мой, отъ меня увѣдомленія требовать, какія вещи, изъ покупки моей, которою я васъ прежде сего трудилъ, съ нижайшимъ моимъ прошеніемъ, ее въ Санктпетербургѣ соблаговолить исправить, нужнѣе протчой покупки, то смѣю вамъ чрезъ сіе донесть, что скрыпичныя струны мнѣ всего нужнѣе, ибо мои уже сошли, и не имѣю нынѣ чѣмъ времени скучнаго проводить; для того прошу покорнѣйше мнѣ ихъ чрезъ вашихъ людей потрудиться переслать. Что же до чашекъ, чайнаго фарфурнаго прибора и протчой моей въ реестрику моемъ означенномъ покупки принадлежитъ, то естьлибъ вамъ не въ трудъ было меня изъ С.-Пбурга увѣдомить, сколько она вся станетъ, я бы вамъ осмѣлился въ Спб. достальную сумму денегъ почтою доставить. За присылку денегъ мѣдныхъ покорнѣйше благодарствую; за серебренными же я уже за нѣсколько дней въ Борковку[2]) послалъ, но не уповаю, чтобъ они васъ застать могли, ибо прежде десяти дней я ихъ получить не надѣюсь. Прикащика же вашего увѣрьте пожалуйте, что онъ неотмѣнно попомъ будетъ, по вашей рекомендаціи, въ Ворминѣ,[3]) буди только послѣдныхъ чиселъ сего мѣсяца или слѣдующаго пятаго числа у меня явится, чтобъ мнѣ ему здѣсь презента можно было дать, ибо послѣ означеннаго срока не могу знать какъ долго забавлюсь. Притомъ прошу покорнѣйше быть увѣренными, что давши кому слово въ чѣмъ, никогда не перемѣняю; хотя же я и уговорилъ было, черезъ Илію Афанасіевича, нѣкотораго студента на попы въ Орминъ, изъ Кіева, однакъ уже много времени пройшло послѣ срока, на который ему у меня явиться надлежало было,

---

[1]) Въ актахъ Максимъ Д.-Б. именуется „польской короны подполковникомъ". См. Опис. Стар. Малор., I, 469.

[2]) Село въ Суражскомъ уѣздѣ.

[3]) Село въ Мглинскомъ уѣздѣ, принадлежавшее Максиму Дун.-Буорковскому.

и по сей то причинѣ не прійму я уже его ни за что къ себѣ въ попы. Не погнѣвайтесь, пожалуйте, что я вамъ въ реестрику, въ нѣкоторыхъ мѣстамъ моей покупки, цѣну предписалъ. Ето я здѣлалъ для того, чтобъ вамъ дать знать, что я на тѣ вещи больше денегъ употребить не намѣренъ. Чашекъ же, пожалуйте, потрудитесь двенадцать для меня купить. Я бы весьма доволенъ и радъ былъ, естьли бы соизволеніе было отъ Бога быть Иліи Афанасіевичу мужемъ Софіи Василіевны, сестры моей, и особливо щастливымъ себя почиталъ бы, но что же дѣлать, когда Богу не угодно было [1]). Весьма много одолжили обѣщаніемъ меня въ такомъ же степенѣ вашей дружбы имѣть, какъ и моего покойнаго отца имѣли, и буду стараться всегда заслуживать такого вашаго одолженія, и себя достойнымъ онаго здѣлать. Въ ожиданіи присылки вашего прикащика, препоручивъ себя вашей дружбѣ, имѣю честь съ всякимъ почтеніемъ навсегда пребывать м. г-ря моего покорнѣйшій слуга Максимъ Дунинъ Борковски.

105) Степана Ивановича (?) Шешковскаго [2]), изъ Петербурга, 1783 г., 28 февраля.

М. г. мой Григорей Андрѣевичъ. За приятнѣйшѣе ваше писмо, кое я чрезъ подателя сего получилъ, такъ и за присланное варенье, покорно благодарствую. Для меня весма много удовольствія, что я вами припамятованъ, а потому ласкаю себѣ надеждою, что вы и впредь мое увѣдомленіемъ о вашемъ здоровье оставить не изволите. Въ протчемъ пожелавъ вамъ всякого благополучія и покорно прося о продолженіи вашей ко мнѣ благосклонной дружбы, пребываю съ искреннымъ почтеніемъ навсегда вашъ, м. г-ря моего, покорный и вѣрный слуга Степанъ Шешковскій.

---

[1]) Софья Васил. Д.-Борковская, унаслѣдовавшая всѣми имѣніями безсемейнаго брата своего Максима, была замужемъ за Ст. Ст. Леонтовичемъ. См. Опис. Стар. Малорос., I, 469.

[2]) Извѣстнаго сыщика.

106) Ивана Смирнаго (?), изъ Петербурга, 1783 г., 1 марта.

М. г. Григорій Андрѣевичъ. Пріятное мнѣ писмо ваше я получилъ, благодарю за оное. За великое удоволствіе почитаю, что вы съ любезнымъ вашимъ товарищемъ и всемъ семѣйствомъ находитесь въ вожделенномъ здравіи. Благодарю васъ и милостивую государыню Аліону Ивановичу за присылку масла и сухихъ фруктовъ. Чемъ же мнѣ прикажите служить? Я весма бы радъ былъ, но не знаю, что вамъ угодно, и на сей случай кромѣ благодарности не имѣю. Вы намѣрены построить баню, которую совѣтую вамъ строить погодить, доколѣ вы въ Петербургъ не пожалуете. Мнѣ есть знакомой архитекторъ, онъ вамъ сдѣлаетъ планъ очень хорошей; а какъ человѣкъ вашъ сказывалъ, что оная будетъ на рѣкѣ, то можно будетъ придумать, чтобъ была покойна и не уступала бы пышностію азіатскимъ. Княгиня Катерина Романовна Дашкова, по высочайшему соизволенію, (назначена?) директоромъ по Академіи Наукъ, вмѣсто Сергѣя Герасимовича Домашнева. Ею всѣ довольны и благодарятъ. Симъ неожидаемымъ случаемъ общій нашъ пріятель Семенъ Кириловичъ и прочія освободились отъ сильнаго г. Домашневымъ угнѣтенія, которымъ велено жалованье производить по ихъ окладамъ и быть при ихъ должностяхъ. Господина же Домашнева дѣла изслѣдовать. Вотъ вамъ новизна. Потомъ свидѣтельствуя вамъ, м. г-нѣ Аліонѣ Ивановнѣ и любезнымъ вашимъ дѣтямъ, отъ себя, жены и дѣтей моихъ должное почтеніе, остаюсь, м. г., вашъ покорный слуга Иванъ Смирной.

107) Василія Александровича Шарапова, изъ Москвы, 1783 г., 18 марта.

М. г. мой Григорій Андреевичъ. Вчерась ѣздя съ женою для осмотра одной квартиры, встрѣтили мы нечаянно человѣка вашего и отъ него узнали, что имѣетъ отъ доставить намъ два письма отъ васъ, м. г-рь. Сіи письма получилъ я сегодня и приносимъ нижайшую благодарность за поздравленіе новымъ годомъ и за гостинцы. Изъ моего сюда переселенья вы видите, м. г., что я съ новымъ годомъ получилъ отставку. Мое намѣ-

реніе, прося объ оной, было переѣхать куда либо потеплее, для возстановленія здоровья жены моей, и для сего выбралъ было я полуденныя провинціи Франціи, ея родину. Здѣланныя мнѣ при семъ случаѣ вашимъ нечестивымъ землякомъ (Безбородкомъ) пакости, заставили насъ перемѣнить наше намѣреніе. Жена моя особливо уважа всѣ обстоятельства, убѣдила меня избрать лучше сей городъ мѣстомъ нашего пребыванія. И хотя наконецъ и дано намъ дозволеніе ѣхать во Францію и малую на то и заплату долговъ—помочь, мы пріѣхали до времяни сюда. Здѣсь всѣ ухищреніи двухъ злыхъ друзей будутъ тщетны; а тамъ много бы выдумали они небылицы. Итакъ, теперь, м. г., просимъ васъ употреблять насъ къ услугамъ вашимъ во всемъ, что для васъ здѣсь нужно быть можетъ. Мы крайне сожалѣемъ о случающихся вамъ болѣзняхъ и безпокойствахъ, и сердечно желаемъ, чтобъ впредь отъ нихъ чужды были. Новое ваше дѣло произошло, безсумнѣнія, отъ перваго: имъ нужно завязать васъ большими хлопотами. Я сожалѣю, что не могу служить по вашему желанію г. Комаровскому. Дѣло ваше по мой отъѣздъ было спокойно, и я не слыхалъ никакихъ движеній; да и думаю, что съ ихъ стороны его не пошевелятъ. Человѣкъ вашъ донесетъ о томъ обстоятельнее. О себѣ донесъ я вамъ, м. г., въ началѣ сего письма; а къ тому осталость присовокупить, что мы оба нездоровы и въ хлопотахъ, необходимыхъ при переселеніи. Мы уже здѣсь съ мѣсяцъ, и все еще у Василья Ивановича Баженова, не возмогши основать себѣ покойнаго уголка. Современемъ же, уповаемъ, мы здѣсь и здоровее и благополучнее будемъ тамошняго. По отъѣздѣ моемъ, безсумнѣнія, случалось уже много новаго, а потому я и ничего уже не могу съ основаніемъ сказать вамъ о дѣлахъ міра сего. Миръ между Франціи, Гишпаніи и Англіи вамъ извѣстенъ, и кажется ускоренъ, сколько по собственнымъ обстоятельствамъ, столько же и по вооруженіямъ здѣсь и у австрійцовъ. Что они значатъ, Богъ вѣдаетъ. Турки спокойны, и соглашаются на все, что имъ ни скажутъ. Но теперь другія замирясь могутъ уже мѣшаться. К. Гр. Ал. (Потемкинъ) ѣдетъ въ Херсонъ. Слуховъ здѣсь очень много, но много жъ, думаю, и пустыхъ.

Весна покажетъ ихъ яснее. Наши дѣла всѣ почти таковыжъ. Помянутая свѣтлость по своимъ дѣламъ, кажется, столь же сильна, какъ и преждѣ; но очень же силенъ и вашъ нечестивый (Безбородко). Все чрезъ его руки идетъ, а другія новыя и старыя ничто. Его италіанка, родня и любимцы продаютъ свои у него старанія по дѣламъ почти явно. Мимо сихъ двухъ дорогъ, равномѣрно трудныхъ и дурныхъ, едва что-либо здѣлать можно. Сей землякъ вашъ не таковъ уже съ своимъ другомъ, но наружно и въ общихъ видахъ еще хороши. Гр. Никита Ивановичъ потерялъ себя вездѣ. Путешественники съ своего возвращенія уже съ нимъ не таковы, каковы были преждѣ. Онъ рѣшился наконецъ ѣхать въ деревню. Давно бы пора; и лучше и почотнее для него былобъ. Что касается до помѣщенія племянниковъ вашихъ въ инженерной корпусъ, я отпишу съ первою почтою къ Афонасью Федоровичу, и объ отвѣтѣ его вамъ донесу. Я не могу сказать, можетъ ли онъ что нибудь теперь въ ономъ, не зная, кто имъ правитъ. Григорій Григорьевичъ (Орловъ) здѣсь и болѣнъ ослабленіемъ—и тѣла, и духа. Нѣтъ по сю пору надежды къ его исцѣленію. Мордвиновъ умеръ. Тотъ же, кто правитъ теперь, можетъ быть и некоротко знакомъ г. Балѣ. Жена моя свидѣтельствуетъ вамъ, м. г—нѣ Оленѣ Ивановнѣ и любезнымъ дѣтямъ вашимъ нижайшее, вмѣстѣ со мною, почтеніе. О мытье шелковыхъ цвѣтныхъ и бѣлыхъ матерій поручила мнѣ донесть вамъ слѣдующее: надобно взять нѣсколько мѣшечковъ говяжей жолчи, распустить въ корытѣ теплой воды и мѣшать, чтобъ она вспѣнилась, какъ мыльная; она будетъ зеленовата и пахнуть мускусомъ, въ сей водѣ должно мыть все что надобно будетъ; а тѣ пятны, кои симъ мытьемъ не сойдутъ, натирать и мыломъ можно; и смывъ въ сей водѣ, полоскать въ чистой водѣ, и провѣсить, не давъ высушить совершенно, а проваливъ только, надобно выутюжить мытое, положа на тонкое полотно съ изнанки; тонкое полотно нужно, чтобъ отъ толстаго на утюженомъ ряды не отпечатались, а утюженье съ изнанки для того, чтобъ не заатласить. Симъ мытьемъ всѣ цвѣты оживляются, а бѣлое будетъ чище и ярче. Бумажное особливо надобно мыть съ жолчью, потому что въ обыкновенномъ мытье

желтѣетъ. Съ жолчью можно мыть все шелковое и бумажное, не исключая тафты и платковъ; атласы выходятъ удачнее всего. Григорій Ивановичъ (Полетика) прислалъ ко мнѣ предъ моимъ отъѣздомъ два пакета къ вамъ, м. г., кои имѣю честь при семъ приложить. Я получилъ отъ него и здѣсь письмо отъ 13 февраля. Онъ здоровъ и жалуется недосугами. Оканчивая сіе, прошу васъ вѣрить, что я всегда пребуду съ истиннымъ и совершеннымъ къ вамъ почтеніемъ, м. г., вашъ покорнѣйшій слуга Василей Шараповъ.

108) Якова Александровича Гамальи, изъ Пирятина, 1783 г., 24 іюля[1]).

М. г. мой Григорій Андреевичъ. Почтеннѣйшое и благоприятнѣйшое писмо ваше отъ 14 д. сего мѣсяца пущенное, имѣлъ я честь, съ чувствительнымъ для меня удовольствіемъ, получить въчерашняго числа, за неоставленіе коимъ и за присилку копій грамотъ признателнѣйше вамъ, м. г., благодаря, въ отвѣтъ доношу: при подачи доказательства на дворянство или шляхетство мое въ описаніи рода Гамалѣевъ, во всемъ имѣю послѣдовать наставленію вашему, и надѣюсь ктому склонить и братей моимъ родного Федора и двоюроднихъ Ивана и Михайла Осиповичовъ Гамалѣй. Чтожъ касается до рода Гамалѣй, произшедшаго отъ дѣда моего асаула генералного Михайла Гамалѣи, то у него било синовъ пять: 1) Иванъ, 2) Степанъ, третій отецъ мой Александръ, 4) Осипъ, 5) Федоръ, исъ коихъ у Ивана било синовъ два, Иванъ и Андрей, кои оба померли, первій оставя сина по себѣ Дмитрія, а другій безнаслѣдія; у Степана было синовъ два, Василей и Степанъ, и оба безнаслѣдія померли, у отъца моего: умершій братъ Семенъ, я и Федоръ; у брата Семена остался синъ Михайло, а у меня шесть синовъ: Юрій, Алексѣй, Данило, Платонъ, Петръ и Елесей. Братъ же Федоръ холостъ; у Осипа—Иванъ и Михайло, съ коихъ у первого синъ Яковъ у другого Дмитрій; у Федора жъ билъ синъ Михайло, но малолѣтнимъ умеръ. Вотъ увесь родъ отъ дѣда

[1]) См. выше письмо № 40.

моего Михайла произшедшій. А какъ и мнѣ надобно въ родословіе помѣстить господъ Гамалѣй Хлопецкихъ—Лаврентія, Василия и брата ихъ меншего, коего имени я незнаю, и Юдиновскихъ—Николая и Михайла, то о ихъ наслѣдіи описание мнѣ доставить всепокорнѣйше васъ, м. г., прошу! И къ Михайлу Ивановичу (Гамалѣѣ) попитаюсь написать, просячи у него копіи грамоты и чтобъ онъ единогласно съ нами родословную роспись къ доказателству шляхетства подалъ, и что потому послѣдуетъ, донесть вамъ не промину. Я бъ вседушне радъ съ вами выдѣтся и персоналное о семъ наставление отъ васъ получить, но должность моя (городничаго), не позволяетъ мнѣ изъ города отълучится, а какъ отъ меня обувolненіи отъ городничества до сего мѣсяцовъ за два поданна въ намѣстническое правленіе челобитна, и отъ тудова къ графу представленна, то сколь скоро получу уволненіе, такъ и радѣтиму всемѣрно персонално вамъ засвидѣтелствовать въ Ромнѣ или Николаевкѣ (когда въ сихъ мѣстахъ бить изъволите) должнѣйшое мое высокопочитаніе, съ коимъ и непремѣнною преданностію во всю жизнь пребуду и есмъ вашего высокоблагородія, м. г—ря, моего всепокорнѣйшій слуга Яковъ Гамалѣя.

P.S. М. г—нѣ Еленѣ Ивановнѣ мое почтеніе засвѣдителствовать, пожалуйте, не оставте.

109) Ивана Ивановича Борозды, отставн. генеральнаго бунчучнаго, изъ с. Медведова, 1783 г., 13 октября.

М. г. Григорій Андреевичъ. Какъ я васъ, м. г—ря, персоналне просилъ, такъ теперъ и писменно нижайше прошу сождать тѣхъ денегъ, которихъ вы изволите отъ мене требовать, хотя бы я вамъ и теперъ за благодареніемъ моглъ отъдать, но вѣрте, что ей крайняя нужда мнѣ и самому теперъ въ онихъ состоитъ; ежели вамъ теперъ отдать, то развѣ надобно въ кого другого занять, а какъ я на васъ надежду полагаю и отъ другихъ ни въ кого не хочу брать, то и прошу покорнѣйше чрезъ четири мѣсяца онихъ денегъ сождать, а въ генварѣ, среднихъ числъ, за благодареніемъ вашей дражайшей сожителницѣ имѣю отъдать; въ протчемъ какъ вамъ, такъ равно и всей почтенной

фамиліи вашей свидѣтельствую мое нижайшое почтеніе, съ которимъ пребываю навсегда м. г., вашего высокородія покорній слуга Іоанъ Бороздна[1]).

110) Григорія Ивановича Полетики, изъ Вѣны, 1783 г., 8/19 апрѣля.

М. г. мой, братецъ Григорій Андреевичъ! Писмо ваше отъ 28-го декабря и присовокупленный ко оному постскриптъ отъ 27-го генваря съ маленькою цыдулкою, получилъ я минувшаго марта 27-го числа, по нашему календарю, и теперь пользуясь отправленіемъ въ Санктпетербургъ находящагося здѣсь при князѣ Дмитріѣ Михайловичѣ въ куріерской должности актуаріуса г. Ермолаева, принужденъ я съ одной стороны просить васъ, м. г. мой, братецъ, чтобъ вы, безъ дальнѣйшаго продолженія времени, приняли одно или другое намѣреніе о сыновьяхъ вашихъ, а съ другой объявить вамъ, что отнюдь не можетъ сіе здѣлаться, чтобъ они получили такіе чины, какихъ вы желаете, ибо сколько ни старался я уговорить Виртембергскаго резидента, чтобъ онъ попытался не можно ли выпросить для дѣтей вашихъ чиновъ, согласныхъ съ вашимъ желаніемъ, но онъ отъ того уклонился, объявляя, что мы можемъ испортить все дѣло новымъ, а притомъ такимъ требованіемъ, которое отъ герцога съ самаго начала предъупреждено даннымъ отъ его свѣтлости отвѣтомъ на учиненное ему внушеніе о моемъ намѣреніи, какъ то могли вы усмотрѣть изъ сообщеннаго вамъ отъ меня экстракта изъ писма, каково здѣсь изъ Стутгарда получено было въ свое время. Онъ же еще и тѣмъ доказывалъ невозможность успѣха въ новомъ вашемъ требованіи, что герцогъ въ прошедшемъ году принялъ въ свою службу двухъ имперскихъ принцовъ неинако, какъ подполковниками, изъ которыхъ одинъ родной его племянникъ и братъ великой княгини нашей, и что первые еще будутъ ваши сыновья, кои получатъ виртембергскіе чины, не будучи въ тамошней службѣ. Впрочемъ разсуждалъ онъ, что гораздо легче имъ будетъ получить вышшіе чины,

[1]) Объ этомъ Борозднѣ см. „Кіевск. Стар.“ 1887 г., іюнь—іюль, стр. 393.

когда они пріѣдутъ въ Стутгардъ, и тамо нѣсколько времени послужатъ. Но какъ бы то ни было, пора вамъ, м. г. мой братецъ, рѣшиться и вывесть меня изъ стыда, въ который попался я чрезъ то, что здѣлавши Виртембергскому герцогу чрезъ резидента его предварительное внушеніе о намѣреніи моемъ къ предложенію его свѣтлости моей прозьбы, понынѣ я не произвелъ въ дѣйство сего моего намѣренія. Князя Адама Чарторижскаго здѣсь давно нѣтъ, да хотя бы онъ и былъ, то я не будучи ему знакомъ, не могу исполнить вашего твебованія. Содержаніе цидулки вашей, о которой въ началѣ сего писма упомянуто мною, подало мнѣ поводъ сообщить вамъ при семъ случаѣ копію съ полученнаго, въ прошедшемъ декабрѣ мѣсяцѣ, княземъ моимъ отъ посла графа Стакельберга отвѣтнаго писма; посему и прилагаю при семъ оную копію, какъ для любопытства вашего, такъ и для того, чтобы посредствомъ ея найбольше еще доказать вамъ давно уже воспослѣдовавшее пресѣченіе раздачи королевскихъ патентовъ. При семъ же посылаю списанныя у меня для Ивана Андреевича и для Андрея Андреевича двѣ копіи съ прошенія, которое подавалъ я здѣсь его величеству императору о пожалованіи ихъ дворянами Римской имперіи, и прошу васъ, м. г. мой братецъ, доставить вѣрнымъ образомъ каждому изъ нихъ по одной изъ тѣхъ копій, которыя имъ у себя имѣть, кажется, не худо и неизлишно будетъ. Скажите, пожалуйте, имѣетъ ли дворянство Черниговской губерніи мундиръ свой по примѣру прочихъ губерній? Естьли имѣетъ (о чемъ намъ сказано здѣсь отъ проѣхавшаго предъ нѣсколькими днями въ Венецію совѣтника посольства г. Брайна), то пожалуйте увѣдомте меня, или лучше сказать, пришлите мнѣ обстоятельное о цвѣтахъ онаго мундира описаніе, такожъ и о прочемъ, въ чемъ онъ состоитъ? Носите ли вы его? Правда ли, что тотъ только дворянинъ, по силѣ учиненнаго отъ государыни генералу прокурору письменнаго объявленія, можетъ носить мундиръ своей губерніи, который имѣетъ въ ней помѣстье? и не можно ли достать и ко мнѣ прислать копію съ онаго объявленія. Бога ради! старайтесь, м. г. мой братецъ, окончить ваши дѣла и обезпечить имѣніе ваше такимъ

образомъ, чтобы уже ни вамъ, ни потомкамъ вашимъ не имѣть дальнѣйшихъ хлопотъ и безпокойствъ тяжебныхъ, и чтобы хотя при старости пожить вамъ въ покоѣ, чего я вамъ отъ всего сердца желаю, не менше какъ и совершеннаго и долголѣтнаго здоровья, а притомъ и того удовольствія, чтобъ вы могли въ хорошемъ возрастѣ и состояніи видѣть вашихъ внуковъ и внучекъ, пребывая впрочемъ съ непремѣнною и ненарушимою къ вамъ преданностью, вашъ, м. г-ря... братъ и слуга Григорій Полетика,

P. S. Другъ нашъ Василій Александровичъ Шараповъ благую часть избралъ, но я крайне сожалѣю для васъ и для себя, что онъ не въ Санктпетербургѣ, ибо чрезъ сіе его удаленіе мы оба много теряемъ. Пожалуйте, м. г. мой братецъ, рѣшите сумнѣніе наше и изъясните намъ, сколько чиновныхъ классовъ по военнымъ рангамъ щитается у насъ, и какимъ образомъ? а имянно: составляетъ ли капитанъ порутчискій рангъ особливый классъ, или нѣтъ? и не щитается ли сержантскій чинъ въ какомъ либо послѣднемъ классѣ, то-есть въ четвертомнадесять, или въ пятомнадесять? Въ заключеніи всего сего я еще прошу увѣдомить меня, освѣдомясь вѣрнымъ образомъ, сколько лѣтъ всего навсе былъ въ службѣ Василій Александровичъ или въ которомъ году вступилъ онъ въ службу?

111) Ивана Николаевича Ханенка [1], *(изъ Погара?), 1783 г., 3 мая.*

Высокоблагородный и достойнопочтенный господинъ коллежскій совѣтникъ, Григорій Андреевичъ. Повторяя прежнее мое и дворянъ уѣзда Погарскаго внесенное къ вамъ прошеніе о безъотрицателномъ принятіи на себя той депутацыи, въ которую на основаніи всевысочайшаго соизволенія дворянское уезда Погарскаго общество избрать васъ честь имело, при ономъ за нужно изъяснить нахожу, что по резону объявленного вашимъ высокоблагородіемъ чаянія могущаго быть отъ другова

[1]) См. Опис. Смар. Марлор., I, 80

уезда такова жъ на васъ выбора, хотя дворяне здешние согласились было на такой случай избрать въ депутацію г. уезднаго здѣшняго судію Петра Косача, но какъ по репорту моему г. губернскій предводитель въ резолюцыю предлагаетъ, что занятого должностию избирать въ сию депутацыю дело есть сомнителное, притомже и выборъ отъ другова уезда можетъ статся палъ на иного, то въ сѣмъ разсужденіи дворяне уезда Погарского оставшись при первомъ своемъ на васъ утвержденномъ выборе и находя въ особѣ вашего высокоблагородія те достоинстра, съ коими по силѣ высочайшаго соизволения въ комисіи о разборѣ дворянства депутату быть надлежитъ, темъ самимъ дали мнѣ право и повторить вышеписанное къ вамъ о безъотрицательномъ приемѣ на себя сей депутацыи прошеніе, которое я именемъ всего общества дворянского уезда Погарского усугубляю къ вамъ и въ той надеждѣ, что ваше высокоблагородіе общей прозьбы сей отрынутою не оставите. Репортовалъ уже о семъ и г. губернскому предводителю. Съ каковымъ прошеніемъ, при должномъ моемъ почтеніи, и пребыть честь имею, м. г., вашъ всепокорнѣйшій слуга Иванъ Ханенко.

112) Катерины Павловны Краминой, изъ с. Федоровки, 1783 г., 19 мая.

М. г. мой Григорей Андреевичъ! Чрезъ сію аказію не премину я вамъ донесть, што я оставшись после покойнова мужа моего Кондратья Петровича Битяговского с малыми сиротами, вышла замужъ за Абшеронсково пехотново полку подполковника Матвея Ильича Крамина, и неимѣя никакова сведения о деле съ господами Корсаками, а какъ вы тутъ же интересованы, то я покорно прошу меня чрезъ сево моево человѣка уведомить, какой успехъ вы имеете и решено ли оно и в вашу ли ползу и прислано ли уже в наместничество, штобъ васъ удоволствовать. Я еду в августе в Петербурхъ по другимъ моимъ деламъ, то нужно мне и о етомъ совершенное иметь сведение.

Впрочемъ с почтениемъ навсегда останусь вамъ, м. г—рю моему, пакорная услужница Катерина Крамина[1]). (*Собственноручное*).

113) Василія Ивановича Скоропадскаго, изъ Глухова, 1783 г., 16 іюня.

М. г. Григорій Андреевичъ. Между нѣкими сгорѣвшими облигами, тотъ который по справедливости мение меня тревожитъ, есть конечно вашъ, и въ сихъ мысляхъ пребывая, не посылалъ до сего времени утруждать васъ, твердо увѣренъ будучи, что лишеніе его ничему меня не подвергаетъ. Естлижъ сіе теперь творю, то единственно для того, что долженъ въ скоромъ времени отправится въ полкъ, что и побуждаетъ меня послать вамъ сего человѣка, имѣющаго всю мою довѣренность, коему прошу поручить его на извѣстную вами сумму и быть увѣренну, что всегда буду съ совершеннымъ къ вамъ почтеніемъ, м. г., вашимъ покорнымъ слугою Василій Скоропадскій[2]).

114) Василія Ивановича Скоропадскю, изъ с. Локни (Кролевецк. у.), 1783 г. 30 іюня

М. г. Григорій Андреевичъ! Приятное письмо ваше, которое я имѣлъ честь получить 26 числа текущаго мѣсяца, тѣмъ больше для меня лестно, что происходитъ отъ такого человѣка, къ которому фамилья наша имѣла особливое почтеніе, и я нахожу себя щастливымъ, что сей случай открывши путь къ вашему знакомству, являетъ мнѣ, что удостоиваете меня тою любовію, опыты которой будучи извѣстны, побуждали искать вашего дружества, которое потщусь пріобрѣсть и учинится онаго достойнымъ. А между тѣмъ увѣдомляю васъ, что хотя по учиненому между нами договору, достался облигъ вашъ сестрѣ

---

[1]) Катерина Крамина—внучка старшаго сына гетмана Апостола Ивана и дочь прапорщика Семеновскаго полка Павла Ивановича Апостола. Иванъ Даниловичъ Апостолъ былъ женатъ на Еленѣ Михайловнѣ Корсакъ, почему Крамина и была участницею въ процесѣ съ Корсаками за наслѣдство своей бабки.

[2]) О В. И. Скоропадскомъ см. Опис. Ст. Малор., I, 109.

моей, однако за особливое удовольствіе поставитъ она себѣ угождать вамъ во всякихъ случаяхъ, тѣмъ же охотнѣе теперь, что будетъ въ состояніи доказать вамъ, что нещастныя наши приключеніи не истребили того усердія, которое имѣла къ вамъ фамилья наша и съ коимъ пребуду всегда вашимъ покорнымъ слуга Василій Скоропадскій.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Къ библіографіи малорусскихъ сказокъ. Въ № 3 «Этногр. Обозр.» за 1893 годъ напечатанъ этюдъ Н. Ѳ. Сумцова «Малорусскія сказки по сборникамъ Кольберга и Мошинской». Въ настоящей нашей замѣткѣ мы имѣемъ въ виду дополнить статью г. Сумцова, указаніемъ на нѣкоторые печатные варіанты, опущенные имъ, и познакомить читателей съ нѣкоторыми новыми варіантами на затронутыя имъ темы, находящимися въ нашемъ рукописномъ собраніи и записанными въ елисаветградскомъ уѣздѣ херсонской губерніи.

Въ экскурсѣ *о завистливой женѣ купца* (№ 8) г. Сумцовымъ не указанъ варіантъ Чубинскаго, стр. 71 № 17 («Царевичъ—на потылыци звизда, а на лоби мисяць»). Въ нашемъ собраніи имѣется любопытный варіантъ, который находимъ нужнымъ привести цѣликомъ.

Про брата и сестру. Въ однимъ городи живъ купець со своею жинкою. Булы у ныхъ диты, хлопець и дивчина. Купець бувъ такый богатый, що въ городи тимъ ны було такого чоловика, щобъ винъ богачимъ бувъ за нёго. Купець бувъ всимъ счаслывый, тилько одна въ нёго була обида, що бувъ слабый. И де винъ не бувъ, кажного ликаря одвидавъ, а все таки вмеръ, а ёго жинка за нымъ затужила и худко умерла-жъ. Писля смерти купця и ёго жинки прышлы городски паны, все добро спысалы и подъ опеку виддалы, а дитей, поки выростуть, добри люды розибралы. Не дуже гарно було дитямъ безъ батька и матери, но воны вырослы, взялы отъ опеки все свое добро и сталы торговать, якъ ихъ батько. Братъ любывъ свою сестру, якъ душу, а якъ прышла та годына, що треба брату женыццця, то винъ ны хотивъ и женыцця, щобъ не розійтысь съ сестрою. Братъ часто йиздывъ по базарахъ и торгувавъ

всякымъ товаромъ, а сестра ёго дома робыла, що треба. Разъ прыйихавъ братъ зъ базару и сестри все росказавъ, що чувъ й бачывъ, и скилько грошый втурговавъ, а потимъ сказавъ: «выходь, сестро, замижъ, або я буду женыцця». Сестри заразъ не наишовся молодый, а въ брата вже була молода,—и скоро було весилля. Зразу жилось сестри зъ братомъ и нывисткою добре, а черезъ рикъ стала нывистка обижать сестру, та словамы побрихала и задумала, щобъ чоловикъ іи прогнавъ зъ двору. Братъ не слухавъ жинкы и сыстру все-таки любывъ. Разъ пишовъ братъ до одного чоловика въ гости, а жинка пишла въ хливъ и зарубала найлуччого коня, и якъ винъ прыйшовъ додому, то вона чоловикови сказала, що его сестра зарубала коня. Винъ и за це сестру не лаявъ. Баче жинка, що ныякъ ны може россердыть чоловика, и стала прыдумувать таку брехню, щобъ поставыть по своему. Пойихавъ винъ по базарамъ и съ пивъроку не бувъ дома. Ажъ прыйихавъ до дому—его жинка мала дытыну, заризала іи и на стилъ положыла. Входе чоловикъ въ хату и дывыцця; на столи заризана дытына! «А це що, жинко?»—А це наша дытына, що твоя сестра заризала!—Россердывся братъ на сестру и заразъ завизъ іи въ лисъ и отрубавъ іи рукы. Наробыла крыку вона и на іи крыкъ заразъ прыбигъ сторожъ и, чымъ знавъ тымъ личывъ іи, поки не загоивъ рукы. Не довго сторожъ державъ безруку дивку у себе; давъ іи въ торбу хлиба и прогнавъ съ хаты. Пишла безрука дивка по свиту и добры люды іи годувалы и дальше посылалы, и такъ вона съ села въ село ходыла, поки дошла до того города, де живъ царь. На степу коло того города бувъ садокъ царскій, и безрука дивка зашла въ него и тамъ проживала. Въ тимъ садку було всякихъ ягодъ доволи,—вона ротомъ яблокы и груши доставала и богацько половынокъ оставляла. Прыйихавъ разъ въ садокъ царскый сынъ и дывыцця, що яблокы и груши попсованы;—заразъ пишовъ по садку и найшовъ безруку—дивку. Довго роспытувавъ винъ іи, видкиль вона и хто іи отрубавъ рукы,—вона правды ему не сказала. А якъ йихавъ винъ до дому, взявъ съ собою безруку и такъ іи полюбивъ, що женывся на неи. Скоро писля висилля була война и винъ съ солдатами пойихавъ на войну и довго тамъ бувъ. Черезъ рикъ его жинка близнятъ мала и обыдва хлопци, и таки гарны, що такихъ и на свити ны було. Заразъ послала безручка москаля до царя извистыть, що вона породыла сынивъ, и, що знала, то въ письми напысала. Москаль съ письмомъ пойихавъ до царя и йихавъ черезъ той городъ, де безручкинъ братъ

живе. Йиде москаль по городу и ставъ пытаты, де можно переночуваты, бо бувъ уже вечеръ. Якъ разъ попавъ винъ въ той двиръ, де живъ безручкинъ братъ. Москаля ночуваты ны пускалы, а якъ росказавъ, куда йиде, и видъ кого письмо везе, то заразъ его горилкою напоилы и спать уложилы. Спавъ москаль, ажъ хропивъ, а безручкинъ братъ и жинка его взялы письмо, прочитилы, а друге написалы, що его жинка родыла двухъ цуцынятъ. Прокынувсь москаль и того ничого ны знавъ, и пойихавъ до царя. Царь письмо получивъ и якъ прочитавъ; то ны знавъ, що ему робыты съ такою жинкою. Довго туживъ царь и письмо таке написавъ: «до мого прыйизду нычего іи ны робить». Йиде москаль съ письмомъ до дому и зновъ заихавъ до брата безручкы,—такъ его добре горилкою тамъ угостылы и просылы, щобъ, якъ буде назадъ йихать, то зайихавъ бы до нихъ. Прыйизжае москаль до безручкина брата; его зновъ угостылы горилкою, ще лучче, якъ той разъ, и колы винъ заснувъ, письмо въ него взялы и друге написалы: «до мого прыйизду щобъ ны було іи духу,—або вбыйте, або повишайте!» Письмо министры получилы и прочыталы, но пожалилы іи вбиты, а зробылы дви торбынкы, повисылы на шыю и іи сынивъ въ ныхъ положилы. Пишла безручка зъ двору, гирко заплакала и нызнала, за що іи такъ Богъ покаравъ. Выйшла вона зъ города и пишла дорогою. Попадалысь іи люде добры и не добры,—вона все терпила и Богу усердно молылась. Прыйшлось іи разъ переходыть черезъ ричку, и нагнулась вона воды напыцця, а диты у ней съ торбы и попадалы въ воду. Скочыла вона въ воду и думала ихъ словиты, а чимъ, якъ нема рукъ? Но всякый знае, що Богъ мылосердный, то вона стала Бога просыты и іи Богъ давъ, що знову выросли руки и вона половыла своихъ дитей, та й пишла въ той городъ, де живъ іи братъ, и нанялась у него. Кончилась война, царь съ війскомъ вертався додому, и на счастя остановився въ тимъ городи, де жила его жинка, и въ ти хати ночувавъ. Ему не хотилось спаты и винъ спытавъ хозяина, хто въ него живе, и чи нема такого хлопця, щобъ вмивъ сказки говорить? Хозяинъ прывивъ хлопця своеи роботныци, царь подывывся на хлопця и каже; «ну, роскажи що ныбудь!» — «Я вамъ роскажу, тильки хто мене перебье, то съ того сто рубливъ!» (Хлопецъ, въ присутствіи хозяина и хозяйки, разсказываетъ судьбу своей матери; тѣ перебиваютъ его словомъ «брешешь» и платятъ штрафъ. Въ заключеніе они были повѣшены и царь снова соединился съ

своей женой). Запис. Ал. Школа въ пос. Новоархангельскѣ елисаветградскаго у.

По другому варіанту (запис. А. Янковскимъ въ д. Красноглазовой, бл. Елисаветграда), жена возненавидѣла сестру мужа за исключительное вниманіе, которое онъ оказывалъ послѣдней: «бо кажинъ разъ іи чоловикъ, якъ уходывъ у лавку, то прежъ сестри казавъ «прощай», а якъ приходывъ, то опьять сестри казавъ прежъ «здрастуй». Злая жена дѣйствуетъ по внушенію волшебницы. Убивъ дитя, она вложила сестрѣ въ руку ножъ. Въ царскій садъ безручка проникаетъ ночью, черезъ водомоину подъ заборомъ; ее подстерегли и поймали сторожа. Солдата, везущаго письмо, отправляютъ въ баню, чтобы выкрасть письмо. Безрукой привязали спереди дитя и прогнали ее, согласно подложному распоряженію мужа. Она нанимается къ брату кучеромъ и, подъ видомъ кучера разсказываетъ царевичу исторію его жены.

На тему «*Три загадки* (№ 49) въ нашемъ собраніи имѣется слѣдующая *сказка-загадка.*

Мене маты ны родыла, ны поила, ны кормыла, и я іи ны почитаю, бо я іи на рукахъ маю.

Отгадка: Бувъ соби одынъ помѣщикъ и була у его жинка, та померла, и остався винъ вдовець, та ны довго горювавъ: найшовъ соби горнышну, и та горнышна у его служила, и до того дослужилась, що ны сегодня-завтра мае родыты, та ны родыла вона ему ничого, бо померла, и вздумавъ той помѣщикъ іи поховать; та якъ побачивъ, що вона така гарна, що неначе спыть, то здумавъ заховать іи въ погреби; засвитывъ надъ нею лампадку и заперъ двери, а ключъ узявъ соби. Прыходе винъ одного дня подывыцця на покойныцю, а вона ище лучча! И каже вона ему: «возьми ножъ, разрѣжь мнѣ грудь и возьми твоего ребенка!» А якъ винъ любывъ іи, то такъ и зробывъ,—вынувъ дытыну, зашивъ іи груды, а тимъ часомъ его сынъ выросъ на три сажени вгору и каже: «поѣзжай въ тридесятое царство, тамъ моя невѣста, ты сдѣлай условіе, когда за ней пріѣзжать». Батько сказавъ: «хорошо», и оддавъ ключи сыну, а ключъ отъ погриба, де була его маты, сховавъ у себе пидъ пырыну. Якъ уйихавъ батько, то сынъ ходывъ по хозяйству и глядивъ, що тамъ е; та ны найшовъ ключа отъ одного погреба, и пишовъ винъ шукать ключъ по кимнатахъ, и найшовъ его у спальни пидъ пырыною. Оччыняе погребъ и баче: горить лампадка; винъ злякався, одначе ввійшовъ у погрибъ, чуе, що хтось говорыть у погриби

«мылое и драгоцѣнное мое чадо, иды до мене, я хочу тебѣ что-то сказать: я сейчасъ должна умереть». Винъ пидійшовъ до неи, а вона каже: «отрѣжь мою грудь, оддай чинцю, пускай вычинить и здѣлай изъ нихъ (sic) перчатки, потому что, когда пойдешь сватать невѣсту, то вона загадае тебѣ загадку: «йихало добро, сострило зло и зло со зломъ начало битця, вынуто зло и разбороныло зло со злымъ», ты же скажешь: мнѣ самому это случилось,—я ѣхалъ дорогою и увидѣлъ—змѣя дралась съ лягушкой, я вынулъ саблю и разрубалъ лягушку и змѣю», а теперь, скажи, послушайте мою загадку: мене маты ны родыла, ны кормыла, ны поила, и я іи ны почитаю, бо я іи на рукахъ маю». (Запис. В. Лутковскій, въ д. Алексѣевкѣ елисав. у.).

О *брехачѣ и побрехачѣ* (№ 52) не указанъ варіантъ Манжуры 81. У насъ имѣется три варіанта, но всѣ не важные.

Удачная продажа (№ 60). Опущены вар. Чубинскаго, 495 Драг. 332.

Мужъ и три любовника его жены (№ 65). Не указанъ варіантъ, напечатанный нами въ апрѣльской книжкѣ «Кіевской Стар.» за 1894 г.; тамъ даны нѣкоторыя литературныя указанія.

Про дѣдовы козы (№ 70). Можемъ указать слѣдующіе варіанты: Рудченко I, 43 № 25, Мордовцевъ, Малор. лит. сб. стр. 361 № 9 Закревскій, Стар. банд. I, 35 № 34, Антоновичъ и Драг. I, 138 № 37, 134 № 36; у Чубинскаго, на котораго у г. Сумцова есть общее указаніе, можемъ указать №№ 128 и № 26 на стр. 947.

При разсмотрѣніи сборника Мошинской въ экскурсѣ № 6 «*Про милосерного хлопця*» опущенъ обширный вар. Чубинскаго. 52 № 14.

На тему о *мачихѣ и ея дочкѣ* (№ 9) у насъ имѣется варіантъ который считаемъ нужнымъ привести цѣликомъ, такъ какъ, кромѣ сборника Мошинской, мало извѣстнаго русскимъ этнографамъ, другого малороссійскаго варіанта въ печати намъ неизвѣстно.

Дидъ и баба. Жилы соби дидъ и баба, и у ихъ була дочка. Якъ було уже доцци восемнаццять годъ, то іи маты умерла. Дидъ жинывся на другый жинци, и въ тыи жинки була дочка тоже. Мачиха ны любыла дидовой дочкы, вона же надоидала дидови, щобъ винъ выгнавъ дочку. Дидъ поклыкавъ до себе дочку и сказавъ «іи; твоя матиръ тебе ны любе и каже мини, щобъ я тебе выгнавъ; иды куда ныбудь служить!» Тоди дочка дидова попрощалась за батькомъ и пишла соби. Иде вона по полю, а передъ нею стоить обвалена пичь. Пичь та и просе іи: «поправъ мене, я тоби у прыгоди стану!»

Тогда дивка взяла, поправила пичь и пишла дальше. Иде вона, а передъ нею стоитъ обвалена крыныця и каже іи: «поправъ мене, поставъ на мисто доскы, я тоби колысь въ пригоди стану!» Та дочка взяла, поправила крыныцю и пишла соби прямо въ городъ и нанялась служить у однией барыни. Служыть вона у неи годъ, другый; на другый годъ барыня сказала іи: «пошукай у мене въ голови!» Та взяла грибинець и начала ськать. Въ то времня у дивкы съ ока упала здорова горяча слеза, прямо барыни на лыце. Барыня тоди встала и пыта іи: «за кимъ ты скучила, за батькомъ, чи за матерью!» — «За батькомъ».—Барыня тоди іи сказала: «ну, колы ты скучила, то иды въ коморю, выбери соби якый ты хочишь сундукъ и иды до дому». Якъ пишла вона въ коморю, то побачила, що тамъ есть багато разныхъ сундуквъ—ловкихъ и поганыхъ. Дивчина взяла найпаганійшій сундукъ и пошла соби до дому. Иде вона додому, а іи навстрѣчу попалась крыныця, така ловка, шо та ажъ злякалась, а наверхъ воды плавае золотая чашка. Дивка тоди взяла чашку, напылась воды, поблагодарила крыныци и пишла въ путь. Иде вона, а іи навстричу попадаиццся пичь,—вымазапа, така брава, а въ іи лежать калачи и разны кушанья. Дивка тоди выняла все съ печи, наилась, поблагодарыла и пишла додому. Якъ прійшла вона додому, то показала батькови сундукъ. Батько оччынывъ сундукъ и побачывъ, шо въ ему есть золото та серебро. Мачихина дочка позавыдовала дидовой доцци и сказала матери своей: «я пиду служить, може и мини Богъ поможе достать золото!» Пишла вона въ той самый городъ служить. На дорози попалась іи та сама пичь и каже іи: «поправъ мене, бачъ, яка я упять разваляна!» А та іи сказала: «вишь яка! буду для неи батькови та материны руки марать!» Та пичь ничого іи не сказала, а дочка мачихина пишла дальше. Иде вона, іи попадаиццся на встрѣчу крыныця и каже: «подчыны мене, бачъ, яка я разваляна!» Та сказала іи: «убирайся соби изъ своею поправкою! шо я для тебе буду руки марать!»—сказала и пишла дальши. Прійшла вона въ городъ и нанялась къ тои самои барыни. Разъ барыня въ недилю пишла въ церкву, и роботници приказала сварыть обидъ. Та роботныця взяла у іи дитей поодризувала у одного палыць, а у другого ногу, наварила обиду и поставила на стилъ; тоди выйшла съ хаты, пишла въ коморю, выбрала самый луччый сундукъ и утикла. На дорози іи попадаиццся крыныця, уже прибрана, ловка, и поверхъ воды плавае золота чашичка. Та хотила взять, напыцця воды, но тики простягне руку, чашка заразъ потоне. Довго вона морочилась, но не

могла піймать, такъ и пишла дальше. Иде, а навстричу іи пичь, а въ іи лежать брави булки. Вона хотила достать, но заслонка заразъ закрылась, такъ вона и тутъ ны могла достать и пишла до дому. Якъ прійшла вона до дому, то війшла швыдче у хату и показала матери сундукъ. Мать роскрыла сундукъ, а въ сундуку булы тики мыши, жабы, крысы. То дивчина розызлилась, но ничого було робыть. Взяла, въ своей коморци выкопала крыныцю и выкынула все туда изъ сундука. Въ те время якъ прійшла вона до дому, дидова дочка уже выйшла замижъ. Мачихина дочка була уже зла на дидову, узяла іи до себе въ хату и зробыла ласточкою, а сама пишла до іи чоловика и стала жинкою замѣсто неи. У тыеи дочкы уже була дытына, и роботныця цилу ничь коло неи сыдила. Якъ прійде ничь, то ластивочка заразъ прылетыть до дверей и просыцця у роботныци въ хату покормыть дытыну. Іи чоловикъ це замитывъ и якъ вона прылетила у хату, винъ схватывъ іи и додержавъ до свита, а днемъ роспытавъ іи все, и вона ему росказала усе, якъ було. Тоди винъ россердывся на мачухину дочку и убывъ іи, а самъ живъ та поживавъ, та добра наживавъ. (Запис. отъ крест. мальчика изъ м. Плетеный Ташлынъ елисав. у.).

Про сучича (№ 10). Не указаны варр. Рудченко II, № 23. Манжуры 24); у Чубинскаго можемъ указать въ II т. № 68 на стр. 252 и № 99 на стр. 256 и въ I т. 312; конецъ сказки у Максимовича II, 487. Въ нашемъ собраніи есть варіантъ изъ д. Красноглазовой, запис. А. Янковскимъ, изъ котораго приводимъ оригинальное начало сказки.

Чабанъ Картоусовъ. Живъ-бувъ царь, захотивъ винъ найнять до свого стада овець чабана, пидъ тымъ условіемъ, щобъ у стади ни було ни убытку, ни прибытку, и щобъ винъ пасъ симь литъ. Обозвался одинъ Чабанъ Картоусовъ: «я выпасу». Выйшовъ у поле зъ вивцями и каже: «гей, штыри, быри, семь сотъ и чотыри, семь годъ попасу, царя съ царьства ссадю!» Почулы це цареви слуги и донесли до царя. Вюгонить чабанъ на другій день вивци, и царь выславъ своихъ слугъ. Опьять чабанъ каже: «гей, штыри, быри, семь сотъ и чотыри, семь годъ попасу, царя съ царьства ссадю.» Слуги опьять донесли до царя. На третій день вже самъ царь выйшовъ послухать, чи правда тому, що ему казалы его слуги. А чабанъ, якъ выгнавъ вивци, та й каже опьять и при царю: «гей, штыри, быри, семь сотъ и чотыри, семь годъ попасу, царя съ царьства ссадю!» А царь и говорить: «ни, чабанъ Картаусовъ, ты мене

ни ссадышь съ царства». Чабанъ на це саме и каже царю: «дайте мини дванадцять совдатъ и двинадцять колодивъ картъ». Царь ему давъ то, чого винъ просывъ. Чабанъ узявъ исъ собою совдатъ и карти и пiйшовъ до змія (Дальше слѣдуетъ разсказъ о борьбѣ со зміями съ общеизвѣстными подробностями, въ концѣ концовъ царь уступаетъ чабану царство). Въ приведенномъ варіантѣ, между прочимъ, обращаетъ на себя вниманіе имя героя, которое не извѣстно печатнымъ варіантамъ. Въ другомъ, имѣющемся у насъ, варіантѣ фигурируетъ это же имя, въ нѣсколько измѣненной формѣ и въ приложеніи не къ чабану, а къ царю: «бувъ царь Картаусъ, безъ бороды и безъ вусъ, и не мавъ дитей»; далѣе слѣдуютъ извѣстныя подробности о чудесномъ зачатіи отъ съѣденной рыбы и о подвигахъ Ивана царевича, кобылевича и сучкевича.

В. Ястребовъ.

Собраніе древностей Ч. В. Хвойки въ Кіевѣ. Благодаря любезности владѣльца, намъ недавно удалось осмотрѣть его коллекцію мѣстныхъ древностей. Ч. В. Хвойка, чехъ по національности, задался цѣлью собрать все, болѣе или менѣе характеризующее прошлое древнѣйшей русской области. Результатомъ пятилѣтнихъ усилій явилась небольшая, но, во многихъ отношеніяхъ, очень цѣнная коллекція. Мы не намѣрены входить здѣсь въ детальное описаніе всѣхъ предметовъ, составляющихъ эту коллекцію, ограничимся лишь общимъ обозрѣніемъ съ цѣлью главнымъ образомъ показать, что можно сдѣлать даже единичными усиліями и при сравнительно небольшихъ средствахъ, умѣло и толково относясь къ дѣлу. Начнемъ съ первобытнѣйшихъ древностей. Два года тому назадъ, на Кирилловской улицѣ, случайно были открыты слѣды человѣка палеолитической эпохи; они подробно обслѣдованы профессорами Антоновичемъ и Армашевскимъ, и находку эту можно считать самой древней среди немногочисленныхъ другихъ такого рода, обнаруженныхъ до сихъ поръ въ Россіи. Умѣстнымъ будетъ здѣсь замѣтить, что благодаря именно г. Хвойкѣ, впервые обратившему вниманіе на эти рѣдкіе остатки первобытной культуры, и было возможно изслѣдовать ихъ на мѣстѣ, въ нетронутомъ еще видѣ, что является необходимымъ для опредѣленія эпохи, такъ какъ въ подобнаго рода находкахъ громадное значеніе имѣетъ точное опредѣленіе геологическаго ихъ положенія; предметовъ изъ этой находки въ собраніи г. Хвойки немного—нѣсколько отбив-

ныхъ кремней, куски костей мамонта, вмѣстѣ съ которыми найдены кремни; самый цѣнный экземпляръ—кремневое ядрище со слѣдами отколотыхъ орудій, ясно показывающее, что въ данномъ случаѣ мы дѣйствительно имѣемъ дѣло съ искусственной обработкой кремня. Гораздо полнѣе и разнообразнѣе, какъ и слѣдовало ожидать, представлена неолитическая эпоха.

Въ томъ же мѣстѣ, гдѣ найдены предметы палеолитическаго періода, только въ болѣе высшихъ слояхъ, г. Хвойкой собранъ довольно полный подборъ орнаментированныхъ черепковъ, кремневыхъ орудій и два очень интересныхъ экземпляра костяныхъ долотъ; изъ другихъ такъ называемыхъ стоянокъ неолитической эпохи, есть коллекція изъ песчаныхъ бугровъ, лежащихъ между м. Трипольемъ и с. Злодіевкой; стоянка эта открыта нами въ 1888 году [1]) и, по массѣ находимыхъ тамъ предметовъ, является одной изъ самыхъ богатыхъ среди другихъ приднѣпровскихъ. Сходныя по содержанію небольшія коллекціи есть также и изъ овруцкаго у. волынской губ. Превосходный образецъ посуды каменнаго вѣка представляетъ большой горшокъ, найденный на стоянкѣ, также открытой нами на берегу Днѣпра между Кіевомъ и Вышгородомъ. Предметовъ изъ стоянокъ въ общемъ немного, но они вполнѣ достаточны для характеристики, такъ какъ вообще такого рода стоянки по составу даютъ все одни и тѣ-же типы. Въ гораздо большемъ числѣ собрана коллекція шлифованныхъ каменныхъ орудій; здѣсь можно встрѣтить всѣхъ представителей, начиная съ кремневыхъ клиньевъ (по большей части изъ овруцкаго у.), кончая превосходно сработанными топорами, молотами, украшенными иногда гравированнымъ или оброннымъ орнаментомъ; отмѣтимъ тутъ выдающіеся по величинѣ топоры-клинья изъ кіевск. губ., нѣсколько недоконченныхъ орудій и очень рѣдкій экземпляръ шлифовальнаго камня, на которомъ отдѣлывались оружія; повторяемъ—коллекція шлифованныхъ, спорадически найденныхъ орудій, по количеству и типамъ не оставляетъ желать ничего лучшаго. Нашъ край не богатъ бронзой,—это отразилось и на собраніи г. Хвойки; предметовъ этого періода всего нѣсколько штукъ, между ними заслуживаютъ вниманія часть широкаго бронзоваго браслета со спиральнымъ орнаментомъ и бронзовая булава; въ собраніи было также

---

[1]) См. „Кіев. Стар.“ 1890 г., апрѣль—„Первобытный человѣкъ на берегахъ р. Днѣпра вблизи Кіева“.

два бронзовыхъ ножа, что представляетъ для нашей мѣстности положительную рѣдкость, но они поступили въ Имп. Археологич. Коммиссію. Не останавливаясь на скифскомъ періодѣ,—предметовъ этого періода въ собраніи почти нѣтъ, и объясняется это тѣмъ, что г. Хвойка раскопками кургановъ не занимается (по той-же причинѣ отсутствуютъ и предметы языческаго славянства), переходимъ къ великокняжеской эпохѣ. Усложнившаяся жизнь, культура, сдѣлавшая большіе шаги впередъ, имѣли результатомъ увеличеніе числа и формъ тѣхъ предметовъ домашняго обихода, которые являются выразителями внѣшней стороны этой культуры; собрать все, такъ или иначе характеризующее эту эпоху, конечно не подъ силу не только частному лицу, но даже и общественному учрежденію,—г. Хвойка и не имѣлъ въ виду такихъ широкихъ цѣлей; ограничившись однимъ только видомъ предметовъ, онъ достигъ въ этомъ отношеніи блестящихъ результатовъ, предметы эти—гончарство великокняжеской эпохи, главнымъ образомъ въ мелкихъ его представителяхъ; подборъ ихъ составляетъ очень цѣнную и, можно сказать, единственную въ своемъ родѣ коллекцію; особенно интересны тѣ фабричныя клейма, которыми снабжали сосуды, они ждутъ подробнаго и тщательнаго изслѣдованія. Довольно многочисленъ также отдѣлъ желѣзныхъ предметовъ –разнаго рода орудія, вооруженія; есть также нѣсколько представителей типичныхъ для этого періода украшеній, достигшихъ уже въ то время высокой художественности и изящества. Обращаемъ вниманіе на предметы, найденные на Флоровской горѣ (Киселевкѣ); ихъ много—костяные, бронзовые, глиняные; многочисленны и своеобразны костяныя издѣлія,—несомнѣнно, что на Флоровской горѣ существовало производство ихъ, на что указываютъ начатые отдѣлкой, недоконченные экземпляры, замѣчательную по рѣдкости вещь представляетъ небольшая рѣзная изъ кости фигурка человѣка, играющаго на инструментѣ вродѣ балалайки; къ сожалѣнію, голова этой фигурки не сохранилась; другой рядъ предметовъ говоритъ о томъ, что тутъ же изготовлялись и металлическіе предметы—крестики, украшенія и т. д., въ собраніи г. Хвойки есть нѣсколько формъ для отливки ихъ; формъ, найденныхъ на горѣ Киселевкѣ и пріобрѣтенныхъ г. Хвойкой, было гораздо больше, но большинство ихъ поступило въ Имп. Археол. Коммиссію. Въ 1888 году, при осмотрѣ мѣстности, лежащей за оградой Флоровскаго монастыря, въ рытвинахъ и обвалахъ нами было подобрано нѣсколько мелкихъ вещичекъ великокняжеской эпохи; впо-

слѣдствіи число ихъ увеличилось, и въ свое время [1]) я высказалъ предположеніе, что гора Киселевка входила въ составъ древняго Кіева,—предположеніе это теперь подтверждается; мѣстность эта заслуживаетъ особаго вниманія, тамъ необходимо произвесть правильныя раскопки и сохранить такимъ обр. ее отъ тѣхъ хищническихъ набѣговъ разныхъ промышленниковъ, которымъ она теперь подвергается. Великокняжеской эпохой и заканчивается собраніе г. Хвойки. Изъ болѣе поздняго времени г. Хвойкой была собрана прекрасная коллекція малорусскихъ вышивокъ, представляющихъ верхъ совершенства какъ по узорамъ, такъ и по выполненію; вышивки эти относятся по прошлому столѣтію; сдѣланы шелкомъ на холстѣ и употреблялись обыкновенно для обшивки подрызниковъ. 60 штукъ ихъ передано въ Пражскій музей. Г. Хвойка обратилъ вниманіе и на малорусскіе ковры, очень интересные по орнаменту, нѣсколько штукъ ихъ также отослано въ Прагу.

Для нашего края собраніе древностей г. Хвойки представляетъ большой интересъ; ограничиваясь пространствомъ древностей кіевской земли, собраніе даетъ богатый матеріалъ для характеристики тѣхъ ступеней культуры, которыя прошла данная мѣстность; помимо этого, оно вызываетъ также и спеціальный интересъ, заключая въ себѣ рѣдкіе и даже единственные въ своемъ родѣ предметы. Цѣнность собранія увеличивается еще и тѣмъ, что составлялось оно съ полнымъ знаніемъ дѣла,—фальшивыя вещи почти совершенно отсутствуютъ (чѣмъ не могутъ похвалиться другія частныя кіевскія коллекціи), ведется точная регистрація поступаемымъ предметамъ, обозначается мѣсто ихъ находки (въ чемъ также можно упрекнуть нѣкоторыхъ кіевскихъ собирателей древностей), болѣе выдающіеся изъ нихъ зарисовываются.

Мы не знаемъ, какое назначеніе думаетъ дать своему собранію г. Хвойка; очень возможно, что предназначилъ онъ его для богатѣйшаго по содержанію музея родной ему Праги. Но во всякомъ случаѣ, мы должны быть очень благодарны ему за то, что своими усиліями и энергіей онъ сберегъ отъ гибели, сберегъ для науки тѣ дорогіе остатки былой жизни нашего края, беречь которые мы сами еще не умѣемъ. **Ник. Бѣляшевскій.**

---

[1]) См. „Кіев. Стар." 1888 г. № 8,—„Слѣды великокняжеской эпохи на горѣ Киселевкѣ"; а также „Кіевск. Стар." 1888 г. № 9.

Запорожецъ Константинъ Вира. Въ 1874 году, хорошо помню, въ нѣсколькихъ петербургскихъ газетахъ помѣщено было извѣстіе о смерти козака Константина Виры, умершаго въ томъ году, на 105 году отъ рожденія. О немъ сообщалось не только какъ о человѣкѣ, достигшемъ глубокой старости, но и какъ объ одномъ изъ послѣднихъ запорожцевъ. Послѣднее, конечно, не вѣрно, такъ какъ если К. Вира умеръ въ 1874 году на 105 году отъ рожденія, то родился онъ, слѣдовательно, въ 1769 году, т. е. всего за 6 лѣтъ до «зруйнования Сичи» (3 іюня 1775 г.), а, слѣдовательно, не могъ быть не только въ составѣ запорожскаго «товариства», но даже и такъ называемымъ «молодыкомъ при боку» какого либо запорожца. Но, по всей вѣроятности, происхожденіе его было запорожское, дѣтскіе годы проведены имъ были среди запорожской обстановки, и, оставаясь послѣ «зруйнования Сичи» на Запорожьи, гдѣ долго еще жили запорожскія традиціи и воспоминанія, онъ могъ многое помнить и разсказать о Запорожьи. Это, быть можетъ, и подало поводъ назвать его однимъ изъ послѣднихъ запорожцевъ. Къ сожалѣнію, въ тѣхъ газетныхъ извѣстіяхъ, на сколько я помню, не было никакихъ другихъ о немъ свѣдѣній, кромѣ указанныхъ выше. Разбирая недавно бумаги покойнаго одесскаго книгопродавца и издателя В. И. Бѣлаго, главнымъ образомъ матеріалы, предназначенные имъ для предполагавшагося къ изданію малорусскаго литературнаго сборника, я между прочимъ встрѣтилъ письмо отъ 5 апрѣля 1874 года, съ стихотворнымъ при немъ посланіемъ, писанное на листѣ сѣрой бумаги старинным почеркомъ, подписанное: «Запорожецъ Константинъ Вира. Губернскій секретарь», съ собственноручною надписью В. И. Бѣлаго: «Останній Запорожець». Никакихъ замѣтокъ о происхожденіи этого письма и объ авторѣ его въ бумагахъ В. И. Бѣлаго не оказалось, какъ равно и въ печатныхъ источникахъ, кромѣ указаннаго газетнаго сообщенія о смерти К. Виры, никакихъ свѣдѣній о немъ я не нашелъ. Но сопоставленіе содержанія письма и посланія съ газетнымъ сообщеніемъ, мнѣ кажется, даетъ достаточно основаній къ догадкѣ, что авторъ письма и есть именно тотъ самый Константинъ Вира, о смерти котораго сообщалось въ газетахъ, такъ какъ самъ онъ называетъ себя запорожцемъ и жалуется на свою дряхлость. Къ сожалѣнью, разспросы мои о немъ въ Одессѣ не дали никакихъ положительныхъ результатовъ. По слухамъ однакожъ передавали мнѣ, что въ началѣ семидесятыхъ годовъ дѣйствительно появлялся иногда въ Одессѣ старый Запорожецъ, жившій гдѣ-то недалеко отъ Одессы. Онъ бывалъ у

товарища Н. И. Костомарова—Н. Савича, умершаго въ Одессѣ въ 1892, и у другихъ одесскихъ старожиловъ, любителей мѣстной старины, которые помогали ему. Былъ онъ человѣкъ довольно грамотный, разсказывалъ о Запорожьи, но по всей вѣроятности, въ разсказахъ его ничего особенно интереснаго не было, вслѣдствіе чего они никѣмъ и не записаны или, по крайней мѣрѣ, не опубликованы; по его разсказамъ, онъ дѣйствительно былъ козакъ, но конечно не запорожскій, а, вѣроятно, былъ въ составѣ такъ называемыхъ «вѣрныхъ козаковъ», организованныхъ княземъ Потемкинымъ изъ запорожскихъ «недобыткивъ» въ 1788 г., изъ которыхъ впослѣдствіи образовано было Черноморское (нынѣ Кубанское) козачье войско; потомъ перешелъ въ гражданскую службу и служилъ въ какой-то палатѣ, гдѣ и дослужился до чина. Эти отрывочныя свѣдѣнія находятъ подтвержденіе въ приводимомъ ниже письмѣ К. Виры и особенно въ стихотворномъ его посланіи, гдѣ онъ сообщаетъ нѣкоторыя автобіографическія свѣдѣнія и жалуется на свою тяжкую долю, замѣчая не безъ ироніи, что «губернського заслужывъ, а на хлибъ не заробывъ» и что «голодный не заснешъ—погана натура». Посланіе это, какъ видно, и было для него средствомъ обращенія къ благотворительности разныхъ лицъ и такимъ образомъ могло попасть къ В. И. Бѣлому или непосредственно отъ самого К. Виры, или же добыто имъ отъ кого либо изъ тѣхъ лицъ, къ которымъ К. Вира обращался за помощью. Судя по тому, что въ бумагахъ В. И. Бѣлаго вмѣстѣ съ оригиналомъ этого документа имѣется и копія, писанная такимъ же почеркомъ, коимъ списаны всѣ матеріалы для упомянутаго, неосуществившагося малорусскаго сборника, документъ этотъ предназначался для помѣщенія въ томъ сборникѣ, но повидимому безъ всякихъ объясненій, кромѣ приведеннаго заглавія: «Останній Запорожець», надписаннаго рукою В. И. Бѣлаго. Печатаемъ этотъ, во всякомъ случаѣ любопытный, документъ съ точнымъ сохраненіемъ правописанія подлинника.

М. Комаровъ.

Милостивій Государь

Имя вашего иотечества незнаю, а прошу васъ всепокорнѣйше подательницею сего объявиге имя ваше потчество инеоставтѣ моей прозьби пособитѣ моему бѣдному состоянію, жертвуйтѣ вчемъ только будетъ милость ваша на меня безъ помощного инемощного и пригла-

ситѣ еще богомислящихъ господъ неокажетъ ли кто милости инапишитѣ имена родителей вашихъ, тоя буду читать псалтиръ за усобшихъ какъ иза протчихъ, ибо тѣмъ только и питаюсь. (*Далѣе въ письмѣ написано*):

Чувъ я вчора отъ панивъ
дають хлибъ голоднимъ,
а я три дни якъ неивъ
хоть и благороднiй
кого просить я незнаю
А голодъ все мутить
Куска хлиба я немаю
мене бида жучить
колись було хоть христяни
мене поживляли
теперъ сами скотъ, жупани,
на хлибъ позбували.
Заробити нема сили
просити стидюся,
дуже старiй и ставъ хилый
въ дугу изогнувся.
бо голоднiй не заснешъ,
погана натура.
съ горемъ викъ увесь живешъ
и ста́ра нездужа.
нема кому заробити
на кусокъ святого,
добри люди пособите,
подайте старому.
служивъ колись у козака́хъ
посли у палати,
бувъ я часто на бувакахъ
якъ у теплiй хати,
тоди бувъ я молодiй
усе переносивъ
а теперъ я ставъ старiй
не бачу лидъ носомъ.
Губернскаго заслуживъ,
медальку на груди,
а на хлибъ инезаробивъ
хоть би на тры пуди.
пособите добри люди
подайте хто зможе,
завасъ Бога молить буду,
помилуй васъ Боже

Вашъ покорній слуга
Запорожецъ, Константинъ Вира.
Губернскій Секретарь

Апреля 5-го дня
1874 Года.

Утѣсненіе кіевскихъ мѣщанъ военнымъ постоемъ въ 1763—64 г.г. Военные постои представляли въ прошлое время одну изъ самыхъ тяжелыхъ повинностей для обывателей вообще. Но тяжесть эта была особенно чувствительна въ Кіевѣ, потому что кіевскіе мѣщане признавали эти постои нарушеніемъ правъ и привилегій города. Законнымъ признавалось лишь предоставленіе отъ города квартиръ «проѣзжающимъ» черезъ городъ чинамъ, посылаемымъ отъ высшаго правительства; затѣмъ мирились съ «переходящими» командами, но когда таковыя оставались въ городѣ долго— мѣщанство роптало, а когда такихъ «командъ» собиралось много— являлись и враждебныя съ ними столкновенія магистрата и всего мѣщанскаго населенія. Во второй половинѣ прошлаго столѣтія эти тягости военныхъ постоевъ чувствуются особенно рѣзко.

Наибольшею непріязненностію отличались отношенія кіевскаго магистрата и всего Подольскаго населенія къ пребывавшимъ довольно долго въ Кіевѣ гусарамъ, при самомъ расквартированіи которыхъ въ городѣ возникли большія затрудненія, при чемъ обнаружилось не малое самовольство гусарскаго начальства и явная по отношенію къ нему слабость власти кіевскаго генералъ-губернатора.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1763 г. Молдавскій гусарскій полкъ потребовалъ отъ кіевскаго магистрата отвода 1489 квартиръ. Ожидая въ то же время вступленія въ городъ и коннаго полка и заботясь о томъ, чтобы при этомъ размѣщеніи полковъ «бѣдному народу напрасной обиды и утѣсненія не было», магистратъ распорядился произвести предварительно «вѣрную опись дворовъ вѣдомства магистратскаго». Опись эту произвели три магистратскіе урядника совмѣстно съ полковыми квартермистрами. Оказалось всѣхъ такихъ дворовъ 1947, изъ которыхъ и отведено было 878 для размѣщенія Молд. гус. полка. Квартиры были распредѣлены такъ: «артил. канон. полку, начавъ отъ Рождественской башни, лѣвою стороною по мостовую Притиско-Николаевскую улицу, а Молд. гус. полку отъ той же башни правою стороною по тую жъ улицу, выключая токмо улицу ту, ко-

торая оставлена для имѣючого возвратитись съ турецкой области посланника князя Долгорукова». Но военные люди, нарушивъ установленный магистратомъ порядокъ, сами занимали многія квартиры, почему и оказалось, что на квартирахъ, предназначенныхъ для гусаръ, стали артилеристы и обратно. Гусары самовольно заняли, между прочимъ, и нѣсколько такихъ домовъ, которые, принадлежа магистратскимъ урядникамъ, освобождались отъ постоя. Жалобы магистрата по этому поводу оставались безъ всякихъ послѣдствій. Не помогали и предписанія генералъ-губернатора объ освобожденіи занятыхъ гусарами домовъ магистратскихъ чиновниковъ. Чтобы выжить гусарскаго маіора Бедрягу изъ самовольно занятаго имъ дома, магистратъ отвелъ этотъ домъ подъ помѣщеніе ожидавшагося тогда чрезвычайнаго посла и увѣдомилъ объ этомъ генералъ-губернатора, который уже съ своей стороны предписалъ полковому командиру бригадиру Подгоричани очистить занятую Бедрягой квартиру. Но бр. Подгоричани вмѣсто немедленнаго исполненія этого предписанія представилъ въ своемъ доношеніи такое затрудненіе: квартира де маіору Бедрягѣ была отведена письменнымъ генералъ-аншефа Олица ордеромъ, «а въ которую ему нынѣ войти, въ повелѣніи В. В. П--ва не приказано». Испрашивая по этому вопросу особой резолюціи, бр. Подгоричани указалъ на нѣсколько домовъ не занятыхъ, въ которыхъ по его мнѣнію, какъ въ болѣе удобныхъ, и слѣдуетъ отвести помѣщеніе для ожидаемыхъ пословъ, россійскаго и турецкаго, если же генералъ-губернаторъ найдетъ это почему-либо невозможнымъ и желаетъ отвести именно то помѣщеніе, которое занялъ маіоръ Бедряга, то пусть этому послѣднему самъ же укажетъ квартиру въ одномъ изъ поименованныхъ домовъ [1]).

Если вмѣсто точнаго и немедленнаго исполненія приказанія генералъ-губернатора бр. Подгоричани позволялъ себѣ дѣлать подобнаго рода представленія, то какъ онъ могъ относиться къ распоряженіямъ магистрата?

Весною 1764 г., уже по распоряженію генералъ-губернатора, была сдѣлана новая обстоятельная опись домовъ и въ нихъ жилыхъ покоевъ на Подолѣ и въ его предмѣстьяхъ. Опись эта была сдѣлана

---

[1]) „Изъ лутчихъ квартиръ, сказано въ донесеніи Подгоричани,—порозжими стоятъ: 1) каменный домъ директора Карасева въ лутчихъ покояхъ, 2) купцовъ Степана Андреева и 3) Ивана Андреева, 4) мѣщанина Доброгорскаго, 5) Капитянскаго, 6) войта Сычовскаго“.

секундъ-маіоромъ Ромадинымъ вмѣстѣ съ опредѣленными отъ магистрата урядниками съ тою же цѣлью—упорядочить расквартированіе ожидавшихся въ Кіевъ войскъ. По этой описи оказалось на Подолѣ 2139 дворовъ, въ Сырцѣ 28, въ Преоркѣ 148 и въ Куреневщинѣ 94, а всего 2454 двора, въ которыхъ можно было назначать постои [1]).

Генералъ-губернаторъ предписалъ оставить сто дворовъ въ запасѣ для пріѣзжающихъ въ Кіевъ по разнымъ дѣламъ чиновъ, не отводя ихъ для прибывшихъ въ городъ полковъ—перваго канонирскаго и Молдавскаго гусарскаго. Послѣдній, какъ видно, былъ особенно неумѣренъ и привередливъ въ своихъ требованіяхъ. Такъ, въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1764 г. командиръ Подгоричани представилъ генералъ-губернатору вѣдомость о числѣ необходимыхъ для его полка квартиръ. Генералъ-губернаторъ нашелъ его требованія черезмѣрными, а отводъ квартиръ для «партикулярныхъ оного Молдав. гус. полка офицерскихъ служителей» незаконнымъ и предписалъ «довольствоваться тѣмъ строеніемъ, какое у обывателей найтиться можетъ, не чиня при томъ имъ никакова утѣсненія и отягощенія; что жъ принадлежитъ до рядовыхъ, то оные долженствуютъ разставлены быть на квартиры по толикому числу, по коликому въ которой домъ *кіевскій магистратъ по свѣдѣнію своему, смотря по состоянію жилья, назначитъ*».

Въ этомъ распоряженіи нельзя не видѣть нѣкоторой защиты магистрата и его правъ по отношенію къ отводу квартиръ, правъ, которыя такъ безцеремонно нарушались такими квартирантами, какъ гусары.

Нѣкоторые изъ кіевскихъ обывателей, имѣя въ виду указъ Пр. Сената отъ 19-го генваря 1764 г. [2]) и желая защитить собственное жилье отъ всякихъ постояльцевъ, строили въ своихъ дворахъ особыя для солдатъ квартиры; но и это, какъ видно, не всегда избавляло ихъ отъ вторженія въ собственное ихъ жилье. Такъ, мѣща-

---

[1]) Эта опись показала на Подолѣ значительно больше дворовъ, чѣмъ прошлогодняя (на 192 двора), что объясняется, по всей вѣроятности, тѣмъ, что въ последнюю опись могли войти не только „домовѣдомства магистратскаго", но и принадлежавшіе лицамъ не магистратскаго вѣдомства, каковыхъ было на Подолѣ не мало, а кромѣ того вошли и дома, освобожденные отъ постоя.

[2]) „Буде кто изъ обывателей пожелаетъ для постою солдатъ особыя квартиры построить, въ томъ имъ позволить съ тѣмъ, что въ домахъ, гдѣ жительство они имѣютъ, постою никогда ставлено не будетъ".

нинъ Петръ Дубровскій и мѣщанка Новицкая жаловались генералъ-губерантору на то, что, не смотря на построенныя ими въ своихъ дворахъ особыя квартиры для солдатъ, и собственное ихъ жилье занято было гусарами самовольно. Кромѣ того, гусары разобрали во дворѣ Новицкой новую избу и большой амбаръ, подъ которымъ отецъ Новицкой лилъ колокола, и построили на ея дворѣ для всего эскадрона конюшни, вымостивъ ихъ досками изъ разобраннаго забора. Генералъ-губернаторъ послалъ ордеръ о неутѣсненіи Новицкихъ, но какъ это было выполнено—неизвѣстно.

Тогда же жаловался и магистратскій инстигаторъ Гавріилъ Ядрило на самовольное и насильное занятіе его дома канон. полка поручикомъ Татищевымъ, не смотря на то что домъ этотъ былъ оставленъ для пріѣзжающихъ чиновъ. Когда унтеръ-офицеры, доставивши во дворъ Ядрила сѣно и лошадей поручика Татищева, сказали послѣднему, что де Ядрило не хочетъ пускать къ себѣ постою безъ магистратскаго квартермистра, то Татищевъ «слѣзъ съ лошади и, браня матерно его, Ядрилу, и беручи въ руки трость, сказывалъ: вотъ де ему, сукину сыну, дамъ знать магистратскаго квартермистра». Боясь насилія со стороны команды Татищева, Ядрило нѣсколько ночей не ночевалъ дома, пока не послѣдовалъ, по его жалобѣ, ордеръ генералъ-губернатора въ защиту его отъ такого утѣсненія.

Нѣкоторые изъ гусаръ, расположившись на квартирахъ въ мѣщанскихъ домахъ, завели у себя шинки, что и вызвало цѣлый рядъ жалобъ со стороны магистрата не только къ мѣстному начальству, но и Пр. Сенату.

Одинъ изъ кіевскихъ мѣщанъ, нѣкто Чернявскій, задолжавшись своимъ землякамъ, бѣжалъ за границу, а затѣмъ появился въ Кіевѣ уже въ качествѣ гусара. Опознавшіе его кредитофы представили его въ магистратъ, гдѣ онъ и былъ арестованъ, «незавѣдомо, что онъ состоитъ въ гусарахъ». Подъ арестомъ же Чернявскій «по своимъ шалостямъ и непостоянству» причинилъ сторожу побои и обрѣзалъ ему ножомъ руку, почему и былъ, по жалобѣ сторожа, «въ страхъ другимъ, дабы и прочіе, смотря на его, того учинить не дерзали, легкимъ наказаніемъ наказанъ». Этотъ случай подалъ поводъ бр. Подгоричани жаловаться на самоуправство магистрата по отношенію къ гусарамъ, нѣсколько жалобъ которыхъ и препровождено было къ генералъ-губернатору. Важнѣйшею изъ нихъ была жалоба поручика Лешкевича на райцу Іосифа Гудиму, въ домѣ котораго онъ квартировалъ.

Видя, что поручикъ Лешкевичъ занялъ весь дворъ своимъ сѣномъ, Гудимъ, находясь яко бы въ «безчувственномъ весьма пьяномъ образѣ», сталъ выражать по этому поводу свое неудовольствіе «съ немалою суровостію и съ великимъ крикомъ и съ поношеніемъ чести, не снимая съ своей головы шапки, употребляя поносныя и грубыя рѣчи»; а на вопросъ офицера,—гдѣ же ему сложить сѣно, Гудимъ отвѣчалъ: «въ пазуху себѣ положи, а на моей бы землѣ не было». Поручикъ, «избѣгая худыхъ слѣдствъ, съ немалымъ сожалительнымъ прискорбнымъ огорченіемъ троекратно принужденъ былъ отъ него отходить», при чемъ жена Гудима, по словамъ поручика, была на его, поручика, сторонѣ: «видя мою во всемъ предъ нимъ правость, а его въ нападеніе на меня напрасно винность, къ прекращенію почти со слезами его отзывала, но онъ не токмо отъ меня или отъ той суровости и отъ поношенія чести моей себя воздержать, усматривая мою предъ нимъ смиренность, склонность и терпѣливое молчаніе, но и у вящую ярость впалъ, съ многократнымъ ко мнѣ порываніемъ прибѣгать началъ, пріуготовляя руки, чтобъ взять меня за грудь, сказывая сурово: ты де порутчикъ противъ меня не великъ человѣкъ, а я де магистратскій членъ, и никто мнѣ здѣсь не судья». Когда же поручикъ погрозилъ жалобой, Гудимъ «великимъ и суровымъ голосомъ кричалъ: что мнѣ вашъ аншефъ сдѣлаетъ»? Тогда поручикъ пошелъ къ секундъ-маіору Бедрягѣ съ жалобой, а Гудимъ напустился на жену его, «чтобъ она болѣе по двору на земли его не ходила,—тотчасъ де, угрaживая боемъ, себя покажу, почему бъ де вы знали въ Кіевѣ Гудима и какъ на его землѣ сѣно класть [1])». Ссылаясь въ своей жалобѣ на жену Гудима и другихъ свидѣтелей, поручикъ просилъ за такое «поношеніе чести» офицерской поступить съ обидчикомъ по законамъ, «почему бъ онъ впредь, да и другіе на то смотря и вящихъ отважностей и непостоянствъ сдѣлать не возамѣрились».

Еще чаще и грубѣе столкновенія происходили между рядовыми солдатами и мѣщанами. По жалобамъ послѣднихъ магистратъ, какъ видно, добивался иногда назначенія генералъ-губернаторомъ слѣд-

[1]) Этотъ Іосифъ *Ивановичъ* Гудимъ былъ позже бургомистромъ одновременно съ Іосифомъ *Васильевичемъ* Гудимомъ („Ист. мат. изъ арх. К. Г. Пр.“ вып. 7-й стр. 74) и имѣлъ, кромѣ дома на Подолѣ, сгорѣвшаго въ 1766 г. во время частыхъ пожаровъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ (см. Ibid, стр. 81), значительный хуторъ на Куреневкѣ съ прудомъ, мельницей и винокурней и березовою рощей (Ibid, вып. 3 стр. 75).

ствій, которыя и обнаруживали дѣйствительно крайнее стѣсненіе кіевскихъ мѣщанъ военными постоями, особенно тяжелыми въ 60-тые годы. Результатомъ этихъ слѣдствій бывало иногда и наказаніе военныхъ чиновъ не только низшихъ, но и офицерскихъ [1]). Слѣдствія эти производились при депутатѣ со стороны магистрата, который въ генералъ-губернаторѣ Воейковѣ нерѣдко находилъ поддержку и защиту.

Обычаи и повѣрья, пріуроченные къ „Велыкодню". Дни бѣгутъ за днями. Прошло уже «Сритене», на которое, по мнѣнію народа, зима съ весной должны встрѣтиться; прошли: Евдокій, Сорокъ Святыхъ, на которые каждая хозяйка обязательно должна спечь сорокъ пироговъ и на которые «сорокъ птахъ прилетаютъ изъ-за моря». Минуло и «Теплого Олексы». Наконецъ, вотъ и «благовищеня»,—по мнѣнію народа такой же важный и великій праздникъ, какъ и Пасха, и на который—по тому же народному вѣрованію—можно разговѣться и ѣсть скоромное,—«але невартъ на иденъ день паскудытысь» (подол. губ.).

Благовѣщенье—такое «велыке свято», что въ этотъ день птица гнѣзда не вьетъ, а если которая и завьетъ, то все равно дѣтей въ немъ не выведетъ. (Подол. губ.). Народъ примѣчаетъ, что какова погода на благовѣщенье; такова должна быть и на «Велыкдень»—(волын. и подол. губ.) и если на Благовѣщенье дождь, будетъ урожай ржи. У пчеловодовъ малороссовъ есть старинный обычай—на Благовѣщеніе выставлять пасѣку изъ зимовниковъ и первый разъ закармливать ихъ «сытой» съ мелко, въ порошокъ истолченной благовѣщенской просфорой (т. е. просфорой, изъ которой на благовѣщеніе вынимались частицы), отъ этого пчелы будутъ хорошо роиться и вестись (вол. и подол. губ.) Всѣ недѣли великаго поста у нашего народа имѣютъ каждая свое особое названіе: четвертая—«середопистя» или «середописна», пятая—«билый тыждень», шестая—вербная или «вербныця», седмая—какъ и вездѣ—«страстная».

---

[1]) Послѣ одного слѣдствія въ концѣ 1767 года - подпоручикъ Новосильцевъ былъ переведенъ изъ самовольно занятой имъ квартиры „съ крѣпкимъ ему о чемъ надлежало подтвержденіемъ, подпор. Соколовъ, за непристойное его ночнымъ временемъ въ магистратскую почтовую избу хожденіе и неприличные поступки, пристойнымъ образомъ штрафованъ, а за битье магистратскаго шинкаря и жены его канониръ Филиповъ наказанъ батоги, а впредь нижнимъ чинамъ ссоръ и дракъ чинить накрѣпко запрещено". (Ист. мат. изъ арх. К. Г. Пр. вын. 8, стр. 205).

На пятой недѣлѣ или «билимъ тыждни», хозяйки обыкновенно бѣлятъ избы,—отсюда получилось и названіе недѣли. Также въ обычаѣ у хозяекъ на «билимъ тыждни» сѣять разсаду капустную: капуста будетъ «билая», большая и твердая (волын. губ.).

Напротивъ, на вербной недѣлѣ нельзя ничего ни садить, ни сѣять въ огородѣ, такъ какъ все посѣянное и посаженное на этой недѣлѣ, поростетъ «буйне и дыке, якъ верба» (волын. губ.).

Хозяйки двумя субботами раньше подсыпаютъ куръ, съ такимъ разсчетомъ, чтобы цыплята выходили какъ разъ въ вербную субботу: изъ этихъ цыплятъ выйдутъ носкія и выносливыя куры (волын. и подол. губ.).

Страстной четвергъ зовется еще и «чистымъ» (во всей Волыни и Подоліи) потому, что въ этотъ день заведено въ обычаѣ «чистить» (кастрировать) жеребцовъ и свиней. Въ чистый четвергъ есть обычай—до восхода солнца искупаться въ рѣкѣ, вѣря, что такое купаніе въ этотъ день очищаетъ не только тѣло, но и душу отъ грѣховъ (волын. губ.).

Чтобы узнать, кто въ селѣ вѣдьма, нужно въ чистый четвергъ до восхода солнца принести воды изъ колодца, налить въ горшокъ и положить въ него «цѣдилку» (холстинка, чрезъ которую хозяйки-крестьянки цѣдятъ молоко), всю, или какъ можно больше, утыканную иголками и булавками, и поставить въ печь на медленный огонь варить. Вѣдьма не замедлитъ прибѣжать къ продѣлавшей это хозяйкѣ и все будетъ допытываться, спрашивать, что та варитъ; совѣтовать, уговаривать, наконецъ, просить перестать варить «цидылку», такъ какъ иголки и булавки, натыканныя въ «цидылку» будутъ страшно колоть вѣдьму (волын. губ.).

Вечеромъ въ страстной четвергъ всякъ—и старъ, и младъ—спѣшитъ въ церковь—«на страсть», а «послѣ страсти», каждый хозяинъ старается принести домой горящую страстную свѣчу, не потушивъ ее, и выжигаетъ на дверяхъ или потолкѣ дома крестъ, вѣруя, что отъ этого благодать Господня будетъ въ домѣ, а злой духъ уже не войдетъ въ домъ. Эта же страстная свѣча берется еще въ церковь и зажигается на всенощную и обѣдню подъ первый день Пасхи, затѣмъ прячется, сохраняется и бережется, какъ величайшая святыня, и потомъ въ разныхъ случаяхъ крестьянской жизни свѣча эта, какъ святыня или священный предметъ, играетъ важное значеніе. Такъ, напр., страстную свѣчу зажигаютъ предъ иконами при приближеніи лѣтомъ грозовой тучи, вѣруя, что въ такомъ случаѣ

грозовая туча благополучно пройдетъ мимо и не разразится ливнемъ или градомъ.

Если человѣкъ долго и мучительно умираетъ и не можетъ умереть, то ему даютъ тоже горящую страсную свѣчу въ руки и кладутъ его среди хаты на полу, на бѣлой простынѣ. Въ такомъ случаѣ человѣкъ скоро «пиде, куды наставывся иты: або сюды, оба туды», и мучиться перестанетъ. Воскъ страстной свѣчи пьютъ и ѣдятъ небольшими пилюльками отъ лихорадки. Ею же накуриваются отъ той же лихорадки и отъ «бешыхы» (рожи), при чемъ зелья, коими накуриваются, зажигаются страстной свѣчей. Когда кто-нибудь умираетъ тихо — страстную свѣчу зажигаютъ предъ иконами.

Страстная свѣча нашимъ народомъ называется еще заимствованнымъ у католиковъ словомъ «громница», какъ предохраняющая и спасающая отъ грома (т. е. громовой тучи — ливня и града) и пожара отъ молніи.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ волыни (ковельск. у.) въ обычаѣ: возвратясь со страсти, вся семья при свѣтѣ страстной свѣчи, поставленной у иконъ, садится за «вечеру», спеціально, лучше и изысканнѣе, чѣмъ въ другіе дни, приготовленную, и на которой обязательно бываетъ рыба. Эта «вечера» устраивается въ память и воспоминаніе Тайной Вечери Спасителя.

Нѣкоторые религіозные старики-постники, поужинавъ въ страстной четвергъ, ѣдятъ, только лишь разговляясь на первый день Пасхи.

Еще есть одинъ обычай у крестьянъ: когда вынутъ изъ печи паску, то сейчасъ сыплютъ въ печь «цыбулю на пиддымку, щобы не постреляла», т. е. не пошла въ стрѣлки или сѣмена (волын. губ.).

Въ велыкодную субботу принято подсыпать домашнюю птицу: гусей, утокъ, куръ, — цыплята выйдутъ хорошіе и здоровые. (вол. губ.).

Подъ Свѣтлое Воскресенье не принято, и даже грѣхъ, спать, потому что «хто не спытъ, тому Богъ дасть щасте, а кто спытъ, той свое щасте проспытъ» (вол. и под. губ.). Есть также повѣрье, что кто не спитъ подъ Свѣтлое Воскресенье, тотъ деньги найдетъ (вол. губ.).

Такъ или иначе, по той или другой причинѣ, но у нашего народа въ эту ночь спятъ только дѣти, а взрослые бодрствуютъ; равно всю ночь не тушатъ въ хатѣ огня, — грѣшно (волын. и подол. губ.).

Съ вечера въ субботу обыкновенно старики идутъ въ церковь на «одыяніе» (чтеніе дѣяній апостола); молодежь приходитъ только къ полуночи—на «всюношну».

О ночи подъ Свѣтлое Воскресенье у крестьянъ есть нѣсколько повѣрій. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ. На «велыкдень», на «всюношну» нечистая сила и вѣдьмы не шатаются и не дѣлаютъ вреда и пакости людямъ; онѣ въ эту ночь безсильны. На великопостныя заговѣны, ложась спать, надо взять подъ языкъ или за щеку кусочекъ сыру и такъ уснуть, и проспать до перваго дня великаго поста,—понедѣльника; тогда, вставши, этотъ сыръ вынуть изо рта и спрятать. Затѣмъ въ теченіе всего поста по праздникамъ дѣлать небольшой «стильчикъ» (табуретку); идя подъ Свѣтлое Воскресенье въ церьковь,—взять съ собою туда этотъ «стильчикъ» и спрятанный сыръ и, когда священникъ скажетъ первый разъ «Христосъ Воскресъ», нужно стать на эту табуретку и взять сыръ въ ротъ,—то можно видѣть всѣхъ находящихся въ церкви вѣдьмъ: надъ головой каждой изъ нихъ будетъ какъ бы доёнка. Продѣлавшему это человѣку, на обратномъ пути изъ церкви, явится нечистый и предложитъ ему деньги, богатства и свои услуги (вол. губ. староконст. уѣздъ, с. Молчаны).

Также есть повѣрье, что если, идя ко всенощной подъ Свѣтлое Воскресенье, взять съ собою—если охотникъ—то ружье, револьверъ или пистолетъ, если портной или швея—то шитье, если сапожникъ, то сапогъ или башмакъ, если игрокъ—то колоду картъ и т. п.—и когда священникъ возгласитъ первый разъ трижды «Христосъ Воскресъ», то вмѣсто «Воистину Воскресъ» охотникъ долженъ трижды отвѣтить: «а я стрѣляю,» а портной, швея и сапожникъ должны трижды сказать; «а я шыю», и при этомъ шить, а игрокъ: «а я въ карты играю» и тасовать карты. Послѣ этого охотникъ будетъ безъ промаха стрѣлять, бить дичь, и таковая вездѣ и на каждомъ шагу будетъ попадаться, портной или сапожникъ будутъ постоянно имѣть массу работы, заказовъ и быстро шить, а игрокъ въ карты постоянно будетъ выигрывать; всѣ такія лица скоро разбогатѣютъ, потому что всѣмъ такимъ будетъ помогать нечистая сила (волын. губ., староконст. у., д. Григоровка).

По другому дополненію того же повѣрія, продѣлавшему это человѣку, на обратномъ пути изъ церкви явится нечистая сила, предложитъ свои услуги, будетъ во всемъ помогать ему.

Въ пограничной части Подолія (каменец. у., Рыхтецкая волость) принято, что, какъ бы до церкви близко ни было, даже если всего шаговъ пять, всѣ имѣющіе лошадей пасху къ церкви святить не несутъ, а везутъ на вымощенныхъ чистою соломою возахъ въ ночвахъ, или по тамошнему «корытахъ», выстланныхъ бѣлой, чистой скатертью. Этимъ самимъ выражается уваженіе и почтеніе нашего народа къ Пасхѣ. Весь первый день Пасхи обыкновенно всѣ сидятъ дома, спятъ послѣ безсонной ночи и ни въ сельскій клубъ—кабакъ, ни другъ къ другу не ходятъ. На второй день Пасхи мальчики ходятъ по домамъ «хрыстоваты»; придя въ домъ, мальчики или говорятъ, или, если умѣютъ пѣть, трижды поютъ «Христосъ Воскресъ» и поздравляютъ хозяевъ съ праздникомъ. Хозяева благодарятъ и одаряютъ мальчиковъ по одной или по парѣ крашанокъ (подол. и кіевск. губерн.).

Взрослые ходятъ особо «хрыстоваты» или поздравлять съ праздникомъ. Подойдя къ какому-нибудь дому, «хрыстовальщики» остановятся передъ окнами въ слѣдующемъ порядкѣ: на плечи четыремъ или цѣлой группѣ становится три, на плечи коихъ тоже въ свою очередь взлазитъ два, крѣпко держась другъ за друга; образуется такимъ образомъ живая, движущаяся башня изъ людей. Въ такомъ положеніи трижды поютъ или просто хоромъ дружно прокричатъ «Хр. Воскр», затѣмъ башня разрушается, всѣ входятъ въ домъ и поздравляютъ хозяевъ съ праздникомъ (подол. губ., погран. полоса каменец. у.)

На второй день Пасхи дѣвушки платятъ долгъ парнямъ за угощеніе на великопостные заговѣны. Дѣлается это такъ: на великопостные заговѣны собирается число парней, равное числу дѣвушекъ, такъ что каждая дѣвушка имѣетъ своего кавалера, а каждый парень свою дѣвушку; парни угощаютъ дѣвушекъ водкой, виномъ, пивомъ, сладостями,—а въ отплату за это каждая дѣвушка должна на второй день Пасхи приподнести своему кавалеру куличъ и полкопы (30 шт.) крашанокъ и писанокъ (волын. и подол. губ.), при этомъ случается, что если дѣвушка приподнесетъ парню писанки сырые, не доваренные, онъ ее осканцалитъ: или пришлетъ ея гостинецъ ей назадъ, или еще хуже: при встрѣчѣ всю ее обрызгаетъ присланными ею сырыми яйцами.

Обычай «обливанія» существуетъ и въ Малороссіи, особенно въ подольской губерніи; въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Подоліи обливаютъ другъ друга, въ однихъ мѣстахъ на первый день Пасхи, а въ другихъ на второй. Въ пограничной же чертѣ ходятъ лишь парни на

второй день Пасхи по домамъ и обливаютъ дѣвушекъ: послѣднія должны откупиться отъ нихъ извѣстнымъ числомъ крашанокъ и писанокъ.

На второй и третій день обыкновенно возлѣ сельскихъ клубовъ—кабаковъ играетъ музыка, и за эти два дня все село перебываетъ здѣсь, а особенно сельская молодежь, которая оба дня здѣсь до глубокой ночи веселится и пляшетъ.

Остатки свяченаго отъ Пасхи—кости и проч.—закапываются на межахъ и границахъ полей, чтобы предохранить ихъ отъ градобитія; куски свяченой паски засушиваются и потомъ даются въ пойлѣ коровамъ послѣ отеленія, (волын. и подол. губ.).

Для того, чтобы вѣдьма не могла подступить къ коровѣ и отнять у нея молоко, въ рогу коровы продѣлываютъ отверстіе и туда вкладываютъ косточку отъ свяченнаго на Пасху—тогда вѣдьма уже ни за что не подступитъ къ коровѣ (волын. губ.).

Скорлупа свяченыхъ яицъ сохраняется какъ средство для накуриванія больныхъ лихорадкою (волын. губ.).

Въ волынской губерніи есть также обычай, практикуемый преимущественно дѣвушками, умываться на первый день Пасхи въ водѣ, въ которую ложатъ крашанки, чтобы быть «красной», т. е. румяной. И такъ какъ краска отъ яицъ водой обмывается, то умывающаяся въ такой водѣ дѣлается дѣйствительно «красной.»

Одна изъ любимыхъ забавъ на «великдень» нашихъ крестьянъ это—по-малорусски—«цокане» или по-русски битье яицъ. Особенно эту забаву любитъ и занимается ею молодежь. Забава эта состоитъ въ слѣдующемъ: двое выбираютъ изъ своихъ крашанокъ по самому крѣпкому яйцу, а крѣпость ихъ узнаютъ легкимъ стукомъ о зубы; и затѣмъ бьютъ слегка другъ другу яйцо о яйцо, сначала носками; если носокъ разобьется, тогда разбитое яйцо поворачивается другой стороной «гузкой»; если и гузка разобьется, то владѣлецъ крѣпкой крашанки, разбившій крашанку другому, беретъ себѣ битку, какъ знакъ, трофей побѣды, а потерявшій крашанку выбираетъ другую покрѣпче и бой или состязаніе вновь продолжается. Въ этой забавѣ, или правильнѣе—для этой забавы особенно дорого цѣнятся крѣпкія, съ твердой крѣпкой скорлупой яйца. Чѣмъ крѣпче яйцо—тѣмъ лучше, тѣмъ дороже оно; нѣкоторые нарочно для «цоканья» покупаютъ цесаркины яйца, которыя, какъ извѣстно, самыя крѣпкія, платя по 10—15 коп. за одно. Другіе для той же цѣли покупаютъ въ городѣ «гипсянки» или сами себѣ дѣлаютъ «вощанки», т. е.

налитыя воскомъ яйца, выпустивъ предварительно изъ нихъ содержимое: бѣлокъ и желтокъ. Но при обнаруженіи обмана,—яйца отъ обманщиковъ отбираются и уничтожаются, а обманщикамъ отъ обманутыхъ достается на орѣхи: здорово ихъ за это колотятъ. Нѣкоторые, имѣющіе крѣпкія крашанки, такимъ образомъ въ эту забаву выигрываютъ по 45 и 60 «битокъ», которыя потомъ продаютъ на десятки желающимъ.

Во время этой игры или забавы бываетъ «минька не до зубивъ»,—т. е. мѣна крашанками на удалую, безъ предварительной пробы или испытанія крѣпости ихъ о зубы,—и тогда, обмѣнявшись яйцами, «цокаются ими.»

Кромѣ «велыкодня», наши крестьяне празднуютъ еще одинъ «велыкдень»—это рахманскій велыкдень» котораго не найдете ни въ одномъ календарѣ, но который существуетъ у нашего народа во всей Волыни и Подоліи и свято празднуется имъ. «Рахманскій велыкдень»—это праздникъ Преполовенья. Я долго доискивался, докапывался причины, почему Преполовенье у нашего народа называется «Рахманскимъ велыкоднемъ; наконецъ, нѣсколько стариковъ на Волыни и на Подоліи разсказали мнѣ слѣдующее: десь дуже далеко за моремъ, на другимъ кинци свита есть царство Рахманія, и живуть въ нему люды Рахманы, такижъ сами хрыстыяне, якъ и мы. Воны калиндаривъ не маютъ, и личыты время такъ, якъ мы, не вміютъ, не знаютъ; черезъ то воны не знаютъ, колы мае буты, колы прыпадае велыкдень, и велыкдень справляютъ, святкуютъ тоди, якъ до ныхъ прыплыве водою видъ насъ шкаралупа зъ крашанкы, що мы по третимъ дни святъ зъ свяченыхъ яецъ пускаемо на воду.

Ато бувае, що шкаралупа зъ крашанкы видъ насъ до ныхъ прыплывае якъ разъ черезъ день, тоди якъ у насъ Преполовенье: тоди рахманы догадуюця, що десь у людей вже велыкдень бувъ и соби справляютъ, святкуютъ велыкдень. Тоди и мы разомъ зъ ными святкуемо ихній, рахманскій, велыкдень (записано въ с. Молчанахъ старок. уѣзда, вол. губ.; подобный же разсказъ слыхалъ и въ с. Рыхтѣ, каменецкаго уѣзда).

И дѣйствительно, нашъ народъ праздника Преполовенья не знаетъ и его не празднуетъ, а «Рахманскій велыкдень» празднуютъ положительно во всей волынской и во всей подольской губерніяхъ.

Ив Бѣньковскій.

Мелкія извѣстія.

Французскій ученый о Кіевѣ. По сообщеніямъ газетъ, въ большой залѣ городской ратуши въ г. Реймсѣ, при многочисленной публикѣ, среди которой были почти всѣ воспитанники высшихъ классовъ мѣстныхъ гимназій, баронъ де-Бай прочелъ недавно лекцію о Кіевѣ. Съ помощью туманныхъ картинъ онъ прежде всего далъ собравшейся публикѣ понятіе о Днѣпрѣ и его мостахъ, о видѣ на Кіевъ изъ-за Днѣпра и т. п. и затѣмъ сдѣлалъ сжатый, но обстоятельный очеркъ исторіи Кіева, начиная съ древнѣйшихъ временъ. Для характеристики нравовъ древнихъ славянъ баронъ де-Бай прочелъ во французскомъ переводѣ «Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ» Пушкина и въ видѣ иллюстраціи показалъ картину Семирадскаго, изображающую похороны у славянъ. Перейдя потомъ къ христіанскому періоду, онъ остановился на крещеніи Руси, воспользовавшись при этомъ видами памятника св. Владиміра и развалинъ Херсонеса, а также фресками Васнецова. Важное мѣсто въ изложеніи французскаго ученаго занялъ бракъ дочери Ярослава Анны съ французскимъ королемъ Генрихомъ I, причемъ лекторъ напомнилъ слушателямъ, что коронованье и вѣнчаніе русской княжны происходило въ ихъ родномъ городѣ Реймсѣ. Упомянувши затѣмъ объ упадкѣ Кіева послѣ татарскаго погрома, онъ перешелъ къ эпохѣ Хмельницкаго, показалъ видъ памятника послѣднему, и потомъ закончилъ чтеніе короткой исторіей возрожденія Кіева въ новѣйшія времена, иллюстрируя свой разсказъ видами Лавры, Софійскаго собора, университета и нѣсколькими этнографическими картинами съ изображеніями украинской деревни, хаты и т. п. Газеты прибавляютъ, что чтеніе имѣло очень большой успѣхъ.

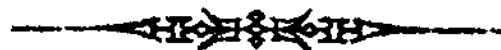
Акварель Юлія Коссака «Встрѣча Хмельницкаго съ Тугай-Беемъ». Въ кіевскихъ магазинахъ, торгующихъ красками и другими принадлежностями рисованія, недавно появились въ продажѣ геліотипическія копіи акварели извѣстнаго многими рисунками изъ малорусскаго быта польскаго художника Юлія Коссака: «Встрѣча Хмельницкаго съ Тугай-Беемъ», о которомъ Н. И. Костомаровъ говоритъ въ первой главѣ своего сочиненія «Богданъ Хмельницкій». Копіи довольно недурно передаютъ содержаніе оригинала, написаннаго съ обычнымъ мастерствомъ, свойственнымъ талантливому художнику, о которомъ мы надѣемся современемъ поговорить болѣе подробно.

Картины изъ малорусскаго быта на кіевскихъ выставкахъ. Сравнительно съ прошлымъ годомъ, картины изъ малорусскаго быта на

кіевскихъ выставкахъ этого года были немногочисленны. Гостившая въ Кіевѣ и недавно закрывшаяся XXII-я передвижная выставка товарищества передвижныхъ художественныхъ выставокъ дала картину Н. К. Пимоненка «Паробки», уже знакомую кіевлянамъ по прошлогодней выставкѣ мѣстныхъ художниковъ, о которой мы своевременно говорили[1]), три картины Н. К. Бодаревскаго: «Видъ на Днѣпръ изъ Царскаго сада», «Малороссійскій хуторокъ» и «Въ Малороссіи» и картину А. М. Васнецова «Михайловскій монастырь въ Кіевѣ» —На открытой нынѣ III-й весенней выставкѣ мѣстныхъ художниковъ находятся слѣдующія картины изъ малорусскаго быта: I. Ѳ. Селезнева—«Огородница», В. И. Козловскаго а) «Предмѣстье Кіева», б) «Хаты» и в) «Зимній вечеръ», Л. И. Нестельбаха— «На огородѣ» и нѣсколько этюдовъ П. И. Васильченка.

Юліанъ Фалатъ, новый директоръ школы изящныхъ искусствъ въ Краковѣ. Остававшееся со смерти Яна Матейки вакантнымъ мѣсто директора школы изящныхъ искусствъ въ Краковѣ занялъ недавно Юліанъ Фалатъ, акварелистъ, уроженецъ Галиціи, извѣстный многими рисунками изъ быта галиційскихъ русиновъ, какъ напримѣръ: «Z życia małego miasteczka», «Wielki Tydzień na wsi w Galicyi», «Kolendnicy z kozą na Rusi», «Pastuszek huculski» и друг.

Новая опера на сюжетъ изъ «Тараса Бульбы». По сообщенію Одесскаго листка, въ Туринѣ съ немалымъ успѣхомъ недавно была поставлена новая трехъ-актная опера итальянскаго композитора Берутти, написанная на сюжетъ изъ повѣсти Н. В. Гоголя «Тарасъ Бульба».



[1]) Кіевская Старина 1894 г. № 4.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Матеріалы къ оцѣнкѣ земель полтавской губерніи. Естественно-историческая часть. Выпускъ XVI. Оро-гидрографія, геологія, почвы, климатъ и флора полтавской губерніи. Съ гипсометрической и почвенной картами. Изд. полтавскаго губернскаго земства. С.-Пб. 1894.

Въ 1887 году проф. Докучаевъ по предложенію Полтавскаго Губернскаго Земства принялъ на себя изслѣдованіе почвъ полтавской губерніи. Въ періодъ 1889—1892 гг. появилось пятнадцать отчетовъ (Матеріалы къ оцѣнкѣ земель полтавской губерніи, выпуски I—XV) по изслѣдованію отдѣльныхъ уѣздовъ губерніи, исполненному подъ руководствомъ проф. Докучаева двѣнадцатью его сотрудниками [1]). XVI выпускъ «Матеріаловъ», заглавіе котораго мы привели, является послѣднимъ и состоитъ изъ восьми отдѣльныхъ, *сводныхъ* главъ, принадлежащихъ слѣдующимъ авторамъ:

I. —Оро-гидрографическій очеркъ—*г. Отоцкому.*

II. —Третичныя образованія—*г. Агафонову.*

III.—Ледниковыя отложенія—*ему-же.*

IV.—Геологическій характеръ почвъ—*г. К. Глинкѣ.*

V.—Химическій характеръ растительно-наземныхъ почвъ и солонцовъ—*ему-же.*

VI.—Механическій составъ и физическія свойства почвъ—*г. Адамову.*

VII.—Очеркъ климата—*г. Барановскому.*

VIII.—Ботанико-географическій очеркъ—*г. Краснову.*

---

[1]) Краткая замѣтка объ этихъ отчетахъ помѣщена нами въ февральской книжкѣ Кіевской Старины 1893 г.

Къ послѣднему выпуску «матеріаловъ» приложены также двѣ карты полтавской губерніи десятиверстнаго масштаба, изъ которыхъ гипсометрическая составлена акад. Тилло, а почвенная—сотрудниками Докучаева подъ его редакціей.

Въ настоящей замѣткѣ мы постараемся изложить содержаніе XVI выпуска «Матеріаловъ», но при этомъ нужно замѣтить, что до его составленія проф. Докучаевымъ были напечатаны двѣ работы: 1) «къ вопросу о соотношеніяхъ между возрастомъ и высотой мѣстности съ одной стороны, характеромъ и распредѣленіемъ черноземовъ, лѣсныхъ земель и солонцовъ—съ другой» (Вѣстникъ Естествознанія, 1891 г. №№ 1-3) и 2) «Наши степи прежде и теперь» (напечатано первоначально въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» за 1892 г. и въ томъ же году издано отдѣльной книжкой). Въ этихъ работахъ проф. Докучаевымъ высказаны многія общія положенія, касающіяся геологіи, орографіи, гидрографіи и почвъ полтавской губерніи, проводимыя также составителями большей части сводныхъ главъ, вошедшихъ въ XVI выпускъ «Матеріаловъ».

Въ основаніе первой главы, представляющей собою *«оро-гидрографическій очеркъ полтавской губерніи»*, легла прекрасно изданная гипсометрическая карта акад. Тилло. На ней для изображенія рельефа мѣстности послужили: 1) линіи равной высоты, такъ называемыя горизонтали или изогипсы и 2) закрашиваніе разными оттѣнками промежутковъ между горизонталями. Горизонтали нанесены чрезъ каждыя 10 саженъ, причемъ мѣстности, имѣющія абсолютную высоту 30—40, 40—50 и 50—60 с., покрыты тремя оттѣнками зеленой краски, а мѣстности съ превышеніемъ въ 60—70, 70—80, 80—90 и 90—100 с.—четырьмя оттѣнками коричневой. При этомъ получается, какъ справедливо замѣчаетъ почтенный составитель карты, весьма наглядная картина рельефа мѣстности, дающая возможность сразу оцѣнивать мѣста низменныя и возвышенныя. Всѣхъ точекъ, послужившихъ для проведенія горизонталей, имѣлось 1015, изъ которыхъ выводится приблизительно и средняя высота губерніи нѣсколько превосходящая 60 с.

Общая картина орографическаго строенія губерніи весьма проста. Вся площадь губерніи въ цѣломъ представляетъ правильный равнопологій склонъ къ Днѣпру югозападной части Средне-Русской возвышенности, недавно установленной А. А. Тилло.

Приведенныя данныя взяты нами изъ краткаго объясненія, напечатаннаго на самой картѣ. Затѣмъ въ дальнѣйшемъ изложеніи содержанія первой главы мы будемъ слѣдовать г. Отоцкому. Онъ указываетъ, что паденіе поверхности губерніи съ СВ. на ЮЗ. въ общемъ равно 1 саж. на 4 версты. Отдѣльные уѣзды губерніи по мѣрѣ удаленія отъ Днѣпра являются болѣе возвышенными и могутъ быть расположены въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) Константиноградскій, Роменскій, Зеньковскій, Гадячскій (преобл. высоты 80—90 с.); 2) Лохвицкій, Прилукскій, Полтавскій, Миргородскій, Хорольскій, Переяславскій (60—80 с.) и 3) Пирятинскій, Лубенскій, Кобелякскій, Золотоношскій и Кременчугскій (40—60 с.).

Полтавская губернія въ общемъ только представляетъ ровную площадь, наклонную къ Днѣпру, но рѣчныя долины, балки и овраги изрѣзываютъ ее въ различныхъ направленіяхъ и обусловливаютъ собою всѣ частности рельефа. Главнѣйшими элементами этого рельефа являются плато (междурѣчныя пространства), рѣчныя долины, овраги и балки, описываемыя подробно авторомъ. Онъ намѣчаетъ слѣдующія плато, ограниченныя соотвѣтственными рѣками: 1) Орель—Берестовая, 2) Берестовая—Орчикъ, 3) Орчикъ—Ворскла, 4) Ворскла—Псёлъ; 5) Псёлъ—Хоролъ, 6) Хоролъ—Сула и 7) Засульское плато, причемъ разсматриваетъ ихъ отдѣльно въ отношеніи размѣровъ, высоты, паденія, изрѣзанности оврагами и проч.

Когда читаешь эти описанія плато, невольно приходитъ на мысль, что авторъ не воспользовался въ достаточной мѣрѣ тѣмъ положеніемъ довольно давно высказаннымъ въ геологической литературѣ, что въ составъ нашихъ равнинъ входятъ два существенно различныхъ типа мѣстностей: *крутовозвышающіяся* надъ сосѣдней рѣчной долиной и *отлоговозвышающіяся* надъ ней. Какъ намъ кажется, это повело къ нѣкоторымъ недоразумѣніямъ при характеристикѣ плато, изъ которыхъ мы не можемъ не указать здѣсь на слѣдующее: въ нѣсколькихъ мѣстахъ своего описанія авторъ утверждаетъ (стр. 6, 9, 15), будто-бы изрѣзанность плато зависитъ отъ абсолютной высоты его, что, конечно, невѣрно и что самъ-же авторъ опровергаетъ на стр. 19, говоря: «каждый данный рельефъ плато, при прочихъ равныхъ условіяхъ, есть результатъ равнодѣйствующей изъ 1) относительной высоты плато надъ дномъ прилегающихъ долинъ, 2) ширины водораздѣла и 3) угла паденія долинныхъ склоновъ».

Результатомъ подобнаго-же недоразумѣнія является, по нашему мнѣнію, и то утвержденіе автора, будто-бы Засульское плато большею

частью *круто* обрывается въ днѣпровскую долину на протяженіи болѣе 160 верстъ (стр. 12).

Въ дополненіе къ характеристикѣ плато авторъ останавливается на курганахъ и блюдцеобразныхъ углубленіяхъ полтавскихъ степей.

Курганы почти повсюду пріурочены къ наиболѣе высокимъ пунктамъ плато и только въ долинѣ Орчика они расположились на второй террасѣ долины. Подмѣтить какую либо правильность въ расположеніи кургановъ не удалось. Можно только указать на нѣкоторую тенденцію ихъ выстраиваться рядами, но частыя отступленія отъ этого порядка не позволяютъ узаконить его. Очевидно, при насыпкѣ кургана человѣкъ всецѣло приспособлялся къ данному рельефу мѣстности. Согласно *г. Ферхмину*, автору изслѣдованія кобеляцкаго уѣзда, можно различать 5 типовъ кургановъ, причемъ конусообразные и подковообразные (въ планѣ) являются болѣе простыми. Три остальныя формы болѣе сложны и скорѣе представляютъ собою городища. Описаніе каждаго типа сопровождается соотвѣтствующими рисунками. Такъ называемыя блюдцеобразныя углубленія придаютъ оригинальный видъ нѣкоторымъ участкамъ полтавской степи ранней весною, или поздней осенью. Черная, обыкновенно вспаханная, безконечная равнина усыпана точно бисеромъ мелкими блестящими озерками, которыя лѣтомъ превращаются въ ярко-зеленыя пятна, рѣзко выдѣляющіяся на общемъ золотисто-желтомъ фонѣ степи. Эти блюдцеобразныя углубленія, наблюдавшіяся въ большей части уѣздовъ полтавской губерніи, повидимому пріурочены къ чрезвычайно широкимъ и пологимъ вершинамъ различнаго рода доловъ.

Разсматривая *овраги* и *балки* полтавской губерніи, авторъ, для характеристики изрѣзанности поверхности ея, приводитъ изображеніе удачно выбраннаго небольшого участка карты трехверстнаго масштаба въ окр. Хитцовъ, хотя намъ думается г. Отоцкій преувеличиваетъ понятіе объ изрѣзанности полтавской губерніи, считая данный участокъ за средній (для высокихъ мѣстъ) въ губерніи по изрѣзанности. Средній размѣръ овраговъ по автору равняется 7,4 верстамъ въ длину, 23,6 с. въ ширину и 5,6 с. въ глубину, но не указано почему приняты эти цифры за среднія.

Допуская, что овраги въ нѣкоторыхъ случаяхъ могутъ перерѣзывать водораздѣлы, соединяя такимъ образомъ различныя рѣчныя системы, авторъ высказываетъ между прочимъ предположеніе, что Хоролъ прежде впадалъ въ Днѣпръ и направился въ Пселъ благодаря оврагу, подошедшему со стороны Псёла.

Касательно быстроты роста овраговъ удалось собрать только свѣдѣнія для 3-хъ отдѣльныхъ случаевъ, причемъ оказывается, что среднимъ числомъ въ годъ удлиненіе равнялось 1,6—2,5—3 саж.

При разсмотрѣніи *рѣчныхъ долинъ* полтавской губерніи авторъ раздѣляетъ ихъ на два типа: долины *оформленныя* и *неоформленныя*. Къ первому типу онъ относитъ долины Днѣпра, Орели, Орчика, Берестовой Ворсклы, Коломака, Псёла, Хорола, Ташани, Груни, Грузькой Голтвы, Сулы, Удая, Б. Ромна и Сырой Оржицы. Долины этихъ рѣкъ слагаются изъ 3-хъ элементовъ: праваго—высокаго, крутого берега, аллювіальной долины и лѣваго, пологаго, террасовиднаго берега.

При описываніи поймъ (аллювіальныхъ долинъ) указывается, что площадь такихъ поймъ достигаетъ въ полтавской губерніи 6095 кв. верстъ, т. е. 14% всей площади губерніи, тогда какъ площадь всѣхъ надземныхъ водъ, включая сюда рѣки, озера и болота едва достигаети 417 кв. верстъ (менѣе 1%). Остановившись затѣмъ на блужданія рѣчного русла, образованіи старицъ, озеръ и болотъ въ рѣчныхъ долинахъ, авторъ упоминаетъ также о плавенныхъ лѣсахъ, занимающихъ около 1600 кв. в., т. е. 26% всей площади поймы.

Тогда какъ пойму можно назвать, говоритъ авторъ, царствомъ воды и зелени, вторая терраса—царство песковъ, часто представляющихъ собою настоящее песчаное море.

Относительно происхожденія песковъ этихъ террасъ авторъ дѣлаетъ два предположенія: 1) это обнаженные размывомъ отъ наносовъ, третичные пески, и 2) пески вторыхъ террасъ—надувные, принесенные съ высокаго берега и дна долинъ. Но ни съ однимъ изъ этихъ предположеній рѣшительно нельзя согласиться, такъ какъ пески вторыхъ террасъ представляютъ собою древнія отложенія самыхъ рѣкъ, конечно въ иныхъ мѣстностяхъ, съ поверхности, переработанные вѣтромъ.

Далѣе авторъ переходитъ къ описанію второго типа рѣчныхъ долинъ—*неоформленныхъ*, въ которыхъ рѣчной характеръ выраженъ весьма слабо, оба берега являются одинако высокими, отлогими, часто задернованными и мало чѣмъ отличаются отъ береговъ большихъ балокъ. По нимъ протекаютъ не постоянныя рѣки, временныя течеи, въ одни годы—болѣе богатыя водою, въ другіе—менѣе, въ зависимости отъ метеорологическихъ условій.

Въ концѣ своего очерка г. Отоцкій старается согласно, взглядамъ проф. Докучаева, нарисовать картину постепеннаго развитія рѣчныхъ долинъ, отправляясь отъ того воззрѣнія, что неоформленныя

долины представляются болѣе молодыми сравнительно съ долинами оформленными. Однако рѣшать вопросы о древности рѣчныхъ долинъ по степени оформленности не представляется возможнымъ, такъ какъ уже теперь существуетъ не малое число фактическихъ данныхъ, свидѣтельствующихъ, что неоформленность данной долины въ настоящее время является только слѣдствіемъ наполненія ея рѣчными и намывными отложеніями.

Геологическому строенію полтавской губерніи посвящены двѣ главы XVI выпуска «матеріаловъ», составленныя г. Агафоновымъ на основаніи данныхъ прежнихъ изслѣдователей, а также и данныхъ, добытыхъ экспедиціей проф. Докучаева.

Въ главѣ *«третичныя образованія Полтавской губерніи»* г. Агафоновъ указываетъ, что подъ ледниковыми отложеніями, покрывающими полтавскую губернію слѣдуютъ: 1) лѣпныя или пестрыя глины, 2) бѣлые и сѣрые кварцевые пески, 3) главконитовыя песчаноглинистыя образованія, 4) голубоватый мѣлоподобный мергель и 5) сѣрые и зеленоватосѣрые фосфоритовые пески.

Авторъ далѣе описываетъ петрографическія свойства породъ этихъ ярусовъ, ихъ химическій составъ, органическіе остатки, условія залеганія и распространеніе, а затѣмъ сопоставляетъ различные взгляды, существующіе въ геологической литературѣ по вопросу о ближайшемъ возрастѣ третичныхъ образованій полтавской губерніи.

Въ главѣ *«ледниковыя отложенія Полтавской губерніи»* г. Агафоновъ прежде всего приводитъ краткую характеристику глетчерныхъ образованій въ области скандинаво-русскаго ледника, принадлежащую проф. Докучаеву.

Переходя затѣмъ къ полтавской губерніи, авторъ указываетъ, что предшествовавшіе изслѣдователи между потретичными образованіями губерніи различали: 1) лёссъ, 2) валунныя глины, суглинки и пески и 3) прѣсноводный мергель, при чемъ вопросъ о происхожденіи лёсса и прѣсноводнаго мергеля до сихъ поръ оставался спорнымъ. Всѣ эти потретичныя образованія авторъ зачисляетъ въ ледниковыя и затѣмъ принимаетъ, что полтавскую губернію въ отношеніи ледниковыхъ образованій можно разбить на 5 районовъ, при чемъ въ первомъ районѣ развитъ трехчленный наносъ, состоящій изъ а) лёсса, б) моренныхъ глинъ или суглинковъ съ валунами и в) прѣсноводнаго мергеля; во 2-мъ—двучленный наносъ, состоящій изъ а) лёсса и б) моренныхъ суглинковъ и песковъ съ валунами; въ 3-мъ районѣ распространенъ лишь одинъ супесчаный

лессъ и замѣщающіе его суглинки и пески; 4-й районъ характеризуется двучленнымъ наносомъ, состоящимъ изъ а) лесса и б) различныхъ безвалунныхъ глинъ и суглинковъ, и въ 5-мъ районѣ одночленный наносъ является въ видѣ бурыхъ неслоистыхъ суглинковъ, безъ валуновъ. Границы этихъ районовъ указаны на приложенной къ 3 главѣ небольшой картѣ (60 в. въ дюймѣ) ледниковыхъ отложеній полтавской губерніи [1]).

Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ разсматриваетъ перечисленныя породы каждаго изъ районовъ, подробно характеризуя ихъ свойства въ петрографическомъ и отчасти въ химическомъ отношеніи, описываетъ ихъ мощность, способъ залеганія, распространеніе и органическіе остатки, руководствуясь преимущественно данными, изложенными авторами при описаніи отдѣльныхъ уѣздовъ Полтавской губерніи.

Покончивши съ образованіями, причисляемыми имъ къ ледниковымъ, авторъ останавливается на описаніи такъ называемаго овражнаго аллювія, понимая подъ нимъ мощныя отложенія, состоящія изъ мелкихъ и крупныхъ частей разнообразнѣйшихъ породъ, сносимыя къ подножію берега рѣки или оврага [2]).

«Геологическій характеръ почвъ Полтавской губерніи», написанный г. К. Глинкой, составляетъ содержаніе IV главы «матеріаловъ».

Всѣ почвы полтавской губерніи по классификаціи, принятой проф. Докучаевымъ, распредѣляются въ четыре класса: A) растительно наземныя, B) сухопутно-болотныя, C) болотныя и F) аллювіальныя, при чемъ какъ по распространенію, такъ и по значенію первенствующая роль принадлежитъ почвамъ перваго класса, описанію которыхъ и посвящена большая часть IV главы.

Изъ почвъ этого класса въ предѣлахъ полтавской губерніи встрѣчаются 1) горовой черноземъ, 2) долинный черноземъ (черноземъ пологихъ склоновъ), 3) почвы переходныя отъ чернозема къ лѣснымъ землямъ (лѣсостепные суглинки), 4) лѣсные суглинки, 5) черноземныя супесси и 6) пески.

---

[1]) Въ легендѣ этой карты мы встрѣтили между прочимъ такое едва-ли возможное названіе „моренная глина безъ валуновъ“.

[2]) Ограничиваясь въ настоящей замѣткѣ этимъ краткимъ изложеніемъ двухъ послѣднихъ главъ, касающихся геологіи полтавской губерніи, мы надѣемся возвратиться къ нимъ на страницахъ болѣе спеціальныхъ изданій, гдѣ будутъ указаны тѣ данныя, которыя не позволяютъ намъ согласиться со многими положеніями этихъ главъ, въ особенности касающимися послѣтретичныхъ отложеній полтавской губерніи.

Горовой черноземъ, занимающій большую часть полтавской губерніи, покрываетъ почти всѣ водораздѣльныя пространства за исключеніемъ лишь сравнительно узкихъ полосъ правыхъ прибрежій нѣкоторыхъ рѣкъ. Суммируя наблюденія надъ общимъ характеромъ черноземныхъ почвъ, содержаніемъ въ нихъ гумуса, химическими и физическими свойствами ихъ, все черноземное пространство полтавской губерніи можно разбить на три полосы, идущихъ въ направленіи съ С.-З. на Ю.-В. Въ этомъ направленіи онѣ довольно строго слѣдуютъ теченію Днѣпра и болѣе или менѣе строго совпадаютъ съ изогипсовыми полосами. Первая наиболѣе удаленная отъ долины Днѣпра полоса пріурочена къ высотамъ отъ 70 до 100 с., вторая—къ высотамъ въ 50—70 с., и третья приднѣпровская полоса характеризуется высотами въ 30—50 с. [1]).

Несмотря на различнаго рода особенности горовыхъ черноземовъ губерніи, строеніе ихъ повсюду болѣе или менѣе одинаково, и три горизонта, принимаемые для характеристики почвъ—почвенный, переходной и подпочвенный, приблизительно сходны между собою. Давши общую характеристику этихъ горизонтовъ и изобразивши ихъ на рисункѣ (29-й), авторъ описываетъ затѣмъ болѣе подробно черноземы указанныхъ полосъ въ отношеніи содержанія гумуса, мощности и свойствъ подпочвы, при чемъ оказывается, что между содержаніемъ гумуса въ почвахъ полтавской губерніи и высотою мѣстности существуетъ зависимость, которую можно формулировать въ такихъ положеніяхъ:

1) вмѣстѣ съ пониженіемъ мѣстности падаетъ процентъ черноземныхъ почвъ съ высокимъ содержаніемъ гумуса.

2) Черноземы съ максимальнымъ содержаніемъ гумуса (9—10%) встрѣчаются лишь въ константиноградскомъ уѣздѣ, самомъ высокомъ, самомъ степномъ и имѣющемъ въ то же время въ восточной своей части очень глинистую подпочву.

3) Почвы, содержащія отъ 8 до 9% гумуса, точно также пріурочены къ наиболѣе высокимъ уѣздамъ губерніи.

4) Количество образчиковъ съ высокимъ содержаніемъ гумуса уменьшается по мѣрѣ уменьшенія абсолютной высоты, количество же

---

[1]) Границы этихъ полосъ указаны на почвенной картѣ полтавской губерніи, на которой кромѣ того обозначено распространеніе долиннаго чернозема, переходныхъ лѣсостепныхъ суглинковъ, лѣсныхъ суглинковъ, пойменныхъ почвъ, песковъ и солонцевъ

образцовъ съ среднимъ содержаніемъ, наоборотъ, возрастаетъ въ томъ-же направленіи.

Вторая группа растительно-наземныхъ почвъ—*черноземъ пологихъ склоновъ*—пользуется въ губерніи несравненно меньшимъ распространеніемъ и пріуроченъ, обыкновенно, къ лѣвымъ берегамъ рѣкъ, занимая ихъ вторую надлуговую, пологую террасу. Почвы этой группы по строенію очень мало отличаются отъ горового чернозема, но характерной чертой ихъ является супесчаный, характеръ что находится въ зависимости отъ такого же характера подпочвы.

Что касается гумуса, то содержаніе его также находится въ довольно тѣсной зависимости отъ рельефа.

Выяснивъ общій характеръ долиннаго чернозема, авторъ далѣе разсматриваетъ распространеніе его по уѣздамъ, отмѣчая характерные признаки той или другой мѣстности.

Третья группа—*переходные лѣсостепные суглинки*, занимая очень небольшую площадь губерніи, по своему характеру стоятъ на границѣ между типичнымъ горовымъ черноземомъ и столь-же типичными лѣсными суглинками. Образованіе ихъ происходило тамъ, гдѣ лѣсная и степная растительность прилагали совмѣстныя усилія для образованія почвы. Почвы этого типа по своему строенію приближаются то къ чернозему, то къ лѣснымъ суглинкамъ, смотря по тому, какой растительности онѣ больше обязаны своимъ происхожденіемъ—степной, или лѣсной. Разсматривая ихъ распространеніе, авторъ указываетъ, что наиболѣе изобилуетъ ими Зѣньковскій уѣздъ.

Лѣсные суглинки занимаютъ нѣсколько большую площадь, чѣмъ предъидущая группа, пріурочиваясь къ тѣмъ-же уѣздамъ, гдѣ распространены и лѣсостепные суглинки. Они встрѣчаются только въ высокихъ и среднихъ по высотѣ уѣздахъ Полтавской губерніи, совершенно отсутствуя тамъ, гдѣ высота степи не превышаетъ 60—70 саж. Стараясь объяснить такое вліяніе абсолютной высоты мѣстности на распространеніе въ степи лѣсныхъ земель, а слѣдовательно, и лѣсовъ, какъ бывшихъ, такъ и современныхъ, авторъ видитъ причину этого явленія въ томъ, что солонцоватость почвы дѣйствуетъ весьма неблагопріятно на ростъ древесныхъ породъ, а такъ какъ приднѣпровскіе уѣзды весьма богаты солонцами, то это и служитъ препятствіемъ для существованія лѣса въ такихъ мѣстностяхъ. Представивши затѣмъ характеристику лѣсныхъ суглинковъ въ отношеніи строенія, мощности, содержанія гумуса и указавши области ихъ распространеніе, авторъ замѣчаетъ, что внѣшнимъ признакомъ присут-

ствія лѣсныхъ почвъ можетъ служить отсутствіе на нихъ кургановъ, которыхъ такъ много въ черноземной степи.

На описаніи пятой группы *песковъ*—авторъ останавливается очень кратко.

Почвы этого типа, почти не пригодныя для культуры, представляютъ зачастую дюнные холмы. Въ рѣдкихъ случаяхъ онѣ являются въ видѣ рыхлыхъ, свѣтлыхъ, сѣроватыхъ, но не летучихъ песковъ.

Заканчивая обзоръ растительно-наземныхъ почвъ полтавской губерніи, авторъ даетъ въ таблицѣ цифровыя данныя относительно мощности и количества перегноя, а также указанія на характеръ подпочвы; выводя затѣмъ *среднія* для каждаго типа губерніи, онъ получаетъ слѣдующія величины:

	мощность		*гумусъ*	
Черноземъ плато.	3'8"	(100)	5,46%	(100)
Черноземъ пolог. скл.	2'9"	(75)	3,93	(71,9)
Лѣсостепные суглинки	2'9"	(75)	3,77	(69)
Лѣсные суглинки	2'5"	(65,9)	2,77	(50,7)
Пески	4"—5"	(10)	0,44	(8)

Ко второму классу почвъ—*сухопутно-болотнымъ*—авторъ относитъ такъ называемые солонцы, довольно распространенные въ полтавской губерніи и пріуроченные преимущественно къ наиболѣе пониженнымъ уѣздамъ губерніи. Авторъ полагаетъ, что такое распространеніе этихъ почвъ объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что въ эти именно мѣстности должны выноситься изъ вышележащихъ почвъ и породъ легко растворимыя соли, каковы хлористыя, углекислыя, сѣрнокислыя и др. Такъ какъ однако и высокіе уѣзды имѣютъ мѣстами замкнутыя котловины и низины, изъ которыхъ затрудненъ выходъ для стекающихъ водъ, то и здѣсь нужно ожидать присутствія солонцовъ, что и наблюдается на самомъ дѣлѣ. Въ приводимой авторомъ таблицѣ показывается, что въ мѣстностяхъ съ высотой въ въ 60—69 с. солонцы уже встрѣчаются въ значительномъ количествѣ, наибольшее-же число ихъ падаетъ на мѣстности съ абсолютной высотой 40—59 с.

Среди полтавскихъ солонцовъ несомнѣнно главную роль играютъ солонцы вторыхъ террасъ Днѣпра, Сулы, Псела и Ворсклы (типическіе солонцы). Меньшая площадь приходится на долю солонцовъ, занимающихъ пониженные участки черноземнаго плато и, наконецъ, самыя незначительныя пространства заняты солонцами на сравни-

тельно пониженныхъ частяхъ рѣчныхъ поймъ. На почвенной картѣ губерніи нанесены лишь наиболѣе типичные солонцы; объ остальныхъ упоминается въ описаніи отдѣльныхъ уѣздовъ.

По мнѣнію автора солонцоватые черноземы могутъ считаться первой стадіей образованія солонца. Весеннія воды, вымывая изъ сосѣднихъ высотъ легко растворимыя соли, переносятъ ихъ въ котловины, гдѣ вода застаивается, производя нѣкоторое заболачиваніе мѣстности и, по испареніи и просачиваніи, оставляетъ на поверхности небольшую корку, скорѣе даже налетъ солей въ смѣси съ мелкимъ кварцевымъ пескомъ. Во влажномъ состояніи такіе солонцоватые черноземы не отличаются отъ обыкновеннаго горового чернозема, въ сухомъ-же они характеризуются чрезвычайной плотностью, болѣе темнымъ, иногда даже сизовато-чернымъ цвѣтомъ.

Типичные солонцы вторыхъ террасъ представляютъ вѣроятно конечное измѣненіе черноземныхъ почвъ подъ вліяніемъ временаго заболачиванія и обогащенія легко разстворимыми солями. Эти солонцы г. Безпалый, детально изслѣдовавшій лѣвые берега Сулы и Ворсклы, раздѣляетъ на два типа: 1) солонцы сухихъ котловинокъ, разбросанные по общей солончаковой низинѣ и 2) злостные солонцы береговъ соленыхъ озеръ.

Давши затѣмъ характеристику солонцовъ, въ отношеніи строенія, содержанія гумуса и мощности, авторъ вкратцѣ разсматриваетъ отдѣльные районы ихъ по уѣздамъ.

Болотныя почвы въ полтавской губерніи залегаютъ почти исключительно по рѣчнымъ поймамъ, и только въ нѣкоторыхъ уѣздахъ попадаются небольшія пространства и на степи вблизи солонцовъ.

Болотныя почвы рѣчныхъ поймъ обыкновенно имѣютъ характеръ мокрыхъ, а иногда и полуобсохшихъ торфяниковъ.

Почвы аллювіальныя, составляющія послѣдній классъ, представляютъ собою почти исключительно почвы рѣчныхъ долинъ и балокъ. Въ виду разнообразія признаковъ этихъ наносныхъ почвъ авторъ описываетъ ихъ habitus и свойства отдѣльно по мѣстностямъ причемъ оказывается, что эти почвы являются то тяжелыми, то легкими, то болѣе глинистыми, то песчанистыми, нанесенными дѣятельностью то атмосферныхъ, то рѣчныхъ водъ.

Въ пятой главѣ, принадлежащей тому же автору, что и предъидущая, разсматривается *«химическій составъ растительно-наземныхъ почвъ и солонцовъ полтавской губерніи»*. И въ этой главѣ главное вниманіе обращено на характеристику самаго важнаго типа почвъ—

горовыхъ черноземовъ, для которыхъ имѣется 18 полныхъ анализовъ, произведенныхъ преимущественно *г. Шешуковымъ* по тому-же плану, какой былъ принятъ при изслѣдованіи нижегородскихъ почвъ. Разсмотрѣніе данныхъ этихъ анализовъ заставляетъ автора разбить горовые черноземы на три группы—глинистыхъ, суглинистыхъ и супесчаныхъ. Сопоставивши затѣмъ химическій составъ этихъ почвъ съ абсолютной высотой мѣстности, авторъ снова находитъ, что почвы, наиболѣе богатыя питательными веществами лежатъ въ наиболѣе высокихъ уѣздахъ, бѣднѣйшіе-же черноземы пріурочены къ пониженнымъ уѣздамъ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ приводитъ анализы и разсматриваетъ химическія свойства: черноземовъ пологихъ склоновъ, лѣсостепныхъ суглинковъ, лѣсныхъ суглинковъ, песковъ, солонцовъ и солонцоватыхъ черноземовъ, сводя затѣмъ въ общей таблицѣ данныя о важнѣйшихъ составныхъ частяхъ растительно-наземныхъ почвъ.

Вторая часть главы посвящена «общимъ замѣчаніямъ о химическомъ характерѣ растительно-наземныхъ почвъ полтавской губ.» при чемъ разсматриваются среднія величины для различныхъ моментовъ полтавскихъ почвъ.

Въ общемъ полтавскія почвы по сравненію съ нижегородскими являются болѣе супесчаными, и максимумъ глины въ нихъ достигаетъ лишь 28,44%, тогда какъ въ нижегородскихъ онъ доходитъ до 40%.

Различные типы растительно-наземныхъ почвъ въ отношеніи содержанія глины, песку, гумуса, цеолитовъ, а также поглотительной способности представляютъ слѣдующія данныя.

	глина	*песокъ*	*гумусъ*	*цеолиты*	*погл. сп.*
Черноземъ плато . . .	100	100	100	100	27,4
Долинный черноземъ . .	69	113	65	64	21,6
Переходные суглинки. .	82	—	63	62	—
Лѣсные суглинки. . . .	73	112	47	57	18,6
Пески	11	138	6	13	2,25

Изъ чего можно заключить, что лучшими почвами являются горовые черноземы, второе мѣсто принадлежитъ долиннымъ, за ними стоятъ лѣсостепные суглинки, затѣмъ лѣсные суглинки и наконецъ пески. Подобное отношеніе можетъ быть выведено для такой большей площади, какъ полтавская губернія, если брать для каждаго почвеннаго типа нѣсколько образцовъ изъ различныхъ мѣстъ губерніи и

сравнивать среднія величины. Въ виду того однако, что для цѣлей губернскаго земства эти среднія, болѣе или менѣе отвлеченныя, величины неподходящи, авторъ разбиваетъ всѣ почвы губерніи, по ихъ естественной правоспособности, на 11 классовъ, которые въ то же время, по мнѣнію автора, имѣютъ и извѣстное оцѣночное значеніе. Такими классами являются:

I. Горовой черноземъ 1-й полосы.

II. Горовой черноземъ 2-й и долинный 1-й полосы.

III. Переходные суглинки 1-й полосы.

IV. Горовой черноземъ 3-й полосы.

V. Лѣсные суглинки 1-й полосы.

VI. Долинный черноземъ 2-й полосы.

VII. Долинный черноземъ 3-й полосы и переходные суглинки 2-й полосы.

VIII. Лѣсные суглинки 2-й полосы.

IX. Переходные суглинки переяслав. уѣзда.

X. Солонцы.

XI. Пески.

Въ приложенной таблицѣ для каждаго класса за исключеніемъ III и X показаны важнѣйшія составныя части почвъ.

Въ VI главѣ г. Адамовъ разсматриваетъ «*механическій составъ и физическія свойства почвъ полтавской губерніи*».

Указавши на значеніе для правильной оцѣнки плодородія почвъ знанія ихъ физическихъ свойствъ, авторъ разсматриваетъ прежде всего ихъ *строеніе*. Оно опредѣляется относительнымъ содержаніемъ въ почвѣ преимущественно двухъ элементовъ: минеральныхъ частицъ, величина зеренъ которыхъ не превосходитъ 0,01 мм. (ила) и такихъ, величина зеренъ которыхъ равна отъ 0,01 до 2 мм. (песокъ).

Приводя затѣмъ механическіе анализы горовыхъ черноземовъ, позволяющіе опредѣлить въ нихъ относительное содержаніе указанныхъ элементовъ, авторъ также раздѣляетъ эти почвы на 3 подгруппы — глинистыхъ, суглинистыхъ и супесчаныхъ, при чемъ и здѣсь проводится та мысль, что причины разнохарактерности горовыхъ черноземовъ всецѣло лежатъ въ высотѣ мѣстности и связанныхъ съ нею геологическихъ особенностяхъ страны [1]).

---

[1]) Сравнивая таблицы глинистыхъ, суглинистыхъ и супесчаныхъ черноземовъ приводимыя гг. Глинкой и Адамовымъ (стр. 256, 257 и 309), можно убѣдиться, что иногда одни и тѣ же черноземы являются въ роли то глинистыхъ, то суглини-

Далѣе г. Адамовъ разсматриваетъ отношеніе этихъ 3-хъ подгруппъ къ водѣ, характеризуя ихъ влагаемкость, капилярность, водопропускающую способность, гигроскопичность и испаряемость, а также ихъ поглотительную способность. Такимъ же изслѣдованіемъ подвергались образцы и другихъ почвенныхъ типовъ—лѣсныхъ суглинковъ, супесей, кварцевыхъ песковъ и солонцовъ.

Кромѣ того для нѣкоторыхъ образцовъ различныхъ типовъ почвъ приведены данныя относительно удѣльнаго вѣса и объема, сопротивленія раздавливанію и отношенія къ теплотѣ.

Въ заключеніе авторъ даетъ общую характеристику каждаго изъ разобранныхъ типовъ почвъ съ точки зрѣнія строенія и физическихъ свойствъ. Для примѣра мы приведемъ здѣсь характеристику *глинистаго чернозема плато,* представляющаго, говоритъ авторъ, почву тяжелую для обработки, быстро напитывающуюся капельно-жидкой водой и быстро высыхающую съ поверхности. Имѣя сравнительно хорошую водоемкость,—среднюю водопроводимость, онъ можетъ задержать значительное количество воды, но не надолго; наконецъ, занимая первое мѣсто по поглотительной способности къ аммiаку (32, 4%), эти черноземы еще сохранили способность къ воспріятію питательныхъ элементовъ для растеній и равномѣрному распредѣленію ихъ. Слѣдовательно, дайте такой почвѣ лишь подобающую обработку, дайте ей достаточное количество влаги, и вы получите высоко-культурную, десятерицею вознаграждающую трудъ, землю.

Въ томъ же родѣ даны характеристики и для остальныхъ типовъ.

Въ концѣ главы приложено графическое изображеніе поглотительной способности, содержанія гумуса и цеолитной части, а также физико-механическихъ свойствъ почвъ полтавской губерніи.

Въ VII главѣ г. Барановскій представилъ *«очеркъ климата полтавской губерніи»*. Для этого ему послужили данныя 5 метеорологическихъ станцій, на которыхъ велись болѣе или менѣе продолжительныя наблюденія. Такія станціи находятся въ Полтавѣ, Кусто-

---

стыхъ, то супесчаныхъ, а именно: черноземы *Берестовки и Шадіевки* г. Адамовъ причисляетъ къ глинистымъ, г. Глинка къ суглинистымъ, черноземъ *Голотовщины* г. Адамовъ считаетъ за суглинистый, г. Глинка за супесчаный, черноземъ *Филоновщины* г. Адамовъ относитъ къ суглинистымъ, г. Глинка къ глинистымъ. Въ виду важнаго значенія, какое придаютъ оба автора этимъ тремъ подгруппамъ, указывая напр. на связь ихъ распространенія съ высотой мѣстности, подобная неопредѣленность едва ли допустима.

ловѣ, Кременчугѣ, Згуровкѣ и Ромнахъ. Авторъ приводитъ описаніе ихъ и таблицы сдѣланныхъ наблюденій, а затѣмъ даетъ общіе выводы относительно температуры, влажности, облачности, осадковъ, давленія воздуха и вѣтровъ полтавской губерніи, изъ которыхъ мы приводимъ здѣсь главнѣйшіе.

Средняя годовая температура всѣхъ станцій повышается по мѣрѣ убыванія широты. Самымъ теплымъ мѣсяцемъ является іюль, самымъ холоднымъ январь. Наивысшая крайняя температура достигаетъ 38°, 2 ц. въ іюлѣ (Полтава), низшая—31° 2 ц. въ февралѣ (Кустолово).

Влажность, какъ годовая средняя, такъ и средняя влажность растительнаго періода въ сѣверной станціи Згуровкѣ больше, чѣмъ въ Кременчугѣ и Полтавѣ. Минимумъ влажности падаетъ на май, максимумъ на ноябрь и декабрь. Облачность наибольшая въ холодное время года.

Среднее годовое количество осадковъ около 470 мм. Самое дождливое время —лѣто, самое сухое—зима.

Годовой ходъ давленія воздуха выражается наибольшимъ давленіемъ въ декабрѣ, наименьшимъ—въ іюнѣ, вообще, болѣе высокимъ давленіемъ зимою, чѣмъ лѣтомъ.

Наконецъ относительно вѣтровъ видно изъ приводимыхъ таблицъ, что зимою въ губерніи господствуютъ сѣверо-восточные вѣтры, весною-юго-восточные, лѣтомъ сѣверо-западные и за ними юго-западные, осенью—юго-западные. Преобладающее направленіе вѣтра въ году сѣверо и юго-западное,

«Ботанико-географическій очеркъ полтавской губерніи», составляющій VIII главу, принадлежитъ проф. Краснову.

Разсмотрѣвши предшествовавшіе труды по изслѣдованію полтавской флоры и ихъ недостаточность для цѣлей характеристики растительности и ея отношеній къ почвамъ края, авторъ объясняетъ, что, приступая къ своимъ изслѣдованіямъ, онъ имѣлъ въ виду дать характеристику одного изъ тѣхъ почвообразователей, различной дѣятельностью котораго вызвано было, до извѣстной степени, несходство въ почвенномъ характерѣ различныхъ частей губерніи, такъ какъ нормальныя растительно-наземныя почвы полтавской губерніи суть, болѣе или менѣе, продукты дѣятельности такихъ ботанико-географическихъ элементовъ,—такихъ «растительныхъ формацій», какъ *лѣсъ, степь, лугъ, болото, боръ, пойма* и *дюнная флора*.

Такъ какъ важнѣйшими почвенными типами губерніи были почвы степей и лѣсовъ, то главное вниманіе автора было устремлено на нихъ. Менѣе важные для оцѣнки почвъ элементы,—поемные луга, пески, болота стояли на второмъ планѣ.

Насъ интересовалъ вопросъ, говоритъ авторъ, какова растительность степи положимъ Константиноградскаго уѣзда. Эта степная флора—того же ли она состава, что и у степей уѣзда прилуцкаго? Есть ли различіе въ характерѣ степей, стоитъ-ли оно въ связи съ измѣненіемъ почвеннаго характера и есть-ли, вообще, какая нибудь законность въ этихъ измѣненіяхъ, если они наблюдаются?

При изслѣдованіяхъ былъ принятъ слѣдующій методъ. Въ избранной мѣстности отыскивались пункты, гдѣ природная растительность наименѣе искажена человѣкомъ. Она бралась за типъ. Зная составъ такой степи, лѣса или луга, авторъ, преређзжая съ мѣста на мѣсто, отмѣчалъ всѣ малѣйшія измѣненія въ характерѣ формацій и старался подмѣтить связь этихъ отклоненій съ измѣненіями въ рельефѣ страны, почвѣ и другихъ окружающихъ условіяхъ.

Авторъ различаетъ въ полтавской губерніи слѣдующія ассоціаціи растеній.

I. Черноземную прерію или травянистую степь, точно совпадающую съ областями развитія черноземныхъ почвъ

II. Широколиственные лѣса, типично развитые только на сѣрыхъ лѣсныхъ суглинкахъ, но также кое-гдѣ спорадически раскиданные по старымъ поймамъ и, какъ исключеніе, по степнымъ балкамъ.

III. Суходольный лугъ, развитой на сѣрыхъ лѣсныхъ земляхъ, на старыхъ поймахъ и такъ называемыхъ степныхъ воронкахъ или баклушахъ.

IV. Хвойные лѣса и флору дюнныхъ песковъ, взаимно смѣняющіяся формаціи, пріуроченныя, исключительно, къ различнымъ типамъ песчаныхъ почвъ.

V. Луговую флору съ ея оттѣнками—влажнымъ лугамъ, левадою, флорою стоячихъ или медленно текущихъ водъ, береговыхъ песковъ и гривъ, связанную съ областью заливныхъ луговъ или временно заболачивающихся мѣстъ.

VI. Генетически съ нею связанъ, но рѣзко, по внѣшнему виду выдѣляется типъ обогащенныхъ солями почвъ и связанныхъ съ ними формацій влажаго и сухого періодическихъ солонцовъ.

VII. Отдѣльно стоитъ господствующій, созданный человѣкомъ типъ растительности культурныхъ полей, толокъ и бурьяновъ.

Затѣмъ авторъ подробно описываетъ эти ассоціаціи и въ концѣ статьи приводитъ списки растеній отдѣльныхъ ассоціацій, а также общій списокъ растеній полтавской губерніи.

П. А.

Al. Czechowski. Samuel's von Skrzypna Twardowski „Wojna domova". Doctordissertation. (Posen, 1894). Стр. 55.

Докторская диссертація г. Чеховскаго, представленная къ защитѣ въ берлинскій университетъ, посвящена литературной характеристикѣ польскаго поэта и историка XVII в. Самуила Твардовскаго и въ особенности главнаго труда его «Wojna domowa». Для малорусской исторіографіи сочиненіе Твардовскаго имѣетъ первостепенный интересъ между прочимъ и потому, что для періода 1648—1551 г. пополняетъ пропускъ, происходящій отъ утраты части рукописи Самуила Величка (лѣтопись С. Величка, изд. Кіев. Вр. Ком. для разб. др. актовъ. Кіевъ, 1854. Т. 4. стр. V); между тѣмъ, «Wojna domowa» была чуть-ли на единственнымъ источникомъ Величка при описаніи событій этой эпохи. Въ 1718 г. писарь Лубенскаго полка Стефанъ Савицкій изложилъ «малороссійскимъ нарѣчіемъ» первую и начало второй части «Войны», и Самуилъ Величко пользовался этимъ переводомъ (тамъ же, стр. 84). Не лишенъ интереса взглядъ переводчика на достоинство труда Твардовскаго. «Въ стихахъ онихъ—говоритъ Савицкій—аще отъ большея части и истинну въ себѣ содержать являються, много обрѣтается и на Казацкую безчестнихъ, а на Лядскую страну надъ мѣру похвалнихъ словесъ и инихъ приложеній, къ наученію поэтическому надлежащихъ, въ чтеніи же и слишаніи прикрость наносящихъ». Поэтому въ прозаическомъ переложеніи своемъ Савицкій счелъ нужнымъ исключить «вишеизображенное непотребство, еже ко безчестію нашому, а похвалѣ Лядской, самое ихъ дѣло превосходящой, отъ истинни же далеко отступающой» (тамъ же, стр. 2).

Данныя для біографіи Твардовскаго очень скудны, и трудъ г. Чеховскаго слабо пополняетъ этотъ пробѣлъ. Сынъ калишскаго гродскаго писаря Матвѣя Твардовскаго и Софіи Рей, Самуилъ Твардовскій родился около 1600 г. въ Вел. Польшѣ и вѣроятно посѣщалъ калишскую іезуитскую коллегію архіепископа Карнковскаго. Въ 1621 г. онъ находился въ свитѣ Христофора Збаражскаго при посольствѣ въ Константинополь и затѣмъ оставался при дворѣ князя

до смерти послѣдняго. Г. Чеховскій отрицаетъ фактъ поѣздки Тв. въ Италію и на Западъ въ 1624—25 гг. въ свитѣ королевича Владислава и полагаетъ, что въ эту пору, какъ почти всю жизнь, онъ состоялъ на службѣ при дворѣ какого-нибудь польскаго магната. Въ 1642 г. Тв. получилъ въ держаніе отъ Петра Сенюты имѣнія Старый Гродъ и Держановъ въ Вел. Польшѣ, но постояннымъ пребываніемъ писателя были Зарубинцы около Збаража, полученные отъ кн. Збаражскаго и оставленные за нимъ кн. Іереміей Вишневецкимъ, съ которымъ Тв. воевалъ противъ козаковъ. По случаю осады Збаража Тв. долженъ былъ разстаться съ Зарубинцами и переселиться въ свои великопольскія имѣнія, о чемъ онъ съ грустью вспоминаетъ въ первой части «Войны». Около этого же времени сочиненіе Тв. «Владиславъ IV» было сожжено рукою палача по требованію московскаго царя, который настаивалъ на выдачѣ автора, какъ оскорбившаго въ своемъ трудѣ московское правительство, и на уплатѣ 100.000 р. вознагражденія за безчестіе [1]). Быть можетъ, это обстоятельство побудило Тв. въ 1655 г. перейти на сторону шведскаго короля, но не надолго, потому что уже въ 1656 г. по случаю вторженія шведовъ поэтъ долженъ былъ бѣжать изъ своихъ великопольскихъ имѣній. Умеръ Тв. вскорѣ послѣ мира при Оливѣ, закончившаго шведскую войну, и погребенъ въ бернардинской церкви въ Кобылинѣ (Вел. Польша).

Г. Чеховскій даетъ краткую характеристику трудовъ Тв. «Przeważna legacya», «Władysław IV,» переводнаго романа «Nadobna Paskwalina,» пасторали «Daphnis» и интересной для культурной исторіи «Satyr na twarz Rzeczypospolitéj», изд. въ 1640 г., которою воспользовался Хр. Опалинскій при составленіи своихъ сатиръ [2]); далѣе, отмѣчены нѣкоторыя мелкія лирическія поэмы Тв., изд. въ Калишѣ въ 1682 г., Вильнѣ въ 1771 г. и Краковѣ въ 1861 г. Что касается главнаго историческаго труда Тв. «Wojna domowa», то позднѣйшіе историки литературы, за рѣдкими исключеніями, были о немъ невысокаго мнѣнія. Задача г. Чеховскаго—установить правильный взглядъ на эту историческую поэму.

---

[1]) Объ этомъ упомянуто частью въ „Войнѣ", II, 7, по калишскому изд. 1681 г. далѣе въ Climacteres Коховского, I, 182 и у В. Потоцкого, Wojna Chocimska (Warsz., 1880), пред., стр. 58—60 и 85. Кажется, эти данныя пополняютъ пробѣлъ, на который указано г. Брикнеромъ въ статьѣ „Россія и иностранная печать въ XVI и XVII ст". (Рус. Вѣд. 1895 г. № 80).

[2]) Объ этомъ см. Wł. Rabski, Ueber die Satyren des Chr. Opaliński. Doctordissertation (Berlin, 1892).

«Война» обнимаетъ 12 лѣтъ борьбы Польши съ козачествомъ при Янѣ Казимирѣ (1648—1660 г.г.) При жизни автора появилась сперва вторая часть поэмы, въ 1657 г., въ Лиссѣ (утрачена); первая часть вышла въ Краковѣ въ 1660 г., полное изданіе въ Калишѣ въ 1681 г. Это послѣднее изданіе крайне неисправно. По содержанію своему поэма, состоящая изъ 16.000 стиховъ, страдаетъ нѣкоторою невыдержанностью плана и исполненія. Дѣло въ томъ, что четыре части ея написаны въ разное время, подъ вліяніемъ новаго порядка идей и фактовъ. Задумавъ въ 1650 г. описать первые два года козацко-польской борьбы (1648—9), авторъ не ожидалъ, что междоусобіе заполнитъ всю его послѣдующую жизнь, и не предвидѣлъ всѣхъ послѣдствій зборовскаго договора. Послѣ берестечской битвы и бѣлоцерковскаго трактата Тв. снова взялся за перо, чтобы воспѣть униженіе Хмельницкаго и торжество Польши и предсказать при этомъ покореніе Турціи и взятіе Константинополя. Надежды поэта не оправдались, овладѣть народнымъ востаніемъ Польша не успѣла, но впереди поляковъ ожидала еще шведская война. По мѣрѣ хода событій поэтъ продолжалъ свой трудъ, который такимъ образомъ составлялся подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ событій.

Наиболѣе слаба по конструкціи 4-я часть поэмы, носящая хорактеръ стихотворнаго мемуара; отчасти тотъ же характеръ имѣетъ и 3-я часть (1652—3 гг.); болѣе единства въ первыхъ двухъ частяхъ: задача поэта—сложить хвалу двумъ героямъ, Іереміи Вишневецкому и королю Яну Казимиру,—эти двѣ центральныя фигуры объединяютъ дѣйствіе. Кульминаціоннымъ пунктомъ разсказа служатъ, разумѣется, осада Збаража и берестечская битва. Замѣтно при этомъ нѣкоторое подражаніе Лукану („Pharsalia“), Петру Кохановскому (переводъ «Освоб. Іерусалима»), Энеидѣ и поэмамъ Яна Кохановскаго; впрочемъ, «Война» въ этомъ отношеніи выгодно отличается отъ другихъ поэтическихъ произведеній Тв., въ ней больше самостоятельности въ рисункѣ, идеяхъ и сравненіяхъ. Г. Чеховскій отмѣчаетъ еще оригинальную особенность «Войны»—рядъ провинціализмовъ, заимствованіе многихъ словъ изъ малорусскаго языка и тюркскихъ нарѣчій; выборка этихъ словъ сдѣлана на стр. 24—26 диссертаціи, съ филологическими поясненіями. Любовь къ сравненіямъ, нерѣдко оригинальнымъ и удачнымъ, оживляетъ изложеніе Тв., въ общемъ страдающее нѣкоторою тяжеловѣсностью и морализирующимъ тономъ.

Въ свое время «Война» не привлекла особаго вниманія публики, такъ какъ полное изданіе ея запоздало, утративъ современный

интересъ. Вліяніе ея частью сказалось, напр., на произведеніи Вацлава Потоцкаго «Хотинская Война». Большее вліяніе имѣлъ Тв. на труды малорусскихъ хронистовъ, какъ можно видѣть изъ сравненія «Войны» хотя-бы съ лѣтописью С. Величка.

Но главное значеніе «Войны», помимо поэтическаго ея содержанія, заключается въ историческомъ матеріалѣ. Нужно удивляться той массѣ извѣстій, которыя удалось собрать Тв. для построенія своей поэмы. Конечно, въ вихрѣ событій Тв. не съумѣлъ и не могъ сохранить полнаго безпристрастія и надлежащей обстоятельности, но благодаря этому поэма даетъ возможность судить объ уровнѣ развитія, настроеніи и политическихъ симпатіяхъ польскаго шляхтича половины XVII в. Пристрастіе Тв. къ Іереміи Вишневецкому и Яну Казимиру вполнѣ понятно и объяснимо съ этой точки зрѣнія, какъ понятно и толерантное отношеніе его къ поведенію польской шляхты въ Устьи въ 1655 г. Прочіе дѣятели польскіе выступаютъ въ поэмѣ лишь мимоходомъ, насколько это нужно для связности разсказа. Въ отношеніи козаковъ Тв. проявляетъ извѣстнаго рода умѣренность. Онъ считаетъ козаковъ выселившимися на окраину польскими крестьянами, которые въ борьбѣ съ пограничными хищниками достигли самостоятельности. Упрекая козаковъ за измѣну общему отечеству, Тв. не отрицаетъ ихъ военныхъ доблестей и готовъ признать, что причина усобицы крылась въ справедливомъ недовольствѣ козачества противъ польскихъ притѣсненій. Поэтому Тв. совѣтовалъ не стремиться къ конечному истребленію козачества и возмущался молчаливымъ согласіемъ на уводъ въ неволю козацкихъ семействъ татарами въ 1653 г. (IV,131). По поводу Гадячскаго договора Тв. даже высказался въ томъ смыслѣ, что всѣ народы, македоняне римляне, и даже поляки, произошли отъ мужиковъ, почему нѣтъ основанія отказывать въ политическихъ правахъ козакамъ, которые заявили себя храбрыми воинами (IV, 264—5). Тѣмъ большее нерасположеніе и ненависть обнаруживаетъ Тв. въ отношеніи Богдана Хмельницкаго.

Въ вопросахъ религіи Тв. проявляетъ значительную терпимость, несмотря на все свое правовѣріе, и главную причину постигшихъ Польшу невзгодъ видитъ въ неудовлетворительности государственныхъ учрежденій, въ ошибкахъ, жадности и эгоизмѣ шляхты и не стѣсняясь указыветъ послѣдней на ея пороки и недостатки. Эта сатирическая черта красной нитью проходитъ во всей поэмѣ. Дурная организація польскихъ войскъ, грубость и недисциплинированность ихъ, вѣчные раздоры начальниковъ, честолюбіе и беззаботность магнатовъ,

жадность земельной шляхты, которая высасываетъ всѣ соки изъ бѣдныхъ землеробовъ (III,72), безчеловѣчно обращается съ козаками и съ цѣлью обогащенія даже облагаетъ хлѣбъ ихъ (III,69), погоня за должностями и продажность послѣднихъ, безсиліе королевской власти, безсудіе, упадокъ торговли, общая продажность и пр. и пр.— все это отмѣчено въ поэмѣ, и такимъ образомъ «Война» краснорѣчиво дополняетъ картину, нарисованную Опалинскимъ и другими сатириками XVII в.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе живо и интересно написанной монографіи г. Чеховскаго, не лишенной значенія для литературной исторіи Польши. Разсмотрѣніе «Wojny Domowéj» со стороны ея фактическаго содержанія, критика достовѣрности ея путемъ сопоставленія съ другими современными и позднѣйшими источниками не входила, къ сожалѣнію, въ задачи автора, почему и нельзя ему ставить въ упрекъ этотъ пробѣлъ его труда.

По установленному порядку, къ диссертаціи приложены тезисы. Ихъ всего три: 1) Неосновательно мнѣніе, будто Тв. принималъ участіе въ путешествіи Королевича Владислава на Западъ и въ Италію въ 1624—5 г.г. 2) Въ польской литературѣ XIX в. сатирическое настроеніе значительно уменьшается сравнительно съ XVIII в., усиливаясь въ литературѣ русской. 3) Двѣнадцатилѣтнія войны при Янѣ Казимирѣ имѣли слѣдствіемъ полное разстройство внутреннихъ и внѣшнихъ политическихъ отношеній Польши и представляютъ одинъ изъ самыхъ глубокихъ переломовъ въ исторіи польскаго государства, которое съ этой поры неудержимо стремится къ разрушенію.

По обычаю же, эти тезы почти вовсе не стоятъ въ непосредственной связи съ содержаніемъ диссердаціи г. Чеховскаго.

Н. М.

Русскіе народы. Наброски перомъ и карандашемъ. Рисунки Л. Л. Бѣлянкина. Текстъ подъ редакціею проф. Н. Ю. Зографа. Часть I. (Выпуски 1—3). Европейская Россія. Москва. 1894. Цѣна 1 р. 80 к.

Настоящіе очерки имѣютъ цѣлью познакомить читателя, интересующагося населеніемъ Россіи, въ существенныхъ, общихъ чертахъ съ наружнымъ видомъ и бытовой обстановкой разныхъ народностей русскаго государства; въ интересахъ пониманія этнографическихъ

особенностей, сообщаются также историческія свѣдѣнія. Изложеніе текста толково и сжато (42 стр. in 4°); въ концѣ приложенъ списокъ литературныхъ пособій. Рисунки исполнены литографскимъ способомъ роскошно (18 таблицъ); оригиналами для нихъ послужили матеріалы Румянцевскаго и Публичнаго музея, при чемъ рисовальщикъ пользовался указаніями и совѣтами ученаго хранителя музея, проф. В. Ѳ. Миллера.

Югу Россіи и Бѣлоруссіи посвященъ почти весь второй выпускъ, который можно пріобрѣсти и отдѣльно (60 к.). Что касается антропологической и собственно этнографической стороны описанія, то онѣ и здѣсь, какъ и въ другихъ частяхъ изданія, выполнены внимательно и съ знаніемъ дѣла. Къ сожалѣнію, въ историческихъ замѣчаніяхъ попадаются иногда неточности и ошибки. Такъ напр., мы не можемъ понять, какія права и привиллегіи унаслѣдованы малороссіянами отъ своей безпокойной Запорожской Сѣчи (стр. 21); Сербы переселились въ Новороссійскія степи, какъ извѣстно, изъ Австро-Венгріи, а не изъ Турціи, какъ говорится въ «Народахъ Россіи (ibid.)», и появились они со времени не Екатерины (стр. 24), а Елисаветы. Такихъ недосмотровъ, впрочемъ, не много. Малороссамъ отведено двѣ таблицы прекрасныхъ рисунковъ; бѣлоруссамъ, народамъ Бессарабіи и Таврическаго полуострова—по одной таблицѣ. Слѣдуетъ также упомянуть о схематическихъ рисункахъ древне-русской одежды и современныхъ костюмовъ великорусскаго и татарскаго, помѣщенныхъ на внутренней сторонѣ обложки третьяго выпуска.

Въ общемъ названное изданіе привлекаетъ къ себѣ серьезностью и добросовѣстностью, красотой и дешевизною и несомнѣнно принесетъ свою долю пользы.

В. Я.

Историческій очеркъ Умани и Царскаго Сада (Софіевки). В. Иващенка. Кіевъ. 1895. 8-о. 57 стр., съ 2-мя портретами, 4-мя рисунками, однимъ планомъ и однимъ снимкомъ съ рукоп.

Настоящая книжка заключаетъ въ себѣ историческій очеркъ г. Умани и подробное описаніе извѣстнаго уманскаго сада, устроеннаго Феликсомъ Потоцкимъ (р. 1750 † 1805) для своей жены, красота которой видна изъ приложеннаго тутъ же ея портрета. Описаніе

сада иллюстрировано четырьмя отлично сдѣланными свѣтописными картинками и планомъ. Очеркъ Уманщины и г. Умани составленъ, главнымъ образомъ, по Руликовскому (ст. *Нитай* — въ словарѣ Сулимирскаго), причемъ авторъ довольно подробно разсказалъ и о гайдамацкомъ возстаніи 1768 г. Въ дополненіе къ послѣднему разсказу, при книжкѣ приложены: портретъ Гонты, совершенно отличный отъ того, который былъ приложенъ къ № 11-му «Кіевск. Стар.» 1882 г.[1]) и свѣтотипный снимокъ той еврейской молитвы въ память «уманской рѣзни», полный текстъ которой приведенъ въ мартовской книжкѣ «Кіевск. Стар.» за настоящій годъ.

Интересная по содержанію книжка г. Иващенка издана такъ изящно и приложенные къ ней свѣтописные рисунки сдѣланы такъ отчетливо, что остается только радоваться тому совершенствованію книгопечатной техники въ Кіевѣ, которому въ послѣдніе годы много помогла типографія и фототипія г. Кульженка.

А. Л.

Книги кіевской и львовской печати въ Москвѣ въ третью четверть XVII в. Виталія Эйнгорна. Москва. 1894. 8-о. 19 стр. (Отд. оттискъ изъ „Книговѣдѣнія").

Брошюра г. Эйнгорна заключаетъ въ себѣ интересныя свѣдѣнія о распространеніи книгъ кіевской печати въ Москвѣ, во втор. полов. XVII в., при чемъ Лазарь Барановичъ и Іоанникій Галятовскій умѣли очень искусно выпрашивать даже матеріальную помощь своимъ изданіямъ; такъ, Барановичу разрѣшено было печатать пресловутыя его «Трубы» на казенный счетъ въ московской типографіи, а когда это печатаніе почему то не состоялось, то государь пожаловалъ ему бумаги на печатаніе «Трубъ» въ Кіевѣ [2]). Галятовскій поднесъ своего

---

[1]) Принадлежность портрета Гонтѣ поясняется надписью—*Honta, atamau koźaków*, сдѣланною на оборотной сторонѣ холста. Портретъ пріобрѣтенъ у одного изъ кіевскихъ старьевщиковъ и, судя по красивой дубовой рамкѣ, могъ украшать прежде какой нибудь богатый палацъ... Достовѣрность портрета сомнительна.

[2]) По напечатаніи „Трубъ", Лазарь Барановичъ очень выгодно сбывалъ ихъ въ Москвѣ, выручивъ за одно это изданіе - по разсчету г. Эйнгорна—„на наши деньги", будто бы „около 10 тыс. рубл." Къ сожалѣнію, г. Эйнгорнъ не указываетъ—во что онъ оцѣниваетъ рубль втор. полов. XVII в. Экз. „Трубъ" продавался въ Москвѣ, безъ переплета, 2 р., а въ переплетѣ—по 2 р. 50 к.

«Мессію Правдиваго» государю и былъ за то не только «милостиво похваленъ», но получилъ «соболей на 100 руб.» Печерскій архимандритъ Гизель получилъ въ 1672 г. позволеніе продавать въ Москвѣ книги кіевской печати по «вольной цѣнѣ» и послалъ туда 539 экз. разныхъ книгъ и четыре стопы «печерскихъ листковъ». Между привезенными изъ Кіева книгами было, между прочимъ: 50 польскихъ букварей, 50 грамматикъ русскихъ, 12 библій, 58 часослововъ, 7 патериковъ печерскихъ, 31 азбука, 320 кануниковъ, 4 полуустава. Торговля шла, повидимому, успѣшно, такъ какъ въ томъ же 1672 г. Кіево-печерскій монастырь открылъ въ Москвѣ особую свою лавку для торговли книгами, при чемъ въ ней продавались книги и львовской печати и даже извѣстная библія «острожской печати». Интересно, что въ числѣ привезенныхъ при этомъ въ Москву книгъ были книги и на польскомъ языкѣ, напр.—сочиненіе Барановича—Żywoty Swiętych (1670 г.), Lutnia Apollinowa (1671 г.). Значитъ, находили и такія книги сбытъ въ Москвѣ; а вмѣстѣ съ ними, тамъ же, продавались и разные «элементари» на польскомъ и латинскомъ язык., въ которыхъ, слѣдовательно, тоже была потребность въ Москвѣ. Такъ незамѣтно совершалось вліяніе кіевской учености на московскую...

Столѣтіе учрежденія православной епархіи въ Подоліи. (1795—1895). Составилъ свящ. П. Викулъ. Вильна. 1895. 16-о. 48 стр.

Предпославъ коротенькій историческій очеркъ Подолья до к. XVIII в., авторъ затѣмъ перечисляетъ главныхъ дѣятелей открытой въ 1795 г. подольской епархіи, при чемъ особенно отмѣчаетъ двухъ изъ нихъ—Іоанникія (1795—1819 г.), происходившаго изъ волынскаго крестьянства, и Кирилла (1832—40 г.). Современное Іоанникію «православное духовенство, лишенное всякаго образованія, или воспитанное въ базиліанскихъ школахъ, получившее посвященіе гдѣ нибудь въ Молдавіи или отъ заѣзжихъ архіереевъ, мало удовлетворяло своему назначенію»; поэтому Іоанникій все свое вниманіе обратилъ на школу; не ограничиваясь семинаріей, онъ открылъ два духовныхъ училища, одно въ Шаргородскомъ монастырѣ, а другое при архіерейскомъ селѣ Приворотьи; въ этомъ послѣднемъ училищѣ Іоанникій учениковъ содержималъ на свой счетъ. Епископъ Кириллъ, заботясь объ улучшеніи быта приходскаго духовенства, заботился и объ участи крестьянъ своей епархіи; «заботился онъ о томъ, чтобы

крестьяне освобождены были отъ работъ въ воскресные и праздничные дни, а также на время говѣнья, и чтобы пасхальный праздникъ они имѣли возможность праздновать, по древнему обычаю, семь дней и проч. «Какъ сводъ разбросанныхъ въ Подольск. Епарх. Вѣд. свѣдѣній о подольской старинѣ очеркъ о. Викула небезполезенъ, пока существующій въ Кам.-Подольскѣ съ 1865 г. «комитетъ для историко-статистическаго описанія Подольской епархіи» соберется издать хотя бы краткое, но обстоятельное описаніе послѣдней,—необходимое для справокъ.

Историческія свѣдѣнія о бывшихъ въ м. Шаргородѣ (могилевскаго уѣзда) духовной семинаріи и духовномъ училищѣ. Н. Чарнецкаго. Каменецъ-Подольскъ. 8°. 79 стр. (Отд. оттискъ изъ Подольск. Еп. Вѣд. 1894 г,).

Книжка г. Чарнецкаго заключаетъ въ себѣ обстоятельный, по архивнымъ источникамъ составленный, очеркъ, какъ замѣнялись прежде бывшія въ Подоліи базиліанскія школы новыми. Въ м. Шаргородѣ устроена была въ 1797 г. семинарія для к.-подольской епархіи, потому что въ этомъ мѣстечкѣ въ бывшемъ уніатскомъ Никольскомъ м—рѣ) жилъ тогда и подольскій епископъ Іоанникій. Затѣмъ, когда семинарія переведена была въ Каменецъ-Подольскъ, въ Шаргородѣ устроено было духовное училище, которое продолжало существовать до нашего времени. (Нѣсколько лѣтъ назадъ оно переведено въ Тывровъ). Подробно разсказанная исторія этого училища за первую четверть вѣка представляетъ любопытныя подробности о крайней бѣдности учащихся и такомъ же невѣжествѣ учащихъ. Примѣровъ ужаснаго отношенія послѣднихъ къ учащимся книжка г. Чарнецкаго приводитъ множество. Въ 1820 г. одинъ священникъ жаловался архіерею, что «начальство Шаргородскаго училища начало жестоко обходиться съ его сыномъ за невнесеніе въ этомъ году учителямъ по 10 злотыхъ въ учебную треть, что онъ, священникъ, обыкновенно аккуратно дѣлалъ съ 1815 г.»; жалобщикъ писалъ, что за

прекращеніе гонорара сынъ его получилъ 64 удара розгами... Въ 1826 г. учитель Щербацкій по поводу, жалобы другого священника за жестокое наказаніе его сына, объяснялъ своему начальству, что онъ «наказывалъ такъ, какъ къ тому навыкъ». Какія педагогическія мѣры принимались Шаргородскою школою для поддержанія нравственности учащихся, указываетъ слѣдующая подписка, отобранная начальствомъ отъ учениковъ старшаго класса въ 1825 г.—«Мы, нижеподписавшіе-ся, даемъ сію подписку въ томъ, что впредь будемъ себя вести честно и скромно, горячихъ напитковъ вовсе ни въ питейныхъ домахъ, въ которые ни подъ какимъ видомъ и ходить не отважимся, употреблять не будемъ; съ квартиры въ непозволенное время, а особливо ночью не только на Масловку (предмѣстье Шаргорода), но даже и въ другое какое либо мѣсто, къ противному себѣ полу, отлучаться никогда не рѣшимся. Если же, въ случаѣ начальствомъ будутъ замѣчены за нами или дурные поступки, или разсѣянность, или по квартирѣ или по классу въ чемъ либо неисправность, то подвергаемся всякому жесточайшему истязанію, строгому при всѣхъ ученикахъ подъ училищнымъ колокольчикомъ тѣлесному наказанію, кромѣ того обчерненію по вѣдомостямъ и представленію въ семинарское правленіе объ исключеніи насъ за дурное поведеніе». Подобныя же подписки приходилось выдавать иногда и самому начальству шаргородскаго училища. Въ томъ же 1825 г. шаргородская мѣстечковая власть обратилась въ шаргородское училище съ требованіемъ о запрещеніи инспектору Александру Островицкому и учителю Филиппу Щербацію—«впредь бить крестьянъ». И тотъ и другой дали подписку—«не бить», но очень скоро затѣмъ должны были деньгами отплачиваться за тяжкіе побои, нанесенные ими крестьянину Паланичу... Нельзя не поблагодарить г. Чарнецкаго за сохраненіе отъ архивнаго истлѣнія тѣхъ любопытныхъ для исторіи нашей первоначальной школы свѣдѣній, которыми наполнена его книжка.

Жизнь и труды М. П. Погодина. Н. Барсукова. Книга девятая. Спб. 1895. 8°.

Въ этой книгѣ, посвященной событіямъ 1847 и 1848 гг., есть нѣсколько выписокъ изъ разныхъ книгъ, дополняющихъ свѣдѣнія о Костомаровѣ и Кулишѣ, напечатанныя въ Русск. Архивѣ 1892 г., № 7; но затѣмъ въ нынѣ изданной части непрерывнаго труда г. Барсукова фактовъ, относящихся къ южнорусской исторіи, почти не встрѣчается. Приводится только любопытное письмо къ Погодину «русскаго ученаго» Александра Григорьевича Яновскаго, написанное въ нач. 1847 г., послѣ путешествія по славянскимъ землямъ, при чемъ Яновскій, распространяясь о сходствѣ «нашихъ хохловъ» съ чехами и лужичанами, говоритъ: «Чехи и лужичане, которыхъ я наблюдалъ въ деревняхъ, имѣютъ съ нашими хохлами разительное сходство. Въ мужчинахъ оно еще не такъ замѣтно по различію занятій, образованія, особливо отъ столкновенія съ нѣмцами, которые зовутъ ихъ цопаками, отъ частыхъ отзывовъ ихъ: цопакъ (по малороссійски— що пакъ), но женщины, по физіономіи, костюму, пріемамъ, ухваткамъ, точь въ точь наши малороссійскія мѣщанки; глядя на нихъ, я переносился мысленно въ Малороссію. Постройка и расположеніе домовъ, утварь и пр.—все малороссійское, только чище и лучше. Я самъ малороссіянинъ, и для меня всѣ тонкія черты народности понятнѣе, чѣмъ для человѣка другой націи, даже русскаго, ибо русскіе очень и очень многимъ отличаются отъ малороссіянъ. Въ языкѣ чеховъ я находилъ всѣ слова малороссійскія и ни одного чисто русскаго. Не знаю, откуда русскіе набрали въ свой языкъ такихъ словъ, коихъ нѣтъ ни въ одномъ словенскомъ нарѣчіи. Например, *глазъ, рубаха* и пр. Вездѣ говорятъ, какъ и малороссіяне, *око, сорочка* или *кошуля*. Слово *понимаю*—видимо, что русскіе составили сами, корень его замѣтенъ; а у всѣхъ словенскихъ племенъ говорятъ малороссійское *розумію*, слова: *лошадь, башмакъ, кушакъ* и пр.—чисто татарскія, ихъ нѣтъ ни у малороссіянъ, кои тоже подвергались татарскому игу, ни у нашихъ западныхъ собратій. У тѣхъ и другихъ говорятъ одинаково: *конь, черевикъ, пасъ, (поясъ)*. Ваша московская *сайка* должна быть чухонскаго происхожденія, тамъ *саикъ* называется бѣлый хлѣбъ. Обычаи малороссіянъ болѣе сходны съ

чешскими, чѣмъ съ русскими. Для примѣра укажу на *щедрый вечерь* (канунъ новаго года), на дѣвичье цѣломудріе и пр.» [1]) (стр. 153, Свѣдѣнія эти, не смотря на ихъ краткость, очень любопытны, особенно для вопроса—откуда шла колонизація лѣвобережной Малороссіи въ XVI и XVII в. в.

А. Л.

[1]) Никакихъ другихъ свѣдѣній объ авторѣ этого письма, А. Г. Яновскомъ, намъ не приходилось встрѣчать.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА
АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРІИ И ЭТНОГРАФІИ
при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Въ 1895. г. «Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ» будутъ выходить шесть разъ въ годъ (1 выпускъ въ концѣ января, а слѣдующіе въ первыхъ числахъ марта, мая, іюля, сентября и ноября) книжками въ 7—8 листовъ in 8⁰.

Содержаніе книжекъ „Извѣстій" составляютъ:

1) Оригинальныя и переводныя статьи по общимъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи;

2) Спеціальныя изслѣдованія и статьи по археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи (Поволжья, Средней Азіи и Сибири);

3) Матеріалы археологическіе, историческіе и этнографическіе, относящіеся къ Восточной Россіи: мелкія оригинальныя сообщенія, акты, произведенія народнаго творчества, словари инородческихъ языковъ и мѣстныхъ русскихъ говоровъ, извлеченія изъ періодическихъ изданій Восточной Россіи;

4) Хроника: извѣстія о музеяхъ Восточной Россіи, о находкахъ, раскопкахъ, объ экспедиціяхъ археологическихъ, археографическихъ, антропологическихъ и этнографическихъ, и о прочитанныхъ въ засѣданіяхъ русскихъ ученыхъ обществъ рефератахъ, имѣющихъ отношеніе къ Восточной Россіи;

5) Програмы по спеціальнымъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи; отдѣльные вопросы редакціи;

6) Библіографія: обзоръ книгъ и статей мѣстныхъ, общерусскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданій, имѣющихъ отношеніе къ археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи.

Въ «Извѣстіяхъ» принимаютъ участіе: Н. Ѳ. Акаемовъ, проф. А. И. Александровъ, И. В. Аничковъ (Ауліэ-Ата), Г. Ахмаровъ, Ш. Г. И. Ахме-

ровъ, Н. Н. Бакай (Красноярскъ), проф. В. А. Богородицкій, проф. Е. Ѳ. Будде, К. В. Виклюндъ (Уисала), В. Н. Витевскій, Г. Вихманъ (Гельсингфорсъ), К. И. Воронцевъ, К. Б. Газенвинкель, А. О. Гейкель (Гельсингфорсъ), М. Е. Евсевьевъ, И. А. Износковъ, Ѳ. И. Кардасевичъ (Будапештъ), Г. Е. Катанаевъ (Омскъ). Н. Ѳ. Катановъ, С. И. Кедровъ (Саратовъ), Д. А. Кочневъ. А. К. Кулагинъ, акад. В. В. Латышевъ, Е. Ф. Литинскій (Самаркандъ), Н. М. Мартьяновъ (Минусинскъ), П. Медоксъ. В. А. Мошковъ (Варшава), еписк. Никаноръ (Арханг.), П. М. Овчинниковъ (Иркутскъ), П. А. Пономаревъ, проф. И. Н. Смирновъ, А. А. Спицынъ, Ѳ. А. Теплоуховъ (Пермь), Н. З. Тиховъ, В. М. Терехинъ (Пенза), П. В. Траубенбергъ, П. О. Чупинъ (Барнаулъ), проф. А. А. Штукенбергъ, проф. Н. А. Ѳирсовъ, пр.-доц. Н. Н. Ѳирсовъ и др.

Одной изъ основныхъ задачъ «Извѣстій» является всестороннее изученіе Урало-Алтайскаго міра. Для посильнаго осуществленія этой задачи редакція «Извѣстій» считаетъ необходимымъ держать своихъ читателей au courant всего, что является новаго въ этой области знанія, и пріобрѣла корреспондентовъ въ Гельсингфорсѣ, Буда-Пештѣ и Упсалѣ для отчетовъ о новостяхъ венгерской и скандинавской литературъ.

Въ видѣ приложеній къ «Извѣстіямъ будутъ печататься:

Матеріалы для этнографіи Поволжья. «Мордовско-русскій словарь» и «Мокшанскія пѣсни» М. Е. Евсевьева.

Цѣна годовому изданію 5 руб., каждая книжка отдѣльно по 1 руб. Желающіе могутъ внести подписную сумму (5 р.) въ два срока: три рубля при подпискѣ и 2 р. къ 1 іюля.

Дѣствительные члены Общества, внесшіе членскій взносъ въ размѣрѣ 5 р., получаютъ изданіе безплатно.

Подписныя суммы адресуются: Казань, Университетъ, Секретарю Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи.

«Извѣстія» выходятъ подъ редакціей Секретаря Общества при ближайшемъ участіи членовъ редакціоннаго комитета.

Выписывающіе отдѣльные выпуски отъ Общества за пересылку не платятъ.

Секретарь Общества *Н. Ѳ. Катановъ.*

Члены редакціоннаго комитета:

И. Н. Смирновъ.

Ѳ. Г. Мищенко.

зискъ въ Криски, былъ у мене. Дѣло мое зъ Кодницями стискано зъ суда въ минѣстерскую канцелярію. Отъ Вѣжевского за позичение отъ мене 30 р. отобралемъ 8 р. и 94 копѣйки.

Середа. 24. День былъ похмурний и силная метелица тривала черезъ увесь день, въ ночѣ такъ же жестоко великій снѣгъ ишолъ, и о полночи перестал, а до свѣта знову пойшолъ. Рано былъ у князя, на службѣ у святой Анастасіи и у ясневелможного. Якубовичъ пріехалъ въ Глуховъ. Обѣдалемъ у себе. Машталера принялемъ вновъ на службу, которому въ годъ габа, киндякъ, кожухъ, чоботъ и кошуль по 2 пари и 2 р.

Четвер. 25. День былъ зранку снѣженъ зъ отлигою, якая въ день наипаче оказалась, а къ вечеру пересталъ снѣгъ, ночъ была не зъ снѣгомъ, однакъ не холодна, а къ свѣту показался морозецъ. Рано были зъ род. у князя и съ нимъ на службѣ у церквѣ Веригинской, где писаръ Печерскій зъ протчіими служили, а Залуцкій, печерскій чернецъ, казанно говорилъ. Обѣдалисмо у князя, потомъ ездилемъ до п. Михайла.

Пятокъ. 26. День сей зранку тихъ и морозецъ показался зъ снѣгомъ, въ день до вечора разставало, ночъ випогодила и зъ морозцемъ. Савѣ доплатилемъ за медъ полъ 6 зол. У день были у мене Кондзеровскій и Мировичъ Петро. Зъ Лубенъ, отъ швакгра Троцкого, и зъ Ромна, отъ брата п. Семена, писма получилемъ.

Субота. 27. День былъ холодноватъ и похмуренъ сперва, потомъ свѣтелъ и тепелъ. Ночъ сперва свѣтла, потомъ похмурна зъ морозцемъ. Ездилемъ рано въ судъ подать челобитную на Якубовича, где не засталемъ судей великороссійскихъ, толко Забѣлу, который показивалъ мнѣ челобитную отъ Казѣмирова, данную на хоружого енер. Якима Горленка, за то, что якоби онъ називалъ артикули статута бездушними, чтобъ ему не бить въ судѣ. Обѣдалемъ въ дому. Писма получилемъ отъ брата п. Семена и швакгра Троцкого и отъ матки, о ея болезни.

Неделя. 28. День былъ сперва холоденъ и похмуренъ, потомъ стало роставать. Ночъ сперва зъ дожчемъ и до свѣта похмурна и мокровата. Рано у князя билемъ, который показивалъ

мнѣ искъ Чарнишевъ въ 4-хъ пунктахъ: 1, о внесенню матки ихъ, 2, о показанню безъ утайки всѣхъ крѣпостей и скринь зъ вещми за печаттю, 3, чтобъ мачеха не интересовалась до того, что до ея отецъ ихъ нажилъ, 4, а що изъ нею нажилъ, и съ того бъ ему ровная часть. На службѣ былъ у ст. Анастасіи и обѣдалъ у ясневел. О Танскомъ [1]) отъ Воронежского сотника вѣдомость получена, что теперъ онъ за караулъ посаженъ въ Москвѣ, въ іностранной колегіи.

Понеделокъ. 29. День былъ похмурний, теплій и ночъ таковажъ, къ свѣту морозецъ маленькій. Подалемъ въ судъ чолобитную на Якубовича о 456 р. Обѣдали родитель и я у себе, у вечеру ездилемъ до брата п. Мих., а оттоль до князя, куда пріехалъ и Еропкинъ, швакгеръ. 14 воз. купилемъ дровъ по 4 копѣйки.

Вовтор. 30. День былъ свѣтлій, весняній и теплій вечеръ, ночъ похмурна, такъ же тепла, передъ свѣтомъ морозецъ. Якубовичъ рано былъ у мене, и упросилъ мене, что я ему 106 р. уступилъ, а онъ долженъ августа 1-го числа 250 р. отдать, а буде не отдаетъ, то мнѣ футоръ его заехать Артополотскій. Ездилемъ въ день до п. Михайла и попогравши у пѣкетъ, вернулся.

Середа. 31. День зъ самого ранку свѣтелъ зъ морозцемъ, потомъ хмуренъ зъ вѣтромъ холоднимъ и мокроватъ, ночъ первей похмурна, потомъ свѣтла зъ морозцемъ малимъ. Обѣдалисмо вкупѣ зъ род. и никуда не ездилемъ.

М-цъ Априль. Четвер. 1. День похмурній и теплій, ночъ таковажъ. Роздѣлку сегодня зъ Якубовичемъ исправилемъ и докончилемъ, о которой упомянулемъ марта 30-го. Билемъ у ясневел. и п. Михайла, где видѣлемъ вѣдомость отъ Штока, изъ Кіева присланную, что якоби въ Цареградѣ знову бунтъ зъ тихъ мѣръ, что будто солтана нинѣшнего детронѣзовано. Обѣдалемъ у себе, а род. у князя.

Пятокъ. 2. День былъ теплій, отчасти похмурний, самій весняний, ночъ также хмурна и тепла. Ездилемъ рано до князя,

---

[1]) См. ниже, 9-е апрѣля.

оттоль въ городъ, где служби божой у ст. Анастасіи слухалемъ. У вечеру билемъ у князя, а зъ Петромъ Чарнишемъ розговорували о ихъ зъ мачехою интерессѣ.

Субота. 3. День сперва нохмуренъ и мокроватъ, а до того топелъ. Ночъ отъ части похмурна да тепла. Тертичника зде уговорили дерева сотню рѣзать за 3 р. и три мѣрки хлѣба. За стогъ сѣна въ Некрас. далемъ 2 р. 20 к. Ставъ здешній Глуховскій до половини отъ ліоду очистился. На службѣ булисмо у князя и обѣдали зъ род. По обѣдѣ ездилемъ на Красную Горку и заездилемъ до Количова. Оттоль заехалемъ къ ясневел., былъ на вечернѣ у Анастасіи. Зде, въ дворѣ гетманскомъ, увѣдомился я о приключившойся скорбѣ намъ зъ преставленія Василія Делюка, секретара его велможности.

Неделя. 4. День былъ теплій, около обѣда дожчъ весняний теплій, потомъ стало хмурно, а въ вечеру вѣтеръ насталъ полунощний, холодній, который тривалъ и черезъ ночъ всю, и осталній ліодъ на ставу розбылъ. Рано былемъ у князя, который на зубъ заболѣлъ, а на службѣ у ст. Анастасіи, и у ясневел., где и обѣдалемъ. По обѣдѣ игралемъ въ карти зъ п. Михайломъ въ пѣкетъ до вечора.

Понеделокъ. 5. Вѣтеръ вчорайшій холодний черезъ увесь день тривалъ, а съ полудня снѣгъ ишолъ до полночи, зъ вѣтромъ и морозомъ, и къ свѣту морозъ. Карабутѣ Сварковскому позичилемъ четверикъ овса. До жени въ Новгор. о пріездѣ ея сюда, а до Клима объ отездѣ ихъ въ Чернѣговъ зъ Шохомъ и объ постараннюся осятра на суботу. Ѳротъ разобралъ лѣкарства и декоктъ по рецепту.

Вовтор. 6. День былъ вѣтряний, однако жъ погодний и холодний зъ морозомъ, ночъ свѣтла а холодновата. Рано былемъ у канцеляріи министерской за дѣломъ своимъ. Александеръ обѣдалъ у мене, зъ которимъ ездилемъ въ городъ за виномъ продажнимъ, а потомъ были у нашемъ склепу, где бутилокъ 6 насипалъ.

Середа. 7. День былъ холодний сперве, але тихій, и свѣтлій, а потомъ теплій отъ слонца, ночъ свѣтла зъ морозцемъ. Рано

былемъ у п. Михайла и на службѣ у ст. Анастасіи, а потомъ у ясневелможного, который потомъ на колку и фебру заболѣлъ. Жена пріехала зъ Новгородка отъ п. Григоріевой, о которой сказала, что велми болна. Обѣдалъ родитель съ нами. По щоту показуется въ ямѣ овса въ Калюжнов. футорѣ четвериковъ 22. Писали род., п. Мих. и я до стар. Гамал. и до Дмитра о спроданню жита.

Четвер. 8. День былъ холодноватъ зранку, але тихій и теплій и свѣтлій, такова жъ и ночъ была, толко зъ морозцемъ. Рано былемъ у князя, обѣдалемъ у себе въ дому, по обѣдѣ ездилемъ въ городъ до п. Михайла и съ нимъ въ пѣкетъ игралъ. Сегодня читано дѣло мое зъ Кодинцами у князя.

Пятокъ. 9. День былъ свѣтлій зперва, потомъ похмурній, вѣтряний и холодний, у вечеру тепло стало, ночъ похмурна и тепла. Вѣдомо зде въ Глуховѣ, что Танскій Переясловскій Василь зъ подъ карауму иностранной колегія взятъ въ Преображенскъ, въ Москвѣ. Скрицкій, племенникъ панеи гетмановой [1], пріехалъ зъ Полши. Писмо уступное отъ швакгровъ моихъ данное на Криски, зде въ ратушѣ Глуховской уписано въ книгу и помѣчено. У Шавкуна, козака Сварк., купилемъ ниву другую за 20 р. Отъ Несторовича получилемъ вѣдомость, что воловъ 40 купленнихъ годуется у футорѣ Гамалѣевскомъ, а робочихъ 12, молод. 2, бугаевъ 2, сѣна тамже скиртъ 3. Пасѣчникъ уговоренъ и ему дать 5 коп. грошей, кожухъ, чоботъ паръ 2, вовни 6 рунъ, день виорать на просо, харчь сировая.

Субота. 10. День сперва холодноватъ, потомъ тепелъ къ вечеру и похмуренъ. Ночъ свѣтла и тепла. Панъ гетманъ на фебру захоровалъ терцѣянну. Обѣдали у мене протопопъ Романъ Степановичъ, Столповскій и Думитрашко. Вѣжевскій зъ Обложокъ привезлъ купчую отъ шинкара на гай и ниву, у Романа и Артема Латенковъ, жителей и козакой Тулиг., купленніе, за 8 р. и 50 коп. Отписалемъ до Несторовича и до Тараса зъ упомненнемъ, что

[1]) Петръ Искрицкій. См. о немъ Сулим. Архивъ, стр. XII.

онъ далъ сѣно брату, а другого конѣ принялъ, черезъ протопопу Ромен. Климъ Пѣщанскій повернулся не по силѣ указу, за что наказанъ.

Неделя. 11. День былъ сперва тихъ и теплъ, а потомъ дожчъ пойшолъ, ажъ до вечора зъ вѣтромъ. Ночъ холодна и мокровата. У князя рано и на службѣ у его церквѣ, обѣдалемъ въ дому; у вечеру были Кондзеровская и Ганка.

Понеделокъ. 12. День былъ вѣтряний холодний и зъ дожчемъ, мало не до вечора, ночъ тиха, однакожъ похмурна и хмурна, и мокровата. Романъ Тулиг. привезлъ купчую на лѣсъ зъ берегомъ сѣнокоснимъ за 11 р. и 60 к., которому термѣну купчей далемъ и 6 р., а остатокъ после самому продавцеви отдамо. Гор. въ Тул. 3 куѳи. Юско посланъ въ Роменъ зъ 13 коньми и машталеромъ Алексѣемъ, которому на овесъ далемъ 1 р. и 50 к. да на дорогу 15 к. Подданнимъ Сварковскимъ определеніе учинилъ, чтобъ болше 15 человѣкъ не висилать на работу зъ села. Суддю и писара пол. Чернѣгов. привезено въ Глуховъ подъ карауломъ. Суддя доноситъ на епископа Чер., а писаря въ свѣдителя показуетъ [1]).

Вовтор. 13. День былъ похмурний, однакъ теплій и тихій, а къ вечеру и теплій и тихій, и свѣтлій, ночъ тепла жъ и свѣтла, потомъ хмурна. На службѣ былисмо у Астровского церквѣ. Машталѣръ Новотный поламалъ каретку Молчановскую. Анна Павловна Полуботковна, Григоріева Жоравкова, старѣйшая сестра жени моей, на уплави женскіе заболѣвшая, а потомъ и на пухлину, умре 11-го часа зъ полночи. Отъ Крисковского стар. писмо, въ якомъ объявляетъ, что 3 куѳи гор. есть. Анна Полуботковна, Григоріева Журавкова, сестра жени, умре.

Серода. 14. День былъ похмурний, тепловатъ, потомъ вѣтрянъ, въ ночѣ дожчъ все ишолъ. Вѣдомость отъ п. Якова швагра, зъ Новгородка, о п. Григоріевой, что вчера преставилась получилемъ и отписалемъ ему. Господаръ повернувшись зъ Уздицѣ сказалъ, что пчоли виставили зъ омшаника 310, а 21 пчола умерла черезъ зиму. Сѣна купилемъ 13 воз. за 9 зол.

---

[1]) См. ниже, 15-е мая.

Четвер. 15. День былъ сперва похмурний и холодноватъ, а отъ полудня тепелъ и свѣтелъ, такова жъ и ночъ, къ свѣту туманъ. На службѣ у Михайла въ церквѣ былемъ, а по службѣ у Мануйловича, обѣдалемъ у себе. Родитель и князь Шаховскій въ церквѣ его пріобщались ст. тайнамъ.

Пятокъ. 16. День былъ сперва свѣтлій, потомъ похмурній и холодноватъ, ночъ теплѣйшая, хмурна жъ. Михалъ Янѣшевскій далъ мнѣ на писмѣ прошеніе, что желаетъ онъ благочестіе принять греческого исповѣданія, которого зъ особливимъ моимъ листомъ о томъ писаннымъ до отца протопопи посилалемъ. Протопопиха у вечеру была въ насъ въ иступленіи ума. Барма молодикамъ дана по сукну и 1 р. Василцеви, кравцеви по 20 а., Васил. вел. 2 р. безъ сукна, Алексѣю возницѣ сукно рудое и 2 р., Яремѣ и Гавр. по 1 р. и по 50 к.

Субота вел. 17. День былъ велми вѣтрянъ и похмуренъ, ночъ хмурна жъ и вѣтряна. Сегодня въ церквѣ ст. Михайла приобщался ст. таинствамъ. Янѣшевскій миропомазанъ, въ мѣсто кумовей братъ Іванъ и дочъ Ганнуся, исповѣданъ, а причастіе на завтрее отложено. Отъ Вѣжевского за баню принялемъ денегъ 5 р.

Воскресеніе. 18. День былъ свѣтелъ и тепелъ, однако жъ вѣтрянъ. Вечеръ хмуренъ и зъ болшимъ вѣтромъ, ночъ свѣтла и отчасти вѣтряна. Зъ родителемъ былъ я рано у князя, у гетмана, и обѣдали у себе, и съ нами п. Кондзеровская зъ тіоткою и Гапка.

Понеделокъ. 19. День былъ свѣтлій и хорошій, ночъ свѣтла и тепловата. Рано зъ род. былисмо у брегадира, на службѣ у черниць, обѣдали у себе, а по обѣдѣ у Мякинина и Количова. Жена поехала въ Новгородъ для погребенія преставлшойся сестри п. Григоріевой. При женѣ поехалъ Пѣщанскій, которому приказъ данъ особливий, коего зде копія приложенна взглядомъ денегъ Чернѣ...

Вовторокъ. 20. День и ночь были свѣтліе, тепліе и погодніе. Рано былемъ у ст. Анастасіи на службѣ, а после у ясневел. Род. и я обѣдали у князя, и съ нимъ по обѣдѣ ездили въ минѣстерскій дворъ загородний и коней смотрѣли Волинского. Янѣшевскому на справленне сѣдла далемъ 2 ефимки.

Серода. 21. День и ночъ свѣтліе, тепліе и тихіе. Рано на службѣ у ст. Анастасіи обѣдалемъ у гетмана, а род. и многіе у брегадира. По обѣдѣ ездилемъ до Кондзеровского, отголь къ сотнику заездилемъ, после зъ братомъ ездилемъ на Бѣлополовку. П. Михайло прислалъ ко мнѣ писмо покойника Люки, якое онъ къ намъ обоимъ писалъ передъ своею смертю, обвиняючи себе, что нѣкоторое число денегъ его п. Михайловихъ, братнѣхъ и моихъ хотѣлъ удержать себѣ тайно и что за дикцѣонеръ Морелѣ далъ 12 р., а не 20 р.

Четвер. 22. День и ночъ были свѣтліе, тепліе и тихіе. На службѣ у ст. Анастасіи и у гетмана. Обѣдалемъ зъ род. въ дому. По обѣдѣ ездилемъ зъ братомъ въ Сварковъ, а ехалъ год. 1 и 45 мѣнутъ.

Пятокъ. 23. День былъ теплій и свѣтлій, зъ силнимъ громомъ въ первое, ночь похмурна и тепла. На службѣ у князя и на обѣдѣ. Гетманъ захоровалъ зновъ на фебру.

Субота. 24. День былъ похмурній зъ дожчемъ, ночъ випогодилась мало. На службѣ у церквѣ княжой, а обѣдалемъ у себе зъ Денисовимъ и Шляковимъ, у вечеру ездилемъ до п. Михайла.

Неделя. 25 Туманъ рано, потомъ вѣтрано и помѣрно тепло и похмурно, къ вечеру холоднѣй и дожчъ. Ночъ хмурна, вѣтряна зъ дожчомъ. На службѣ у ст. Анастасіи у гетмана, обѣдалемъ у себе и со мною Федоръ Саввичъ и Александеръ. Ездилемъ у футоръ Калюжновскій, а ехалъ полъ 2 часа. Тамъ видѣлъ живихъ 13 воловъ, коровъ 3, а 2 воли здохли теперъ. Зъ Сухоносовки отъ Демяна писмо, что у Гамал. воловъ куплен. 40, а осталось денегъ у Дядѣ 23 р. и 40 к. У Сухон. робочихъ воловъ 7., а въ Перервин. 16, да прислалъ сюда на подводѣ зъ 6 кабановъ мясо, 4 гуси, квочокъ 20, яецъ копъ 2. Да зъ Перервинецъ писмо другое отъ стар., что роздалъ 19 р. и 50 к. на сѣно, да шинкаръ розно же 6 р. и 25 к. и что у его остается готовихъ денегъ 20 р. и же купилъ зимою сѣна и соломи для статку за 11 р.

Понедел. 26. День былъ сперва холоденъ, вѣтранъ зъ дожчикомъ, а потомъ свѣтелъ и тихъ, ночъ тиха и тепла. Писмо отъ стар. Крисков., что пчоли поставлени въ пасѣцѣ и присилка, вапна и цибуля.

Вовтор. 27. День былъ теплій и свѣтлій, и ночъ такова жъ. На службѣ у ст. Анастасіи былемъ, обѣдалемъ въ дому зъ маткою, сего дня зъ Ромна пріехавшою. У день были у насъ п. Миклашевская и п. Кондзеровская, а у вечеру ходилемъ до князя.

Середа. 28. День былъ свѣтлій, тихій и теплій до полдня, а потомъ громъ и дожчъ и градъ, и въ вечерѣ и ночъ были отчасти похмурніе, и вѣтряніе. Сегодня было молебствіе о коронацѣи ея величества и въ князя Шаховского былъ банкетъ, где и подпіяхомъ, а гетманъ боленъ и слабъ былъ.

Четвер. 29. День былъ вѣтряній, хмарний, по обѣдѣ болшій вѣтеръ полуденній, а потомъ до вечора дожчъ. Ночь хмурна жъ и холодновата. У церквѣ былемъ у ст. Михайла, оттоль ездилемъ на Красную Горку и на Бѣлополовку. Обѣдали въ дому зъ родителми. По обѣдѣ поехалъ до Тулиг., ехалъ до Обложокъ часъ и 35 мѣнутъ, а отъ Обложокъ до Тулиг. полъ 2 часа, где видѣлемъ на точкахъ пчоли висталенной 28. А въ імбарѣ 2 куѳ. гор. Крисковціовъ 10 человѣка пріехало и войтъ.

Пятокъ. 30. День былъ вѣтрянъ сперва и хмаренъ, после свѣтелъ и тепелъ, ночъ тепла, однако жъ похмурна и вѣтряна. Тутже въ Тулиг. далемъ стар. 10 р. на тамошніе росходи, да за лѣсъ доплатилемъ Бистрицкому козаку 3 р. 60 к. Велѣлемъ дать въ позику четверникъ жита Михайленку. Зъ Тул. поехалемъ въ пасѣку Уздицкую, а ехалъ полъ 3 часа, а зъ пасѣки до Семеновки ехалъ полъ 2 часа, до Глух. полъ 2 часа.

М-ць Май. Субота. 1. День былъ вѣтрянъ на збитъ, однако жъ свѣтелъ и тепелъ, ночъ вѣтряна жъ и холоднѣйшая зъ дожчемъ. Князь и род. ездили въ Семеновку до Мануйловича, на обѣдъ. Писмо писалемъ до стар. Гамалѣевского о позицѣ хлѣба людямъ. Получилъ писмо и узваръ отъ п. Петра Апостола, что ему дочь Елена родилась 12 апр.

Неделя. 2. День вѣтрянъ, хмуренъ и холоденъ велми, и ночъ такова жъ. Отписалемъ до пол. Луб. съ благодареніемъ за узваръ. Писалемъ же до Стоддовского отвѣтъ и до Несторовича.

На службѣ билемъ въ монастирѣ, по службѣ—у гетмана, обѣдали зъ маткою въ дому, а родитель у князя. Гетманъ прислалъ ко мнѣ ġазети францужскіе и при томъ получилъ я книжцу противъ Каменя Вѣри, називаючуюся Genius Stephani Javorscii.

Понедел. 3. День былъ холодний же велми, однакъ съ полудня потеплѣло и вѣтеръ утихъ, ночъ тиха, похмура. Швакгеръ Якимъ Троцкій и жена его, сестра моя, пріехали сюда въ Глуховъ. Ездилемъ рано до гетмана, а пріехавши обѣдали въ дому всѣ. По обѣдѣ, у вечеру, знову ездилемъ до гетмана. Демянъ, конюшій, пріехалъ зъ степу и привезлъ вѣдомости тамошнего господарства.

Вовтор. 4. День былъ холодноватъ и похмуренъ, зъ полудня свѣтелъ, ночь свѣтла и тепла. Швакгеръ мой п. Андрѣй Полуботокъ пріехалъ, съ которимъ обѣдалисмо.

Середа. 5. День былъ теплій и тихій, и свѣтлій, у вечеру дожчикъ, ночъ свѣтла, тепла и тиха. Яма дубовая докончена на Красной Горцѣ; обѣдалисмо зъ родителми и швакгромъ п. Андрѣемъ, у вечеру били въ князя. За 3 коней футорнихъ купивши, дали 15 р.

Четвер. 6. День и ночь были безъ дожчу, противъ вчорайшого. Въ Сварковъ ездилъ рано, а обѣдалисмо въ дому. Матка и жена лѣкарство принимали. Декоктъ знову сталъ пить. Ярема посланъ въ Новгородокъ купить човни и дано ему на то 2 р. 50 к.

Пятокъ. 7. День былъ теплій, свѣтлій и тихій и ночъ такова жъ. Брусовъ 11 купили, на що панеи далемъ 10 р. Ездилемъ въ футоръ Калюжновскій, оттоль въ Сварковъ, где и ночовалемъ.

Субота. 8. День былъ свѣтлій, теплій и тихій, и ночъ такова жъ. У Сварковѣ службы Божой слухалемъ, а у Глуховѣ обѣдалъ зъ родителми. Машталѣръ, новоприставшій зъ Седнева, ушолъ.

Неделя 9. День былъ теплій, свѣтлій и тихій и ночъ такова жъ. Рано былъ я у гетмана, потомъ у князя, где и службы слухалъ. Обѣдалъ у себе зъ маткою, у вечеру былъ у п. Махайла и въ тещи.

Понеделокъ. 10. День теплій, свѣтлій, тихій, и ночъ татови жъ. Обѣдалисмо у себе зъ маткою и п. Федоромъ, дядкомъ.

По обѣдѣ билъ у князя и видѣлся зъ пріехавшимъ полков. Миргород. Алексѣя въ Роменъ послалъ для покупки коней, на що далъ 20 р., да черезъ его на футорніе нужди послалъ къ Несторовичу 5 р.

Вовтор. 11. День былъ свѣтлій и теплій до половини, а потомъ дожчъ зъ громомъ, после вѣтеръ и холодно. Ночъ свѣтла, холодна и вѣтряна. Пявки рано приставлялъ къ мѣсту гемоgгоидалному. Обѣдалисмо у себе зъ маткою и швакгромъ. Матка поехала въ Роменъ и съ нею сестра Олеся и п. Якимъ, Лука братъ, а жена поехала оправажать до Тулиг. Зъ вѣдомости господаря Чугутова Коленского показалось, что надъ 200 четвертей, на родителскую потребу, перебрано четвертей 7 и четверичковъ 7. Поднялемся за родителку заплатить долгу Тишенцу 8 р., а облѣкъ господара до себе принялемъ.

Середа. 12. Преполовленіе. День былъ вѣтряний, холодній и похмурний, до полдня, потомъ свѣтелъ ночъ свѣтла и холодна. На службѣ Божой былъ у церквѣ ст. Михайла, оттоль у брегадира, а оттуду у гетмана. Обѣдалъ у себѐ съ п. Федоромъ, дядкомъ, потомъ у вечеру билъ у князя. Получилемъ писмо отъ стар. Крис., въ якомъ пишетъ, что принялъ зъ Сваркова и купленного жита четвериковъ 104, да что отобралъ у утекшихъ Крисковцовъ зъ села, худобу ихъ, а именно: у Грицка Кривопущенка—клячъ зъ санми и зъ возомъ, корова съ телямъ, бодня, конопляныхъ клубковъ 3, валовихъ 4, подушка 1, дѣжка пѣнная; а у Івана, брата его, конь зъ возомъ, корова съ телямъ, подушокъ 2, дѣжочокъ 3.

Четвер. 13. День былъ свѣтлій, теплій и ночъ такова жъ. Николай, мужикъ Крисковскій, наряженъ въ Ѳданскъ зъ волами, которому зъ другимъ далемъ 30 р. роздавать Крисковцамъ на жито, по 40 копѣекъ четверикъ Понорницкой мѣрѣ, да черезъ его жъ послалемъ до стар. Крисковского 20 р., 10 р. на плитъ и проч., а 10 р. присовокупить къ прежнимъ 40 р. и роздать на жито надежнимъ людямъ. Повернулись жена зъ Тулиг. и обѣдалисмо обще всѣ и п. Федоръ дядко и швакгеръ п. Андрѣй, а по обѣдѣ п. Федоръ отехалъ, а я передъ вечоромъ ездилемъ на ту сторону до п. Михайла. Получилемъ писмо отъ Несторовича,

что Тарасъ прокрался. Получилемъ писма: одно отъ стар. Перервинского, что Ворона проситъ за свой ґрунтъ 1400 зол. и двора Яблуновского, а другое отъ козаковъ Перер., чтобъ стадо тамъ не ходило, где ходить.

Пятокъ. 14. День былъ свѣтлій и теплій, толко вѣтряний, ночъ такова жъ. П. Стефанъ Миклашевскій пріехалъ зъ Москви. Отписалемъ Несторовича, чтобъ онъ о Тарасу слѣдовалъ или брату п. Марку здалъ, до которого въ запасъ писалемъ.

Субота. 15. День былъ холодній, вѣтряний и похмурний, дожчъ передъ вечоромъ и у вечери. Ночъ холодна жъ, вѣтряна и хмурна. Писаръ Янушкевичъ, суддя Каневскій, Чернѣговскіе, и Давидовичъ попровожени въ Москву, подъ арестомъ. Писареви Черн. позичилемъ 20 р. денегъ. Обѣдалемъ въ дому, у вечеру зъ швакгромъ п. Андрѣемъ у князя, которого онъ пожекгналъ и поехалъ въ Чернѣговъ.

Неделя. 16. День былъ противъ вчорайшого, и ночъ толко тихшая. Климъ Пѣщанскій посланъ въ Криски и оттоль зъ старостою Крисковскимъ въ Чернѣговъ, до швакгровъ, по денги. Обѣдалемъ сегодня у гетмана, а род. у князя. Господаръ и Заруцкій старий поехали осматривать займи его Заруцкого на Івотѣ будучой.

Понеделокъ. 17. День былъ вѣтряний и холодний, и похмурний. Ночъ такова жъ да еще зъ дожчикомъ малимъ. Рано былемъ у князя, а родитель у гетмана, где и унѣверсалъ на селцѣ Калюжинцѣ получилъ. Декоктъ знову сталъ я пить. Обѣдалемъ въ дому, а род. у нназя.

Вовтор. 18. День свѣтлій, теплій и тихій. Ночъ тиха, зъ силнимъ дожчемъ. Князь Шаховскій и родитель віехали зъ Глухова въ Роменъ. Трембачу Григорію за давній долгъ, за дуклю, заплатилемъ 25 р. Обѣдалисмо въ дому сами и съ нами п. Андрей Кондзеровскій. Докончилемъ переводу зъ латинского на славенскій язикъ слова ст. Григорія Ниского, на воскресеніе Х—во. У вечеру былемъ у брегадира, где заставши п. Павла, пол. Миргор., посидѣлемъ до позна.

Середа. 19. День былъ сперва теплій и свѣтлій, после вѣтеръ, громъ, дожчъ и градъ, у вечери же тепло, тихо и отчасти смѣтло. Ночъ отчасти свѣтла, тепловата и тиха. Забарѣ заплатилемъ за женку зъ дѣтми 24 р. Дочъ Анастасія родилась брату п. Михайлу, о 7-мъ часу, рано, на Бѣлополовцѣ, куда я зъ п. Павломъ Миргор. ездилемъ, а после и самъ гетманъ пріехалъ и тамъ обѣдали. По обѣдѣ пожекгналемъ ясневел. и поехалисмо зъ женою въ Сварковъ на ночъ, и тамъ ночовали.

Четвер. 20. День былъ свѣтлій, сперва теплій на збытъ, а у вечери хмарно. Въ ночѣ дожчъ силний зъ жесточайшимъ громомъ, потомъ стало холодно, вѣтряно и хмарно. Сегодня въ Сварковѣ обѣдалисмо. Зъ козакомъ Горломъ сторжилемся зъ ґрунтъ его за 22 р. Поехалисмо по обѣдѣ до футора Калюжновского, оттоль на ночъ въ Глух.

Пятокъ. 21 День былъ вѣтряний, холодний и отчасти похмурній, ночъ холодна жъ, однако жъ свѣтла и тиха. Рано ездилемъ до брегадира, Мякинина и княгинѣ, и простился съ ними. По обѣдѣ пріехали до насъ Кондзеровскій зъ женою и Гапка, для имениnъ жениних, и простились. Прикази въ дѣлехъ домостроенія разнихъ далемъ господареви Вѣжевскому, войту Сварк. Забарѣ и Василю Филилинову (?), и деньги имъ далемъ, Вѣжев. 20 р., Забарѣ 20 р., Василю 6 р. Заплатилемъ козаку Свар. Горлу за увесь его грунтъ 25 р. Поехалисмо зъ Глух. и пріехали въ Тулиг. на ночъ.

Субота. 22. День былъ холодноватъ, дожчоватъ по части и вѣтрянъ, ночъ свѣтла холодна. Старостѣ Тулиг. далемъ на расходъ 5 р. и записалемъ. Велѣлемъ дать Тулиголовцямъ въ позику 25 четвертей жита, якое они повинни отдать въ повину и робить за четверть по 3 днѣ. Поехалисмо рано и пріехали на обѣдъ въ Мутинъ, где перевезшись за пол. 2 мил. черезъ Сеймъ, ночовали за милю.

Неделя 23. День былъ тепелъ зъ дожчемъ и хмарами перехожими, и громомъ и градомъ два раза, ночъ свѣтла и холодновата. Обѣдалисмо у Тернахъ, а ночовали у Смѣломъ.

Понеделокъ. 24. День былъ свѣтелъ и тепелъ, ночъ такова жъ. Пріехали на обѣдъ въ Роменъ, где въ дому родителскомъ

квартирующого князя Шаховского застали, и при немъ маiора Хрипунова, капитана Неплюева, Өрота и Шостака, и полк. Луб. п. Петра. По обѣдѣ, передъ вечоромъ, ездили на Засулле зъ княземъ и тамъ вечерали.

Вовтор. 25. День былъ холоднiй, вѣтряній зъ дожчемъ и хмурами перехожими, ночъ такова жъ. Обѣдалисмо тутъ же, въ дому, род., князь, п. Петро, пол. Луб., и протчіе, а по обѣдѣ ходили въ лавкахъ и покупки споражали. Коней возовихъ купилемъ 10, до футора способнихъ, за 40 р. Несторовичу далемъ 20 р., а у него взялемъ дуката въ 7 червонихъ.

Середа. 26. День былъ свѣтелъ, вѣтрянъ, въ день дожчъ, ночъ свѣтла, холодна, а барзѣй къ свѣту. Обѣдали тутъ же всѣ въ дому род., по обѣдѣ ходилемъ зъ п. Петромъ, полк. Луб., до его квартери, оттуду въ лавки.

Вознесеніе. Четвер. 27. День былъ свѣтлій и теплій, такова жъ и ночъ. Всѣ обѣдали въ дому род. и Еропкини оба, Юрій и Александеръ, а по обѣдѣ отехалъ князь въ Глуховъ, и ми оправажали его до Борзенки всѣ, и простившись, повернулись назадъ. Коня чалого купилемъ у аттютанта за 15 р. и 50 коп.

Пятокъ. 28. День былъ свѣтлій и теплій, и тихій, ночъ такова жъ. Старости мои оба, Сух. и Перер., явились, съ которихъ первого отпустилемъ и далемъ ему 200 р. на покупку воловъ въ Өданскъ. Поехалемъ въ Гамалѣевскій футоръ и пріехалемъ Ромадaномъ за 4 год. Засталемъ тутъ поселяючихся семей 8.

Субота. 29. День свѣтлій и теплій, толко вѣтряний, ночъ хмурна и холодновата. Дворнику новому футорному Павлу далемъ 5 р. да приказалъ ему о поправкѣ станѣ, о здѣланню погреба, (найти?) рикуную [1]), поправить гребелку, гайдая до воловъ, дать 5 рунъ Андрѣевскому попу, роздать коси на откосъ, купить улей 20. Пріехалемъ въ Роменъ на обѣдъ и обѣдалемъ зъ родителми.

Неделя. 30. День былъ вѣтряний, похмурний зъ дожчемъ и холоднiй, ночъ хмурна жъ и холодновата. Алексѣеви полу приказъ

---

[1]) Рыкуня=коровница.

далемъ въ 10 пунктахъ и денегъ 28 р. и 50 к., и коней 6 возовихъ запровадить въ Глуховъ. Генералъ Вейзбахъ, графомъ Россійскимъ пожалованний, пріехалъ въ Роменъ зъ Москви. Мы зъ Ромна поехали до Прилуки обое, зъ родителми и братами трома, и пріехали до Срѣбного въ 40 верстахъ, на Довгополову и на Бацмани, а зъ Срѣбного уехали верстъ зъ 4, и стали на ночлѣгъ.

Понеделокъ. 31. День былъ сперва холодноватъ, а потомъ тепелъ свѣтелъ и вѣтрянъ, ночъ свѣтла и тиха. Отъ ночлѣга уехалисмо верстъ зъ 16 до села сотника Срѣбранского, оттоль до Переволочной городка верстъ зъ 20, всего отъ Срѣбного верстъ зъ 30, и переехавши Переволочную и уехавши верстъ зъ 2, стали на обѣдъ. По обѣдѣ уехали верстъ зъ 20 и пріехавши въ Прилуку, стали въ Сорочинцяхъ, въ дому дядиной, п. судіиной вдовствующой. Совершился актъ веселній синови дядѣ п. Федора Марковича Димитрія зъ дочерю судіиной бившой Лубенской Жуковской. Зъ обѣда писалемъ до Алексѣя Полуд. (?) о купле моду квартъ 2-хъ для пчоли Гамалѣевской и наняттю гайдая. Дарили молодого: я 4 ефимки, жена 3, а Кондзеровской на тожъ позичили 2 р.

Юнь м-ць. Вовтор. 1. День былъ холодноватъ сперва, потомъ свѣтелъ и тепелъ, зъ малимъ дожчикомъ. Ночъ свѣтла и тиха. Обѣдалисмо приватно у п. Федора, а вечерали публѣчно.

Середа. 2. День былъ теплій, свѣтлій, вѣтряний, ночъ свѣтла и тиха. Зъ родителми ездилисмо до монастира Густинского, где и обѣдали. Модель новий видѣли ведлугъ кухнѣ у п. Федора, а въ монас. ведлугъ лазнѣ.

Четвер. 3. День былъ свѣтлій, теплій, толко вѣтряний, ночъ такова жъ, безъ вѣтру. Обѣдали у Андрѣя Горленка, потому что посватана дочъ его за сина Ічанского сотника Стороженка Григорія. Вечералисмо у п. Федора. Зговорували за брата п. Семена дочъ хоружого (Горленка) генер. меншую, Зѣновію.

Пятокъ. 4. День и ночъ были противъ вчорайшихъ во всемъ сходно. Поехалемъ рано зъ Прилуки и уехавши миль полъ 2, пріехалъ до Толкачевки, оттоль зъ полъ милѣ до Дѣвиць, где черезъ гребелку переехавши, у Болшой Дѣвицѣ попасовали конѣ. Оттуду

уехавши до села Галицѣ милю, отъ Галицѣ до Талалаевки миль 3, оттоль до Нѣжина милю 1, и сталъ квартерою у асаула полк. Нѣжинского Константія Левицкого.

Субота. 5. День и ночъ были во всемъ подобніе прежнимъ. Обѣдалемъ у войта Нѣжинского, а съ нами протопопъ Олховскій, асаулъ полк. Мойсѣй и грекъ Самойло. Войтъ подарилъ 2 оки тютюну турецкого, и волочокъ олований рожевой водки.

Неделя 6. День былъ свѣтлій, теплій и тихій, до половини дня, а зъ полдня 4-го часа вѣтеръ полунощний, дожчъ и громъ до вечора, вечеръ и ночъ похмурніе, вѣтряніе и холодніе. Невикладались купци еще и потому нѣчого не купчовали [1]).

Понеделокъ. 7. День былъ зранку очинь холодній и похмурній. Такъ же и ночъ холодна зъ дожчемъ. Обѣдалемъ у асаула полк. Нѣжин., а по обѣдѣ виехалемъ у вечеру зъ Нѣжина и уехавши верстъ зъ 3, споткалемся зъ Хрущовимъ, Нѣжинскимъ полковникомъ, зъ которимъ позабавившись зъ часъ, поехалемъ въ путь свой и проехавши село Талалаевку, уехалъ миль зъ 2 и не доеждзая Монастирища городка, на степу заночовали.

Вовтор. 8. День былъ такъ же холодній, а после полдня теплѣйшій, у вечеру знову холоденъ, ночъ также холодна. Рано вставши зъ ночлѣга, пріехалъ до Монастирищъ городка, отстоящого отъ Нѣжина въ 4-хъ миляхъ, а зъ Монастирищъ милю до села Бабичева, где и обѣдалъ. По обѣдѣ переехалъ Удай и тимъ бокомъ ехалъ до Радковки, села Раковичеваго, зъ полъ милѣ, а оттоль миль 2 до Прилуки и пріехалъ до п. Федора, где засталемъ Миклашевскую и Кондзеровскую. Черезъ Кондзеровскую писалемъ до п. Михайла, мужа ея и господара. Тутъ и ночовалемъ въ Прилуцѣ.

Середа. 9. День былъ сперва свѣтлій, потомъ хмарній, вѣтрянъ и холоденъ, передъ вечоромъ теплѣй. Ночъ холодна жъ зъ дожчомъ невеликимъ. Рано поехалемъ зъ Прилуки, невидѣвшись зъ дядкомъ п. Федоромъ и Саковичемъ, понеже они въ ту пору еще спали, и уехалемъ миль 2 до Линовицѣ, отъ Линовицѣ до

---

[1]) Разумѣется троицкая ярмарка въ Нѣжинѣ.

Махнувского млина сестри Толстой, до Новой Греблѣ належачого, полъ милѣ, а отоль до села Сасиновки полъ 2 мил., где и обѣдалемъ у Морозовскомъ дворѣ. По обѣдѣ поехалемъ до мосту именуемого Калиновского, где переехавши черезъ рѣчку Переводъ, ехалъ степомъ миль 2 и стрѣтился зъ родителемъ, въ Савиновку ехавшимъ, и поклонясь пріехалъ въ Короваи, отстоящіе отъ Савинов. въ 3-хъ миляхъ.

Четвер. 10. День былъ похмуренъ, а дожчеватъ по полуднѣ и холоденъ, ночъ свѣтла да холодна. Родитель зъ Савиновки пріехалъ на обѣдъ въ Короваи сюда, где всѣ и обѣдалисмо, и дновали, и ночовали.

Пятокъ. 11. День былъ свѣтелъ и тепловатъ, ночъ холодна зъ дожчемъ. Обѣдалисмо всѣ въ Короваяхъ, а по обѣдѣ родитель поехалъ въ Жостерскій футоръ, а мы обое зъ дѣтми и Несторовичемъ въ Перервинцѣ, отъ Короваевъ отстоящіе около 3-хъ миль, езди часовъ полъ 4, черезъ Сирую и Сухую Оржицѣ рѣчки. Родитель пожаловалъ намъ коровъ 15, зъ футора Оржицкого. У Івана Кучеровского купилемъ дрикганта, масловатого, бѣлая грива и хвостъ, за 15 р., а наша пятая на шестую ему.

Субота. 12. День былъ холодноватъ, зъ вѣтромъ, хмарами и дожчомъ переходячимъ, ночъ также похмурна и холодновата. Обѣдалисмо у Перервинцяхъ и ночовали, а по обѣдѣ зъ Несторовичемъ ездили осматривать стѣнокъ родителскихъ, прозиваемихъ Воронинихъ и особливе продажнихъ Воронинихъ, надъ Сухою Оржицею стоячихъ. Проежджали воронихъ цукъ молодихъ. Демянъ составилъ реестръ коней стаднини и ежджалихъ, и товару и овець.

Неделя. 13. День былъ погодній и теплій, ночь такова жъ. Въ Перервинцяхъ службы Божой отслухалисмо, а пріехали на обѣдъ въ Короваи, где еще не застали родителя, але толко родителку, братовъ, швакгра и Худолѣя, и не дождавшись род., обѣдали; о полудню родитель повернулся въ Короваи зъ футора Жостерского. Родитель подарилъ мнѣ стѣнку именуемую Воронину, отъ попа Яблуновского Ворони купленную за 40 р., надъ Сухою Оржицею стоячую. Могорича брату п. Семену далемъ 5 таляр. битихъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.